UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324455 5

Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/polnoesobranieso23mere

Merezhkovskii, Dmitrii Sergeevich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКАГО.

N 51-23.

Томъ XXIII.

БИБЛІОТЕКА
ЗАТОНСКАГО
Церк.-Приходск. Совета
№ 2332

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

LIBRARY
JUL - 8 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3467
M4
1914
t. 23

PG3467
M4
1914

6
20.
48

2332

СИМВОЛЫ

(ПѢСНИ и ПОЭМЫ).

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichnis...

(Goethe. „Faust", II Teile).

Все преходящее
Есть только **Символъ...**

(Гете. „Фаустъ", II часть).

.. И ставъ Павелъ среди Ареопага, сказалъ: „мужи Аѳиняне, по всему вижу, что вы благочестивы.

„Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашелъ жертвенникъ, на которомъ написано: **Невѣдомому Богу.** Сего-то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ".

(Дѣянія Апостоловъ, XVII, 22, 23).

БОГЪ.

О, Боже мой, благодарю
За то, что далъ моимъ очамъ
Ты видѣть міръ, Твой вѣчный храмъ,
И ночь, и волны, и зарю...
Пускай мученья мнѣ грозятъ,—
Благодарю за этотъ мигъ,
За все, что сердцемъ я постигъ,
О чемъ мнѣ звѣзды говорятъ...
Вездѣ я чувствую, вездѣ
Тебя, Господь,—въ ночной тиши.
И въ отдаленнѣйшей звѣздѣ,
И въ глубинѣ моей души.
Я Бога жаждалъ— и не зналъ;
Еще не вѣрилъ, но, любя,
Пока разсудкомъ отрицалъ,—
Я сердцемъ чувствовалъ Тебя.
И ты открылся мнѣ: Ты—міръ.
Ты—все. Ты—небо и вода,
Ты—голосъ бури, Ты—эѳиръ.
Ты—мысль поэта, Ты—звѣзда...

Пока живу — Тебѣ молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — съ Тобой сольюсь,
Какъ звѣзды съ утренней зарей;
Хочу, чтобъ жизнь моя была
Тебѣ немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю!..

СМЕРТЬ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА.

ПЕРВАЯ ПѢСНЬ.

I.

Анакреонъ поднявъ свой кубокъ,
Склонивъ на грудь румяный ликъ,
Бывало пѣлъ любовь голубокъ,
Вѣнчанный розами старикъ.
И ты въ пріютѣ музъ и грацій,
Безпечно дни провелъ, Горацій:
Пѣвцы, не вѣдая заботъ,
Свой медъ, какъ пчелы, собирали.
И былъ отраденъ ихъ восходъ,
Закатъ блаженный безъ печали.
Такъ жилъ, вдали отъ всѣхъ тревогъ,
Художникъ древности, какъ богъ.

II.

Бывало, въ мирномъ кабинетѣ,
И наши лирики могли
Хвалить, забывъ про все на свѣтѣ,
Красоты неба и земли...
Теперь совсѣмъ иное время:
Поэтовъ вѣтреное племя

Желѣзный вѣкъ поработилъ
Царитъ надъ нами муза гнѣва,
И стихъ унылый сердцу милъ.
Веселья прежняго напѣва,
Друзья, не требуйте отъ насъ...
Но съ Богомъ въ путь: начну разсказъ.,.

III.

Нашъ городъ скучный и холодный
Въ стихахъ задумчивыхъ пою,
Нашъ Сѣверъ мрачный и безплодный
Отчизну бѣдную мою.
Въ огромномъ Невскомъ и Литейной,
Въ ихъ красотѣ прямолинейной,
Въ Невѣ, закованной въ гранитъ,—
Есть духъ суровый. Городъ бѣдный,
Не даромъ надъ тобой царитъ
На глыбѣ камня Всадникъ Мѣдный:
Ты полонъ страха и тоски—
Подъ грознымъ маніемъ руки

IV.

Петровой! Въ городѣ туманномъ,
Въ громадахъ улицъ—мысль одна,
Какъ лучъ въ кристаллѣ многогранномъ,
Кругомъ вездѣ отражена,
Въ холодномъ блѣдномъ небосводѣ,
И въ этой сѣверной природѣ
Таится кроткая печаль:
Когда гляжу на мрачный Невскій,
На отуманенную даль,—
Твоихъ героевъ, Достоевскій,
Припоминаю. Русскій духъ
И здѣсь, быть-можетъ, не потухъ.

V.

И здѣсь не дремлетъ въ людяхъ совѣсть,
И здѣсь на лицахъ молодыхъ
Я иногда читаю повѣсть
Страданій гордыхъ и нѣмыхъ.
Люблю смотрѣть, какъ негодуетъ
Нева, лишь съ запада подуетъ
Могучій вѣтеръ. Синій ледъ
Лучами теплыми расколотъ;
Къ морямъ волна его несетъ...
Зато зимой въ столицѣ—холодъ,
И неподвижна, и мертва
Подъ снѣжнымъ саваномъ Нева...

VI.

Былъ часъ, когда сквозь дымъ душистый
Сигаръ, межъ фруктовъ, на столѣ,
Подъ лампой блещетъ золотистый
Ликеръ въ граненомъ хрусталѣ,
Когда, минутъ не тратя даромъ,
Сидитъ за третьимъ самоваромъ
Чиновникъ бѣдный на Пескахъ,
Зоветъ соперниковъ для винта
Хозяинъ съ картами въ рукахъ,
Когда въ проходахъ лабиринта
У мрачныхъ театральныхъ кассъ
Шумитъ толпа и блещетъ газъ.

VII.

А за Невою, сномъ объятый,
Огромный рядъ домовъ почилъ;
На крышахъ снѣгъ голубоватый
Холодный мѣсяцъ озарилъ.
И онъ печальнымъ, робкимъ взоромъ

Сквозь окна съ ледянымъ узоромъ
Въ большую комнату проникъ,
И блѣдный лучъ упалъ на склянки,
На груды атласовъ и книгъ,
На микроскопъ, реторты, банки...
И романтичная луна
Глядитъ на все, удивлена:

VIII.

Не лепестки цвѣтущихъ лилій,
Не розы,—тихій, лунный свѣтъ
Посеребрилъ подъ слоемъ пыли
Анатомическій скелетъ.
Сидитъ хозяинъ въ креслахъ. Рядомъ
Съ лицомъ румянымъ, съ умнымъ взглядомъ
Холодныхъ глазъ—веселый гость.
Онъ зажигаетъ папиросу
И говоритъ: «Послушай, злость
Безцѣльна. Глупому вопросу
Ты придаешь трагизмъ. Повѣрь,
Гони природу нашу въ дверь,—

IX.

Она въ окно войдетъ. Мой милый,
Ты жилъ въ ученой кельѣ, страхъ
Предъ міромъ чувствуя, унылый
И нелюдимый, какъ монахъ.
Но первый пылъ дѣвичьей ласки,
Лукавый смѣхъ, живые глазки,—
И какъ Борисъ мой ни уменъ,
Онъ—слѣпъ, онъ потерялъ разсудокъ,
Готовъ, Богъ вѣсть въ кого влюбленъ,
Писать въ гирляндѣ незабудокъ,
Въ альбомѣ, полномъ чепухи,
Сентиментальные стихи!

X.

Отдайся чувствамъ мимолетнымъ,
Пока не поздно, и живи
Эпикурейцемъ беззаботнымъ,
Какъ я, не вѣдая любви,
Мѣняя женщинъ для забавы:
Онѣ—капризны и лукавы.
Слегка внимательно ко всѣмъ,
Пусть сердце, прихоти послушно,
Для нихъ не жертвуя ничѣмъ,
Имъ измѣняетъ равнодушно:
Тогда, безъ тягостныхъ оковъ,
Ты будешь веселъ и здоровъ!.

XI.

Но нашъ герой съ улыбкой грустной
Сказалъ товарищу въ отвѣтъ:
«Въ дѣлахъ любви—ты врачъ искусный,
Я принимаю твой совѣтъ.
Со мною дѣлай что угодно!..
О, только бъ вновь дышать свободно.
И быть здоровымъ!.. Сознаю,
Что страсть комична и нелѣпа,
Стыжусь, и все-таки люблю,
Я противъ логики и слѣпо,
Не знаю, самъ за что!..» Онъ вскалъ
И гнѣвомъ взоръ его блисталъ.

XII.

«Нѣтъ, власть любви должна наука
Въ сердцахъ людей искоренить!..
Когда бъ ты зналъ, какая мука
Быть вѣчно въ рабствѣ: погубить
Насъ можетъ первая дѣвчонка...

Въ рукахъ неопытныхъ ребенка—
Судьба моя!.. О, сколько разъ,
Когда мнѣ знанье открывало
Свой міръ въ полночный, тихій часъ,
И пламя спирта согрѣвало
Стекло звенящее ретортъ,—
Я былъ такъ радостенъ и гордъ!

XIII.

Межъ книгъ и банокъ запыленныхъ,
Въ лабораторіи—одинъ,
Стихій, умомъ порабощенныхъ,
Я былъ въ то время властелинъ.
Теперь—я рабъ! Какая сила
Мой умъ и волю побѣдила?
Любовь!.. Отъ предковъ дикарей
Я получилъ ее въ наслѣдство,—
Для размноженія людей
Природы выгодное средство...
Слѣпая, глупая любовь!..»
Но гость его утѣшилъ вновь:

XIV.

«Исполни мой совѣтъ разумный.
Съ тобою вмѣстѣ проведемъ
Мы эту ночь»... Въ Орфеумъ шумный
Они поѣхали вдвоемъ,
Пока вдоль сумрачной Фонтанки
Влачатся медленныя санки,
И въ блескѣ звѣздъ глубокъ и тихъ
Надъ ними неба синій пологъ,—
Позвольте вамъ представить ихъ:
Борисъ Каменскій—физіологъ,
Веселый другъ его—Петровъ—
Одинъ изъ модныхъ докторовъ,

XV.

Печально люстры въ душномъ залѣ
Кутилъ полночныхъ сквозь туманъ
И лица женщинъ озаряли
Подъ слоемъ пудры и румянъ...
Табачный дымъ и запахъ пива...
Мелькаютъ слуги торопливо;
Скучая, медленно вокругъ
Гуляютъ пары. Здѣсь не рѣдки
Скандалы... Монотонный звукъ
Какой-то глупой шансонетки,
Разгулъ и смѣхъ... Порой бокалъ
Въ азартѣ пьяный разбивалъ.

XVI.

Стыдливый мальчикъ, тихъ и робокъ,
Сюда идетъ въ шестнадцать лѣтъ,
Въ чаду вина, подъ звуки пробокъ
Онъ узнаетъ любовь и свѣтъ.
Сюда идетъ старикъ почтенный,
Подъ ношей долгихъ лѣтъ согбенный...
Петровъ нашъ веселъ и уменъ,
Какъ на пиру гораціанскомъ.
Его пріятель возмущенъ:
Не много прелести въ шампанскомъ
Онъ находилъ. Покинувъ залъ,
На вольный воздухъ онъ бѣжалъ.

XVII.

Нѣтъ! Идеалъ эпикурейскій
Его тоски не побѣдитъ:
Забывъ о пошлости житейской,
Онъ въ небо вѣчное глядитъ.
Тамъ, въ синевѣ морозной ночи,

Мерцаютъ звѣздъ живыя очи...
Хотя насмѣшливо онъ звалъ
Свою любовь сентиментальной,
Все жъ имя Ольги повторялъ
Съ улыбкой нѣжной и печальной;
Какъ робкой дѣвушки мечта,
Была любовь его чиста.

XVIII.

Познанья жаждою томимый,
Читалъ онъ съ дѣтства груды книгъ,
Позитивистъ неумолимый,
Огюста Конта ученикъ,
Старался быть вполнѣ свободнымъ
Отъ чувствъ, научнымъ и холоднымъ.
Какъ равнодушно онъ внималъ
Людскому ропоту и стонамъ!
Порывы сердца подчинялъ
Математическимъ законамъ.
Предъ нимъ весь міръ былъ мертвъ и нѣмъ,
Какъ рядъ бездушныхъ теоремъ

XIX.

Въ неуловимыхъ переходахъ
Мы подражаемъ безъ труда
Европѣ въ галстукахъ и модахъ,
И даже въ мысляхъ иногда:
Боготворимъ чужое мнѣнье,
И, въ благородномъ увлеченьи,
Не отдѣливъ отъ правды ложь,
Мы вѣримъ выводамъ заранѣ,
Такъ въ наше время молодежь
Плѣняетъ Спенсеръ. Англичане
Надъ нею властвуютъ: законъ
Твоя наука, Альбіонъ!

XX.

Нашъ юный другъ—въ стремленьяхъ вѣчныхъ,
Въ живыхъ созданіяхъ вѣковъ,
Въ порывахъ духа безконечныхъ—
Самонадѣянъ и суровъ—
Старался видѣть только бредни
Пустыхъ мечтателей: послѣдній
Онъ выводъ знанья принималъ.
Отъ всѣхъ покрововъ и загадокъ
Природу смѣло обнажалъ,
Смотрѣлъ на міровой порядокъ
Въ одну изъ самыхъ мрачныхъ призмъ—
Сквозь безнадежный фатализмъ.

XXI.

Межъ тѣмъ въ очахъ его не даромъ
Порою вспыхивала страсть:
Напрасно, полнъ сердечнымъ жаромъ,
Онъ отрицалъ надъ нами власть
Того, что умъ понять не можетъ,
Что сердце мучитъ и тревожитъ,
Онъ зналъ поэтовъ, говорилъ,
Что ихъ читаетъ отъ бездѣлья,
А втайнѣ искренне любилъ;
И много милаго веселья,
И много нѣжной доброты
Таили гордыя черты.

XXII.

Есть домикъ бѣдный и старинный
На Петербургской сторонѣ—
Дворецъ Петра. Теперь, пустынный,
Онъ дремлетъ въ грустной тишинѣ.
Тамъ образъ Спаса чудотворный:

Ликъ Византійскій,—древній, черный...
Тарелку съ деньгами дьячокъ
Въ часовнѣ держитъ. Попъ усталый
Поетъ молебны—старичокъ
Сѣдой, подъ ризой обветшалой.
Огни таинственныхъ лампадъ
И свѣчи яркія горятъ...

XXIII

Полно страданья неземного,
Чело Христа еще темнѣй—
Среди оклада золотого,
Среди блистающихъ камней,—
Остался Онъ такимъ же строгимъ,
Простымъ и бѣднымъ, и убогимъ.
Мужикъ, и дама въ соболяхъ,
И баба съ Охты отдаленной
Здѣсь рядомъ молятся. Въ очахъ
У многихъ слезы. Благовонный
Струится ладанъ. Ликъ Христа
Лобзаютъ грѣшныя уста.

XXIV.

Подъ длинной, черною вуалью
Въ толпѣ, прекрасна и блѣдна,
Стояла дѣвушка, печалью
И умиленіемъ полна,
Покорно сложенныя руки,
Еще слеза недавней муки
Въ очахъ смиренныхъ... взоръ глубокъ,
И просты темныя одежды,
Кидаютъ тѣнь на мраморъ щекъ
Ея опущенныя вѣжды.
И предъ иконой золотой
Она склоняется съ мольбой.

XXV.

Пока Борисъ, въ тоскѣ мятежной,
Пытался тщетно позабыть
Свою любовь и первый, нѣжный
Ея ростокъ въ душѣ убить,
Чтобъ какъ-нибудь насмѣшкой злобной
Отъ этой страсти неудобной
Освободиться поскорѣй,
Ей не пожертвовавъ ученой
Карьерой будущей своей,—
Въ то время Ольга предъ иконой
Въ толпѣ молилась за него;
И, зная друга своего,

XXVI.

Предвидѣла борьбу, мученья
И много жертвъ, и много слезъ...
Полна глубокаго смиренья,
Она пришла къ тебѣ, Христосъ,
Чтобъ укрѣпить свой духъ молитвой
Предъ этимъ подвигомъ и битвой:
Ее на трудъ благослови!
Она у грознаго преддверья
Своей безрадостной любви,
Страданья ждетъ, полна довѣрья,
И только молитъ силы дать
Его любить и съ нимъ страдать...

XXVII.

Но я ужъ слышу, критикъ строгій,
Твой недовѣрчивый вопросъ:
Зачѣмъ, свернувъ съ прямой дороги,
Въ свою поэму авторъ внесъ
Нежданно стиль религіозный?

О, нашихъ музъ диктаторъ грозный,
Ты хмуришь брови. Милый другъ,
И я, какъ ты, въ сомнѣньяхъ грѣшенъ,
Я раздѣляю твой недугъ,
И я безвѣрьемъ не утѣшенъ,
Боговъ невѣдомыхъ ищу
И вѣрить въ старыхъ не хочу.

XXVIII.

Какъ ты, я шелъ въ огонь сраженій
За мыслью гордою вослѣдъ.
Позналъ всю горечь пораженій
И все величіе побѣдъ!
Какъ ты, я маски ненавижу...
Но тѣхъ презрѣньемъ не унижу,
Кто вѣритъ съ дѣтской простотой...
Свою скептическую шутку
Оставь, читатель дорогой,
И будь добрѣе къ предразсудку,
Чужія слабости пойми:
Не смѣйся, братъ мой, надъ людьми!

XXIX.

О, я завидую глубоко
Тому, кто вѣритъ всей душой:
Не такъ въ немъ сердце одиноко,
Не такъ измучено тоской
Предъ неизбѣжной тайной смерти:
Друзья, кто можетъ вѣрить, вѣрьте!...
Нѣтъ, не стыдитесь вашихъ слезъ,
Святыхъ молитвъ и откровеній;
Кто бремя жизни съ вѣрой несъ,
Тотъ счастливъ былъ среди мученій.
А мы... во всѣхъ дарахъ земли
Какъ мало счастья мы нашли!

XXX.

Жила у тетки старой Оля.
Ихъ домъ—надъ царственной Невой.
Тамъ—скука, роскошь и неволя,
И вѣчный холодъ ледяной.
Тамъ тетка—въ платьяхъ черныхъ, длинныхъ,
Въ покояхъ важныхъ и пустынныхъ.
Предъ нею—въ страхѣ цѣлый домъ.
Но съ умиленными очами
И блѣднымъ, набожнымъ лицомъ
Неслышно тихими шагами
По мрачнымъ комнатамъ весь день
Старуха бродитъ, словна тѣнь.

XXXI.

Едва услышитъ имя Бога,
Подыметъ взоръ свой, полный слезъ...
Она курила очень много
Душистыхъ, тонкихъ пахитосъ:
Редстокъ любилъ ее, конечно.
Всегда жалѣя безконечно
Овецъ заблудшихъ и слѣпыхъ,
Въ своихъ палатахъ въ воскресенье
Она устроила для нихъ
Душеспасительное чтенье;
И чай носилъ въ кругу гостей
Во фракѣ сумрачный лакей.

XXXII.

И томно тетушка вздыхала.
Какихъ-то свѣтскихъ дураковъ
И старыхъ дѣвъ она сбирала
Для этихъ модныхъ вечеровъ;
Но до меня дошли извѣстья:

У тетки два большихъ помѣстья.
Она въ имѣніи родномъ,
Полна глубокаго искусства,
Была практическимъ дѣльцомъ,—
Забывъ евангельскія чувства;
И обирала мужика
Порой не хуже кулака.

XXXIII.

Отвергнувъ ложныя мечтанья,
Цѣнила въ подданныхъ своихъ
Консервативныя преданья
Временъ блаженныхъ, крѣпостныхъ.
Но становилась либеральнѣй
Вернувшись изъ деревни дальней.
Порой умѣла тонко льстить
И обладала рѣдкимъ даромъ
Особамъ важнымъ угодить
Филантропическимъ базаромъ.
Но ты, читатель, видѣлъ самъ
Въ столицѣ много этихъ дамъ.

XXXIV.

Казалась Оленька послушной,
Немного скрытной иногда;
Въ красѣ холодной, равнодушной
Въ лицѣ спокойномъ—ни слѣда
Мученій тайныхъ и стыдливыхъ,
Бесѣдамъ лицъ благочестивыхъ
Она, головку наклонивъ,
Внимать съ улыбкой безотвѣтной
Привыкла, злобу затаивъ.
Ей носитъ книги—плодъ запретный—
Угрюмый гимназистъ кузенъ
Въ ея печальный, душный плѣнъ.

XXXV.

Она ихъ съ жадностью читала
Въ своей постели по ночамъ,
Она молилась и мечтала
Итти въ деревню къ бѣднякамъ.
И что съ ней будетъ тамъ,—неясно,
Темно и все-таки прекрасно.
Великодушныя мечты,
Вы такъ младенчески-наивны
И все же полны красоты!
Она тоскуетъ: ей противны
Весь этотъ міръ холодной лжи,—
Великосвѣтскія ханжи...

XXXVI.

Но завтра Ольга встанетъ рано,—
И снова англійскій урокъ,
Унылый lunch,и фортепьяно,
И Лѣтній садъ. Враждебный рокъ
Стѣсняетъ въ узкія границы,
О, дѣвы сѣверной столицы,
Всю вашу жизнь!.. Холодный свѣтъ
Увидитъ Ольгу безмятежной,
Опять затянутой въ корсетъ,
Чай разливающей небрежно
Въ прозрачный, матовый фарфоръ
Гостямъ, подъ легкій разговоръ.

XXXVII.

«Красива, но горда безъ мѣры»,
О ней дѣвицы говорятъ,
Находятъ мертвымъ кавалеры
Ея очей глубокій взглядъ
Она, безчувственнѣй и строже

Кумира мраморнаго, въ ложѣ
Внимаетъ Фигнеру порой.
Ахъ, если бъ знали, сколько боли
Подъ этой гордой красотой
Таится въ бѣдномъ сердцѣ Оли,
Какъ ненавидитъ, гордый свѣтъ,
Она твой мертвый этикетъ!..

XXXVIII.

Мгновенья отдыха такъ сладки:
У Ольги есть знакомый домъ.
Одной столичной меценатки
Съ изящнымъ вкусомъ и умомъ—
Салонъ немного эксцентричный,
Своеобразный, но приличный;
Въ немъ—хаотическій музей
Профессоровъ неинтересныхъ,
И государственныхъ мужей,
И литераторовъ извѣстныхъ,
И свѣтскихъ женщинъ, и актрисъ:
Тамъ съ Ольгой встрѣтился Борисъ.

XXXIX.

Любимецъ солнца, житель юга,
Тебѣ привычная весна
Мила, какъ старая подруга,
Или законная жена.
А мы... минуты нѣги краткой,
Какъ у любовницы, украдкой
Спѣшимъ похитить у весны!..
Намъ полдень замѣняютъ свѣчи,
И мы шесть мѣсяцевъ должны
Топить усердно наши печи.
И вдругъ—лучи, тепло, лазурь,
И дождь, и громъ весеннихъ бурь!..

XL.

О, только мы благоговѣемъ
Предъ каждой почкою лѣсной,
О, только мы цѣнить умѣемъ
Лучи Авроры золотой!
На шумной улицѣ столичной,
Прислонена къ стѣнѣ кирпичной,
Листвой пахучею шумитъ
Березка сѣверная! Боже,
Вѣдь этотъ листикъ, что дрожитъ
Подъ вѣтромъ пыльнымъ, намъ дороже,
Чѣмъ всѣ лавровые лѣса
И странъ далекихъ чудеса!

XLI.

Ужъ въ рощи прилетѣли птицы,
Зазеленѣли острова;
Изъ ледяной своей темницы
Освобожденная Нева
На солнцѣ блещетъ!.. Франтъ веселый,
Найдя, что душенъ мѣхъ тяжелый,
Въ ломбардѣ шубу заложилъ
И, моды вѣтреный любовникъ,
Костюмъ весенній обновилъ;
Но ходитъ опытный чиновникъ,
Не вѣря небесамъ роднымъ,
Въ калошахъ, съ зонтикомъ большимъ.

XLII.

И даже ты улыбкой неба,
Лучомъ божественнымъ согрѣтъ,
О, пасынокъ угрюмый Феба,
Пессимистическій поэтъ!
Ужъ по Невѣ на пароходѣ,

Хотя бъ въ елагинской природѣ
Взглянуть на первый вешній листъ
Поѣхалъ и кассиръ изъ банка,
И офицеръ, и гимназистъ,
И въ старой шляпкѣ гувернантка:
Стремятся всѣ поближе къ ней,
Къ богинѣ пѣсенъ и лучей—

XLIII.

Къ Веснѣ!.. Тогда на «Стрѣлку» тайно
Съ подругой ѣдетъ Ольга. Ждетъ
Ее Борисъ. Какъ бы случайно,
Они встрѣчаются, и вотъ,
Назло благочестивой теткѣ,
Одни поѣхали на лодкѣ...
Одни!.. Какъ сердце въ ней дрожитъ
Отъ чувства новаго свободы,
Какъ дорогъ Ольгѣ бѣдный видъ
Родимой, сѣверной природы;
На взморьѣ—Лахта, корабли,
Кронштадтъ, дымящійся вдали,

XLIV.

На горизонтѣ—пароходы,
Тростникъ, желтѣющая мель
Сквозь блѣдно-голубыя воды,
А на Крестовскомъ мохъ да ель
И сосенъ пни въ болотѣ плоскомъ...
Чрезъ воды слабымъ отголоскомъ
Летятъ удары молотка
И чей-то крикъ съ далекой тони,
И взмахи веселъ рыбака:
Отъ этихъ звуковъ въ небосклонѣ,
Въ лѣсахъ и водахъ—тишина
Еще яснѣе... Чуть волна

XLV.

Плеснетъ... Полетомъ быстрой птицы
Встревоженъ воздухъ, и суровъ,
Какъ шумъ прибоя, гулъ столицы,
Вечерній звонъ колоколовъ...
А тамъ, вдали—Елагинъ узкій,
Гдѣ—смѣхъ и разговоръ французскій
И въ блѣдномъ небѣ—силуэтъ
Ограды съ тонкими столбами,
Ряды колясокъ и каретъ
На солнцѣ блещутъ фонарями.—
Ихъ лодка, веслами шурша,
Скользитъ по стеблямъ камыша...

XLVI, XLVII.

Онъ говорилъ: «Мой другъ, отлично
Я понялъ женщинъ: въ нихъ всегда
Къ тому, что ясно и логично,
Непримиримая вражда!
Не фактъ, не опытное знанье—
Для нихъ незыблемо преданье
И увлекательный обманъ:
Имъ нужно тайнъ!.. Дороже свѣта—
Метафизическій туманъ!
Но спорю тщетно; безъ отвѣта,
Вы, вѣру прежнюю храня,
Молчите, слушая меня!»

XLVIII.

Она промолвила стыдливо:
«Простите, споровъ я боюсь!
И чѣмъ страдаю молчаливо,
Чему я сердцемъ отдаюсь,—
О томъ я говорить не смѣю,

Стыжусь и какъ-то не умѣю...
Вы побѣждаете мой умъ,
Не побѣдивъ сердечной муки
И жажды вѣрить»... Онъ угрюмъ
И злобенъ: «предпочесть наукѣ—
Нелѣпость, сказки дикарей,
Завѣты тетушки своей!..»

XLIX.

Она въ отвѣтъ: «Какъ вы неправы,
Да развѣ жизнь моя—не адъ?..
О, эти рѣчи, эти нравы,
Благочестивый маскарадъ!
У нихъ въ душѣ—ни капли вѣры,
Они—лгуны и лицемѣры!..
Для нихъ религія—ступень
Къ чинамъ, къ богатству!.. Я ихъ вижу
И знаю, мучусь каждый день...
Я больше васъ ихъ ненавижу!..»
—Чему жъ вы вѣрите?..—Чему?..
«Я вѣрю сердцу моему!

L.

Когда я въ небо голубое
Смотрю съ довѣрьемъ, какъ сейчасъ,—
Я знаю—что-то есть родное
И что-то любящее насъ.
Я вѣрю съ простотой, какъ дѣти,—
Мы не совсѣмъ одни на свѣтѣ:
Молитвы наши долетятъ
Къ тому, кто сострадаетъ горю!..
Вотъ—все. А догматы, обрядъ...
Мнѣ все равно, о нихъ не спорю:
О, другъ мой, жалки всѣ слова,—
Не мысль, любовь моя права!

LI.

Того, что мнѣ во мракѣ свѣтитъ,
Не отнимай, не прекословь:
Я знаю,—кто-то мнѣ отвѣтитъ
Любовью на мою любовь...
Я знаю,—кто-то въ мірѣ слышитъ,
Какъ сердце бьется, травка дышитъ...
Онъ—тамъ, въ далекихъ небесахъ,
Онъ—здѣсь и на землѣ, межъ нами,
Въ моей любви, въ моихъ очахъ,
Моими грѣшними устами
Съ тобой Онъ говоритъ теперь:
«Будь проще, полюби, повѣрь!»

LII.

И очи, полныя слезами,
Горятъ, и все, чего она
Не можетъ выразить словами,
Договорила тишина.
Скользитъ ихъ медленная лодка...
И вопросительно, и кротко—
Молчанье неба и земли.
Заря, тростникъ надъ влагой спящей,
Волна, плеснувшая вдали,
И первый лучъ звѣзды дрожащей—
Все шепчетъ нѣжныя слова:
«Будь проще, вѣрь,—она права!»

LIII.

И Ольга, взявъ тихонько руку
Бориса, ждетъ... Но тщетно: скрывъ
Въ своей душѣ любовь и муку,
Онъ не отвѣтитъ на призывъ...
И вмѣсто счастья — въ сердцѣ злоба.

О, какъ они страдали оба!
Великой, дѣтской вѣры пылъ
Онъ только мыслью гордой мѣрилъ,
Онъ сердца сердцу не открылъ,
Не полюбилъ и не повѣрилъ.
Тотъ мигъ умчался безъ слѣда:
Онъ не вернется никогда.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

О смерть, тебя пою! Ликуетъ
Мучитель слабыхъ; бичъ — въ рукахъ.
А жертва плачетъ и тоскуетъ;
И люди мнятъ: на небесахъ —
Возмездья нѣтъ. Но ты предстанешь,
Освободительница, взглянешь
Ты въ часъ возмездья роковой
Злодѣю въ очи строгимъ взоромъ, —
И какъ онъ жалокъ предъ тобой,
Какъ полонъ страхомъ и позоромъ!
. . . . . .

II.

. . . . . .
Пусть тлѣетъ, что достойно тлѣнья!
Отъ твоего прикосновенья
Народы, какъ цвѣты долинъ
Подъ вихремъ снѣжнымъ, увядаютъ;
Но вѣчно молодъ духъ одинъ:
Когда всѣ листья опадаютъ,
Зеленый лавръ еще свѣжѣй —
Въ холодномъ блескѣ зимнихъ дней!

III.

Блаженъ, кто смерть улыбкой встрѣтитъ,
Какъ воинъ — доблестную брань,
Кто на призывъ ея отвѣтитъ,
Подавъ ей дружескую длань.
Такъ, выпивъ ядъ, учитель строгій,
Сократъ, безъ горя и тревоги,
Благословивъ учениковъ,
Одежду на главу накинулъ
Съ послѣднимъ звукомъ мудрыхъ словъ,
И міръ нашъ радостно покинулъ,
И для него была свѣтлѣй
И легче смерть, чѣмъ сонъ дѣтей...

IV.

Но мы — безъ вѣры въ человѣка,
Безъ вѣры въ Бога мудрецы,
Вполнѣ практическаго вѣка
Благоразумные дѣльцы, —
Съ какимъ лицомъ, съ какой душою
Предъ неподкупнымъ Судіею
Предстанемъ мы? Иль, какъ роса,
Исчезнетъ весь нашъ родъ мгновенный, —
Лишь ты взойдешь на небеса,
О солнце правды, Богъ вселенной...
И проклянетъ нашъ поздній внукъ
Сей вѣкъ насилья, полный мукъ.

V.

А ты, слѣпой законодатель
Литературныхъ, пошлыхъ модъ,
Всегда насмѣшливый читатель,
Ты чуждъ сомнѣній и заботъ:
О смерти думать — вотъ охота!..

Ты полонъ мелкаго расчета,
Ты полонъ глупой суеты.
Но мы должны о тьмѣ могильной,
Чтобъ, наконецъ, проснулся ты,
Напоминать тебѣ насильно,
Пока для правды не утихъ
Въ устахъ пѣвца свободный стихъ!

VI.

Намъ смерть, какъ въ тучахъ—проблескъ неба,
Издалека приноситъ вѣсть,
Что, кромѣ денегъ, кромѣ хлѣба,
Иное въ мірѣ что-то есть.
Когда бъ не грозная могила,
Какъ самовластно бы царила
Несправедливость безъ конца,
Насилье, рабство и гордыня,
Какъ зачерствѣли бы сердца!..
Тебѣ, о грозная богиня,
Тебѣ несу къ подножью ногъ
Сплетенный музою вѣнокъ!

VII.

Вернемся къ повѣсти. Все лѣто
Въ деревнѣ Ольга провела.
Въ глуши лѣсовъ, вдали отъ свѣта
Любовь печальная росла
И крѣпла. Ей Борисъ сначала
Писалъ; потомъ не получала
Она ни строчки и отъ мукъ,
Отъ слезъ едва не заболѣла;
Вернулась въ Петербургъ... и вдругъ —
Письмо!.. Взяла его несмѣло,
Рѣшиться долго не могла
Порвать конвертъ... Потомъ прочла:

VIII.

«Простите мнѣ мое молчанье.
Не мало дней прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ въ длинныхъ письмахъ о свиданьи
Я велъ безпечный разговоръ.
Все измѣнилось, я былъ боленъ...
Никто въ судьбѣ своей не воленъ.
Я жалкихъ словъ не выношу
И ненавижу стиль любовный,
Все жъ именемъ любви прошу,
Прошу васъ — будьте хладнокровны!
Разстаться мы должны навѣкъ:
Вамъ пишетъ мертвый человѣкъ.

IX.

Люблю васъ, но мой умъ, какъ прежде,
Правдивъ, логиченъ и суровъ:
Не вѣрю никакой надеждѣ
И знаю лучше докторовъ,
Что смерть — недалеко. Спокойно
Я жду, и, право, недостойно —
Себя обманывать: къ чему?
Смиренье облегчаетъ муки,
Я вѣрю знанью моему
И, преданъ до конца наукѣ,
Умру я въ мирной тишинѣ:
Не приходите же ко мнѣ.

X.

Не нужно. Меньше я страдаю
Въ уединеньи. Съ жизнью связь
Порвавъ, я тихо умираю,
Отъ всѣхъ надеждъ освободясь.
Что дѣлать? Оба мы — несчастны!

Но утѣшенія напрасны.
Спокойныхъ, одинокихъ мукъ
Не увеличивайте бремя.
Какъ я, смиритесь: вашъ недугъ
Излѣчитъ молодость и время,
Любовь исчезнетъ безъ слѣда.
Прощайте, Ольга, навсегда».

XI.

Рецепты, склянки изъ аптеки,
Подъ лампой рядъ забытыхъ книгъ...
Больной съ усильемъ поднялъ вѣки;
Его усталый, блѣдный ликъ
Хранилъ печальную суровость.
Газетную, пустую новость
Ему разсказывалъ Петровъ,
Безпечный другъ. Врачу неловко:
Онъ самъ такъ веселъ и здоровъ.
Съ обычной докторской уловкой,
Принявъ интимный, важный видъ,
О пустякахъ онъ говоритъ.

XII.

Но этотъ смѣхъ, но взоръ холодный,
Невозмутимое лицо,
И даже брюки, галстукъ модный,
На пальцѣ розовомъ кольцо
Борисъ глубоко ненавидѣлъ,
Какъ будто въ первый разъ увидѣлъ
И понялъ друга своего.
Онъ, отвращенья не скрывая,
Смотрѣлъ угрюмо на него.
Петровъ пощупалъ пульсъ, вставая:
«Ну, до свиданья, милый мой».
Тогда не выдержалъ больной·

XIII.

«Я умереть хочу спокойно!
Мнѣ надоѣла болтовня...
Игрой въ участье недостойной
Зачѣмъ вы мучите меня?..»
Больного взоръ жестокъ и свѣтелъ,
Но умный докторъ не отвѣтилъ:
Скорѣй въ прихожую спѣшитъ,
Прервавъ неловкую бесѣду.
«Давно пора мнѣ на визитъ...
Я завтра вечеркомъ заѣду».
И, подавивъ притворный вздохъ,
Шепнулъ прислугѣ: «очень плохъ».

XIV.

Безмолвье комнату объемлетъ,
И близкіе предметы въ даль
Уходятъ. За стѣной—онъ внемлетъ—
Порой чуть слышится рояль.
Какъ странны, чужды эти звуки!..
Онъ взялъ съ усильемъ книгу въ руки,
Прочелъ двѣ строчки... Все равно,—
Читать теперь уже не стоитъ:
Онъ книги разлюбилъ давно.
Его ничто не безпокоитъ...
Сквозь дымку смотритъ онъ на все,
Впадая тихо въ забытье...

XV.

Но вдругъ—звонокъ. Онъ встрепенулся.
Блеснула мысль: ужель она?
И сразу къ жизни онъ вернулся,
Душа смятеніемъ полна...
Вошла, обвивъ его руками,

Еще холодными устами
Припала къ трепетнымъ устамъ...
Борисъ шепталъ: «Что это значитъ?..
Ты — здѣсь... Не вѣрю я глазамъ!..
Ты, Ольга!..» Онъ смѣется, плачетъ.
И смерти нѣтъ, недугъ исчезъ,
И онъ здоровъ, и онъ воскресъ!

XVI.

Сидѣлъ въ гостиной тетки важно,
Въ кругу внимательныхъ гостей,
И говорилъ на «о» протяжно
Сѣдой старикъ архіерей.
Когда племянница вернулась,
Старуха молча оглянулась
Въ свой черепаховый ларнетъ
И, блѣдность Ольги замѣчая,
Промолвила: «Въ мой кабинетъ
Прошу, зайдите послѣ чая».
Съ флакономъ спирта и платкомъ,
Съ многозначительнымъ лицомъ

XVII.

Она ждала ее: «Вы смѣли
Уйти: признайтесь же — куда?»
— «Къ Каменскому. Не вижу цѣли
Скрывать...»—Какъ, вы рѣшились!..—«Да».
— Одна, безъ горничной!.. Прекрасно!..—
— «Меня удерживать напрасно:
Онъ боленъ, при смерти...» Но здѣсь
Покину сцену мелодрамы
И въ двухъ словахъ открою весь
Расчетъ глубокій умной дамы:
Ей нуженъ Ольгинъ капиталъ,
Ее давно онъ привлекалъ.

XVIII.

Старуха говорила много,
Упомянула этикетъ
И честь родной семьи, и Бога,
И «votre pauvre mère», и свѣтъ;
Была вполнѣ краснорѣчива,
Но, холодна и молчалива,
Ей внемлетъ Ольга: прежній страхъ
Исчезъ въ душѣ ея безслѣдно.
Рѣшимость строгая въ очахъ,
Хотя лицо немного блѣдно,
Тиха, спокойна и свѣтла,
Она въ отвѣтъ произнесла:

XIX.

«Ma tante, я ложный стыдъ забуду,
Себя, быть-можетъ, погублю,
Пускай! Къ нему ходить я буду,
Такъ нужно: я его люблю!»
Старуха поднялась со стула
И съ удивленіемъ взглянула:
«Вы оскорбляете мой домъ!..
Sortez!..» указываетъ двери
Она съ трагическимъ лицомъ,
Рѣшась прибѣгнуть къ строгой мѣрѣ.
«Страшитесь Божьяго суда!
Вы мнѣ чужая навсегда.

XX.

«Я съ вами больше незнакома;
Молиться буду я за васъ,
Чтобъ вамъ Господь простилъ... Изъ дома
Прошу васъ выѣхать тотчасъ».
Она уходитъ, шлейфомъ длиннымъ

Шурша по комнатамъ пустыннымъ.
И Ольга собралась скорѣй:
Пошла къ себѣ наверхъ украдкой,
Простилась съ комнаткой своей,
Съ дѣвичьей старою кроваткой,
Связала въ бѣдный узелокъ
Бѣлье, двѣ книги, образокъ

XXI.

И вышла. Къ прежней гувернанткѣ
Она извозчика взяла,
Къ старушкѣ доброй, англичанкѣ,
Что на Васильевскомъ жила.
Во мракѣ улицы холодной,
Одна, въ бобровой шубкѣ модной,
Подъ бѣлымъ шелковымъ платкомъ
Она казалась очень странной
Съ своимъ несчастнымъ узелкомъ.
Печаленъ рядъ домовъ туманный
И фонарей дрожащій свѣтъ...
Но въ сердцѣ Ольги страха нѣтъ.

XXII.

И шла къ тому, кого любила,
Она, все прошлое забывъ.
Откуда въ ней—такая сила?
Откуда въ ней—такой порывъ?
Она ли не росла въ теплицѣ!
Въ благовоспитанной дѣвицѣ
Сказалась вдругъ иная кровь,
Демократична и сурова.
О, русской дѣвушки любовь,
Всегда на подвигъ ты готова!
Такъ силы дѣвственной души
Уже давно росли въ тиши...

XXIII.

Съ больнымъ сестрою милосердья,
Служанкой барышня была,
Сама, смѣясь, полна усердья,
Варила супъ и полъ мела,
Все дѣлала легко и смѣло
И съ нѣжной строгостью умѣла
Улыбкой побѣждать капризъ;
Ее, не говоря ни слова,
Покорно слушался Борисъ...
Въ обитель мрачную больного,
Какъ утро вешнее, свѣтла,
Она поэзію внесла.

XXIV.

Теперь порядокъ въ книгахъ, въ цѣлой
Фалангѣ склянокъ, въ чистотѣ
Подушки съ наволочкой бѣлой...
Слѣдя за супомъ на плитѣ,
Она съ кухаркой подружилась,
И та въ нее почти влюбилась.
Мѣняетъ Ольги простыни
Больного нѣжными руками,
А руки тѣ въ былые дни
Лишь въ пяльцахъ тонкими шелками
Умѣли шить, и нѣтъ при ней
Непоэтичныхъ мелочей.

XXV.

Борисъ не лгалъ, не лицемѣрилъ,
Онъ смерть предвидѣлъ: но, любя,
Какъ будто чуда ждалъ, не вѣрилъ,
Еще обманывалъ себя:
Въ немъ страхъ въ борьбѣ съ надеждой тайной...

Оставшись разъ одинъ случайно,
Держась рукой за шкафъ, за столъ
И стѣны, къ зеркалу, пугливо
Онъ, озираясь, подошелъ,
И долго съ жадностью пытливой
Смотрѣлъ, и самъ себѣ чужимъ
Казался. Все, что было съ нимъ, —

XXVI.

Онъ понялъ вдругъ, и отъ испуга
Похолодѣвъ, съ тоской въ очахъ,
Печать смертельнаго недуга
Онъ узнавалъ въ своихъ чертахъ...
Вдругъ Ольга... «Что съ тобой!..» Въ смущеньи
Остановилась на мгновенье.
Онъ отвернулся, покраснѣлъ.
Она прочла въ лицѣ больного
Весь ужасъ смерти. Посмотрѣлъ
Онъ съ недовѣріемъ сурово,
Къ постели подошелъ и легъ.
Но все жъ въ очахъ—нѣмой упрекъ...

XXVII.

Смутясь, они молчали оба.
Она не подымала глазъ...
Дыханье смерти, — холодъ гроба
Межъ нихъ повѣялъ въ первый разъ,
Онъ съ непонятнымъ раздраженьемъ
За каждымъ взоромъ и движеньемъ
Смущенной Ольги наблюдалъ,
Но близость смерти неизбѣжной
Ловилъ намеки, избѣгалъ
Порывовъ искренности нѣжной.
Былъ радъ, когда нашелъ предлогъ
И началъ ссору, и не могъ

XXVIII.

Онъ побѣдитъ въ душѣ волненье:
«Я отъ людей давно ушелъ,
Чтобъ умереть въ уединеньи...
Вы сами видите: я золъ,
Жестокъ и мелоченъ... Вы правы, —
Вы трудитесь для Божьей славы!
Я понимаю вашу цѣль:
Вамъ хочется меня заставить
Повѣрить въ Бога. Но ужель
И полумертваго оставить
Нельзя въ покоѣ? Даромъ силъ
Не тратьте: я умру какъ жилъ —

XXIX.

Лишь съ вѣрой въ разумъ!.. Вы молчите,
Но вамъ притворство не къ лицу:
Я знаю, къ Богу вы хотите
Вернуть заблудшую овцу.
Подумайте, какая мука,
Когда порой вы даже звука
Не произносите,—въ глазахъ
У васъ я мысль о Богѣ вижу.
О, этотъ дѣтскій, глупый страхъ
Отъ всей души я ненавижу!..
Прошу васъ, уходите прочь,—
Вы мнѣ не можете помочь!..»

XXX.

Ее въ порывѣ злобы бурной
Онъ съ наслажденьемъ мучилъ, мстилъ,
Богъ вѣсть, за что: «уйди, мнѣ дурно...»
Онъ слабымъ голосомъ молилъ.
Она въ отчаяньи уходитъ,

По городу безъ цѣли бродитъ;
Свѣтло; но въ тусклыхъ фонаряхъ
Вечерній газъ давно желтѣетъ
Въ прозрачномъ небѣ. На вѣтвяхъ
Деревьевъ гроздьями бѣлѣетъ
Пушистый иней: онъ вездѣ—
И у прохожихъ въ бородѣ,

XXXI.

И на косматой лошаденкѣ,
На бѣлокурыхъ волосахъ
Бѣгущей въ лавочку дѣвчонки,
На мѣховыхъ воротникахъ...
Скрипятъ полозья, мчатся санки.
Кипящій сбитень и баранки
Разноситъ мужичокъ съ лицомъ
Замерзшимъ, въ теплыхъ рукавицахъ.
Веселье бодрое кругомъ—
И въ звонкомъ воздухѣ, и въ лицахъ,
И въ блескѣ розовыхъ снѣговъ
На кровляхъ сумрачныхъ домовъ.

XXXII.

Ужъ въ освѣщенныхъ магазинахъ
И въ окнахъ лавокъ овощныхъ
Морозъ играетъ на витринахъ
Цвѣтами радугъ ледяныхъ.
Тамъ—масла сливочнаго глыба
И замороженная рыба,
Тамъ зайцы жирные висятъ.
Хозяекъ опытные взоры
Плѣняютъ дичи, поросятъ
И овощей зеленыхъ горы.
Лазурь вечерняя темнѣй...
И снѣжныхъ искръ, живыхъ огней

XXXIII.

Какъ будто полонъ воздухъ синій...
А въ сердцѣ Ольги—тишина.
Какъ посреди нѣмой пустыни—
Она въ толпѣ совсѣмъ одна,
Мертва, безчувственна... Читаетъ
Спокойно вывѣски, не знаетъ,
Куда идетъ. Казалось ей
Такою призрачной, далекой
И непонятной жизнь людей.
Душа, затихнувъ, спитъ глубоко...
Но скоро бѣдная домой
Вернулась съ прежнею тоской

XXXIV.

И робко подошла къ постели:
Онъ бредилъ, на его щекахъ
Слезинки жалкія блестѣли...
Онъ съ тихою мольбой въ устахъ
И съ выраженьемъ дѣтской муки
Къ груди прижалъ худыя руки:
«Да гдѣ жъ она?.. Вѣдь я люблю...
О, какъ я могъ!.. За что обидѣлъ
Голубку бѣдную мою...
Теперь она ушла... я видѣлъ,—
Ей было горько... не придетъ!..»
— «Я здѣсь!—она его зоветъ,—

XXXV.

Я здѣсь, мой милый!..» онъ не слышитъ.
Напрасно Ольга обняла
Больного; онъ съ усильемъ дышитъ...
«Она ушла, совсѣмъ ушла»...
И плачетъ тихими слезами

И долго мутными глазами,
Ея не видя, смотритъ въ даль.
Въ лицѣ—покорная, нѣмая
И безнадежная печаль...
Полоска блѣдно-голубая
Свѣтлѣетъ въ окнахъ: первый гулъ
Столицы слышенъ... Онъ уснулъ.

XXXVI.

И видѣлъ сонъ: идетъ куда-то
По длиннымъ комнатамъ, пустымъ
И мрачнымъ... Сердце въ немъ объято
Тревогой смутной. А надъ нимъ
По темнымъ лѣстницамъ и сводамъ,
По безконечнымъ переходамъ,
Какъ будто шумъ отъ сквозняка,
Былъ слышенъ свистъ однообразный,
Пронзительный. Въ груди—тоска,
Мечты унылы и несвязны...
Ужъ онъ усталъ, но все впередъ,
Впередъ по комнатамъ идетъ.

XXXVII.

И громче вѣтра шумъ пустынный;
И сквозь таинственную мглу
Онъ видитъ—кто-то темный, длинный
Стоитъ, не двигаясь, въ углу.
И съ головы до ногъ упало,
Его закутавъ, покрывало.
Порой лишь складки черныхъ ризъ
Дыханье вѣтра подымаетъ,—
Онѣ колеблются, и внизъ
Одежда медленно сползаетъ...
Онъ чувствуетъ послѣдній часъ
Пришелъ... И не отводитъ глазъ,

XXXVIII.

И смотритъ въ ужасѣ смертельномъ.
Напрасно хочетъ онъ бѣжать...
Въ его томленьи безпредѣльномъ
Есть жажда, наконецъ, узнать,
Проникнуть въ страшный смыслъ загадки.
Онъ видитъ: трепетныя складки
Сейчасъ лицо откроютъ... Вотъ—
Все ниже, ниже покрывало.
Еще мгновенье,—и падетъ...
Вдругъ вѣтеръ зашумѣлъ,—упало,
Онъ понялъ: это—смерть!.. И вдругъ
Проснулся. Въ комнатѣ вокругъ

XXXIX.

Все было ярко въ зимнемъ блескѣ.
Сидѣла Ольга у окна...
И лучъ игралъ на занавѣскѣ.
Борисъ почти не помнилъ сна,
Но поглядѣлъ кругомъ безстрастно...
И онъ почувствовалъ такъ ясно
И понялъ смерть, какъ никогда.
Отъ всѣхъ порывовъ, колебаній
И отъ надежды—ни слѣда.
И нѣтъ любви, и нѣтъ желаній!
Въ его душѣ, въ его очахъ—
Теперь одинъ безмолвный страхъ.

XL.

Больной о смерти думалъ прежде
По книгамъ, по чужимъ словамъ.
Онъ умиралъ въ слѣпой надеждѣ,
Что смерть еще далеко, тамъ,
Въ грядущемъ гдѣ-то. Онъ сумѣетъ

Съ ней помириться, онъ успѣетъ
Вопросъ обдумать и рѣшить
И приготовиться заранѣ...
И—вотъ онъ понялъ: жизни нить
Сейчасъ порвется. Не въ туманѣ,
Не въ дымкѣ—подойдя къ концу,
Онъ видѣлъ смерть лицомъ къ лицу.

XLI.

И стоицизмъ его притворный,
И всѣ теоріи, какъ дымъ,
Исчезли вдругъ предъ бездной черной,
Предъ этимъ ужасомъ нѣмымъ.
И жизнь онъ мѣритъ новой мѣрой.
Свой умъ напрасно прежней вѣрой
Въ науку хочетъ усыпить.
Онъ въ ней опоры не находитъ.
Нѣтъ! Страха смерти побѣдить
Умомъ нельзя... А жизнь уходитъ...
Отъ всѣхъ познаній, думъ и книгъ
Какая польза въ страшный мигъ?

XLII.

Какъ физіологъ, поневолѣ
Онъ наблюдаетъ за собой,
И ждетъ, прислушиваясь къ боли
Однообразный и тупой,
Растущей медленно, зловѣщей.
Что это—смерти признакъ вѣщій,
Онъ понялъ; Ольгѣ не сказалъ
Ни слова. Робокъ и послушенъ,
Онъ только жалобно стоналъ,
Къ словамъ участья равнодушенъ:
Онъ разлюбилъ ее давно,
Терпѣлъ и думалъ: «вотъ оно!»

XLIII.

Плыло, сходило, приближалось,
Надъ нимъ ужъ вѣяло оно
И сново тихо расплывалось,
Какъ мутно-сѣрое пятно.
Что это, что?».. въ недоумѣньи
Онъ напрягаетъ умъ и зрѣнье,
Онъ хочетъ знать: отвѣта нѣтъ,
Молчитъ въ безсильи умъ тревожный...
Быть-можетъ, это—глупый бредъ,
Быть-можетъ, это—призракъ ложный?..
Но сердце, ужасомъ полно,
Не даромъ чуетъ: «вотъ оно!»

XLIV.

Покинувъ міръ въ былое время,
Не зная смерти, онъ рѣшилъ,
Чтобъ сбросить сразу жизни бремя,
Когда терпѣть не хватитъ силъ.
И что жъ? онъ смерть узналъ, увидѣлъ,
Но эту мысль возненавидѣлъ.
Теперь несчастнаго томитъ
Одна боязнь, что искушенья
Онъ наконецъ не побѣдитъ,
И будутъ такъ сильны мученья,
Что преждевременный исходъ
Онъ добровольно изберетъ.

XLV.

А пузырекъ завѣтный съ ядомъ
Такъ близко. Ночь. Не долгимъ сномъ
Забылась Ольга. Ящикъ рядомъ
Съ постелью въ столикѣ ночномъ
Борисъ открылъ и склянку вынулъ,

На Ольгу взоръ пугливый кинулъ,
И еле двигаясь, тайкомъ
Къ окну замерзшему подкрался,
Привсталъ и форточку съ трудомъ
Открылъ: холодный вихрь ворвался...
Въ окно онъ бросилъ пузырекъ
И отошелъ, и снова легъ.

XLVI.

Прошло два дня—сильнѣй страданья.
Ужъ онъ не помнилъ ничего.
И Ольга, слушая стенанья,
Порою голоса его
Не узнавала: были звуки
Чужіе въ немъ. Все хуже муки,
Непобѣдимѣй и страшнѣй.
Несчастный цѣлыми ночами
Молилъ: «убей меня, убей!..»
Въ слезахъ подушку рвалъ зубами,
И былъ ужасенъ вѣчный крикъ,
Не умолкавшій ни на мигъ.

XLVII.

Исчезли дни, исчезли ночи.
За темной шторой на столѣ,
Когда ужъ солнце блещетъ въ очи
Краснѣетъ лампа въ полумглѣ
И длится время безконечно...
Казалось Ольгѣ, былъ ужъ вѣчно
И вѣчно будетъ этотъ крикъ,
Очей открытыхъ взоръ блестящій
И въ душномъ мракѣ блѣдный ликъ,
И робко жалости молящій
Его руки безумный жестъ.
Она не спитъ, почти не ѣстъ;

XLVIII.

Очнется бѣдная порою
Случайно въ кухнѣ гдѣ-нибудь,
И на мгновенье за стѣною
Утихнетъ крикъ, но отдохнуть
Стыдится Ольга и не смѣетъ;
Кухарка барышню жалѣетъ,
Тарелку супа принесетъ...
И съѣстъ она двѣ ложки, стоя,
И хлѣба корочку возьметъ,—
Но ужъ пора: ей нѣтъ покоя...
Она спѣшитъ на казнь, и вновь
Со смертью борется любовь!

XLIX.

Подыметъ очи со слезами
И на колѣняхъ въ уголкѣ
Стоитъ, закрывъ лицо руками.
Порой, въ безвыходной тоскѣ
Молиться бѣдная пыталась...
Но вся душа въ ней возмущалась:
«Ты благъ и милостивъ Господь,—
«Зачѣмъ, зачѣмъ же эти муки?..»
Негодованье побороть
Не можетъ и ломаетъ руки.
Потухъ въ душѣ послѣдній свѣтъ,
И шепчетъ Ольга: «Бога нѣтъ».

L.

Теперь Борисъ лежалъ безмолвный
Затихъ усталый, слабый крикъ...
Но онъ не могъ, тревоги полный,
Остановиться ни на мигъ,—
Уже съ закрытыми глазами,

Все время шевелилъ руками
И то къ лицу ихъ подымалъ,
То снова, молча безъ сознанья
Къ груди съ тоскою прижималъ.
«Ахъ, лучше бъ прежнія стенанья
«И крикъ, чѣмъ эта тишина!»
Невольно думаетъ она.

LI.

Но четырехъ ночей усталость
Ее сломила. Въ глубинѣ
Души безпомощная жалость
Еще томительнѣй во снѣ:
Чрезъ полчаса въ слезахъ проснулась,
Открыла очи, встрепенулась
И посмотрѣла на него...
И что жъ? Ни боли, ни испуга—
Не оставалось ничего
Отъ побѣжденнаго недуга:
И тихъ, и свѣтелъ блѣдный ликъ;
Покой въ немъ—ясенъ и великъ.

LII.

Она почувствовала радость...
Онъ пробужденья Ольги ждалъ;
Въ немъ духъ невѣдомую сладость
Отдохновенія вкушалъ.
Въ смиреньи Ольга преклонилась:
Любовь со смертью примирилась:
И безконечно далеко
Отъ прежнихъ ужасовъ и муки,
Онъ дышитъ ровно и легко,
Глядитъ, сложивъ покорно руки,
На Ольгу пристально, въ упоръ;
И новой мыслью полонъ взоръ.

LIII.

Онъ тихо шевелилъ губами:
Для словъ ужъ не хватало силъ,
Но дѣтски-ясными глазами
О чемъ-то Ольгу онъ просилъ.
Она приникла къ изголовью
И сразу поняла любовью,
Чего предъ смертью онъ хотѣлъ:
Взяла Евангелье, открыла,—
И взоръ больного заблестѣлъ.
Тогда весь міръ она забыла,
И вдохновенна, и свѣтла,
Слова великія прочла:

LIV.

«Я жизни хлѣбъ, сходящій съ неба.
И возалкавшій человѣкъ,
Вкушая истиннаго хлѣба,
Лишь Мной насытится навѣкъ.
Я жизнь даю: возжаждетъ снова,
Кто пилъ изъ родника земного,—
Но утоляетъ навсегда
Лишь Мой источникъ тѣхъ, кто страждетъ.
Я жизни вѣчная вода,—
«Иди ко Мнѣ и пей, кто жаждетъ!»
Она умолкла, и полна—
Великой тайны тишина.

LV.

И то, чему не вѣрилъ разумъ,
Что не могла она въ словахъ
Ему сказать,—онъ понялъ разомъ:
Она прочла въ его глазахъ,
Что онъ ужъ знаетъ все. А тѣло

Въ ея рукахъ похолодѣло.
И долго ни одна слеза
Земного горя не упала
И друга мертвые глаза
Спокойно Ольга закрывала.
Въ ея душѣ—любовь и свѣтъ,
И нѣтъ разлуки, смерти нѣтъ.

LVI.

Когда же въ окна посмотрѣла
На тусклый день, на мокрый снѣгъ,
Внезапно Ольга поблѣднѣла,
И одиночество навѣкъ
Тогда лишь поняла, проснулась...
Но вмѣстѣ съ жизнью смерть вернулась...
Какъ будто вспомнила она,
Что нѣтъ его... И вдругъ сознаньемъ—
Ея душа озарена.
Безъ слезъ, убитая страданьемъ,
Упала, обнимая трупъ,
Касаясь мертвыхъ блѣдныхъ губъ.,.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

LVII, LVIII, LIX, LX, LXI.

О вѣкъ могучій, вѣкъ суровый
Желѣза, денегъ и машинъ,
Твой духъ промышленно-торговый
Царитъ, какъ полный властелинъ.
Ты начерталъ рукой кровавой
На всѣхъ знаменахъ: «въ силѣ—право!»
И скорбь пророковъ и пѣвцовъ,
Святую жажду новой вѣры
Ты осмѣялъ, какъ бредъ глупцовъ,

О, вѣкъ нашъ будничный и сѣрый!
Расчетъ и польза—твой кумиръ,
Тобою властвуетъ банкиръ,

LXII.

Газетъ, рекламъ бумажный ворохъ
Недугъ безвѣрья и тоски,
И къ людямъ ненависть, и порохъ,
И броненосцы, и штыки.
Но вѣдь не пушки, не твердыни,
Не крикъ газетъ тебя донынѣ
Спасаетъ, русская земля!
Спасаютъ тѣ, кто въ наше время
Въ родныя, бѣдныя поля
Кидаетъ вѣчной правды сѣмя,
Чье сердце жалостью полно,—
Безъ нихъ бы міръ погибъ давно!...

LXIII.

Кладите рельсы, шахты ройте,
Смирите ярость волнъ морскихъ,
Пустыни вѣчныя покройте
Сѣтями проволокъ стальныхъ,
И дерзко вѣшайте надъ бездной
Дугою легкой мостъ желѣзный,
Зажгите въ вашихъ городахъ
Молніеносныя лампады,—
Но если нѣтъ любви въ сердцахъ—
Ни въ чемъ не будетъ вамъ отрады!
Но если въ людяхъ Бога нѣтъ,—
Настанетъ ночь, померкнетъ свѣтъ...

LXIV.

. . . . . .
. . . . . .
Какъ въ древнихъ стѣнахъ Колизея

Теперь шумить лишь вѣтеръ, вѣя,
Растетъ репейникъ и полынь,—
Такъ наши гордыя столицы
И мраморъ сумрачныхъ твердынь
Исчезнетъ все, какъ лучъ зарницы,
Чуть озарившей небосклонъ,
Пройдетъ—какъ звукъ, какъ тѣнь, какъ сонъ!

LXV.

О, трудно жить во тьмѣ могильной,
Среди безвыходной тоски!
За пессимизмъ, за плачъ безсильный
Насъ укоряютъ старики:
Но въ прошломъ есть у васъ роднсе,
Навѣки сердцу дорогое,
Мы—дѣти горестныхъ временъ,
Мы—дѣти мрака и безвѣрья!
Хоть на мгновенье озаренъ
Вашъ ликъ былъ солнцемъ у преддверья
Счастливыхъ дней... Но свѣтъ погасъ—
Нѣтъ даже прошлаго у насъ!

LXVI.

Вы жили, вы стремились къ цѣли,
А мы томимся, не живемъ,
Не видя солнца съ колыбели!..
Разувѣреніе во всемъ
Вы намъ оставили въ наслѣдство.
И было горько наше дѣтство!
Мы гибнемъ, и стремимся къ ней,
Къ землѣ родимой, на свободу,—
Цвѣты, лишенные корней,
Цвѣты, опущенные въ воду,
Объяты сумракомъ ночнымъ,
Мы умираемъ и молчимъ!..

LXVII.

Мы безконечно одиноки
Боговъ покинутыхъ жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вѣщіе пѣвцы,
Еще невѣдомые міру!
И отдадимъ мы нашу лиру
Тебѣ, божественный поэтъ...
На гласъ твой первые отвѣтимъ,
Улыбкой первой твой разсвѣтъ,
О, Солнце будущаго, встрѣтимъ,
И въ блескѣ утреннемъ твоемъ,
Тебя привѣтствуя, умремъ!

LXVIII.

«Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri!» Весь нашъ родъ,
Какъ на аренѣ гладіаторъ,
Предъ новымъ вѣкомъ смерти ждетъ.
Мы гибнемъ жертвой искупленья.
Придутъ иныя поколѣнья,
Но въ оный день, предъ ихъ судомъ
Да не падутъ на насъ проклятья:
Вы только вспомните о томъ,
Какъ много мы страдали, братья!
Грядущей вѣры новый свѣтъ,
Тебѣ—отъ гибнущихъ привѣтъ!

ФРАНЦИСКЪ АССИЗСКІЙ.

ЛЕГЕНДА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

I.

Это было въ средніе вѣка.
На высотахъ Умбріи лѣсистой,
Гдѣ смолою пахнетъ воздухъ чистый,
И въ затишьѣ сонномъ городка
Только ласточки поютъ въ карнизѣ
Вѣковыхъ бойницъ поросшихъ мхомъ,—
Бернадоне Пьетро жилъ въ Ассизи,
Торговалъ онъ шелкомъ и сукномъ
У него былъ сынъ. Веселый, нѣжный,
Въ темной лавкѣ стараго купца
Мальчикъ росъ, мечтательный, небрежный
Къ деньгамъ, счетамъ строгаго отца.
Онъ не могъ понять его заботы
О товарахъ, цѣнахъ, и въ тоскѣ
Все слѣдилъ, какъ Пьетро сводитъ счеты
Съ важнымъ видомъ мѣломъ на доскѣ.
Скучно! Онъ глядитъ изъ-за прилавка,
Улыбаясь, въ глубину небесъ...
Поскорѣй бы за городъ, и въ лѣсъ,
На поля, гдѣ зеленѣетъ травка!..
Иногда про сына своего

Думалъ Пьетро хитрый, скопидомный:
«Мой Франческо—мальчикъ добрый, скромный,
Но купца не выйдетъ изъ него:
Слишкомъ нѣженъ, слишкомъ ручки бѣлы,
Все бъ ему наряды и духи,
Все бъ ему романы да новеллы,
И стихи, проклятые стихи!
Охъ, ужъ эти мнѣ поэты—манятъ
Грезы славы. Признавался самъ,
Что однажды, глупой риѳмой занятъ,
Онъ едва не продалъ господамъ
Изъ Кремоны мнѣ въ убытокъ полку
Лучшихъ свитковъ голубого шолку.
Надо мѣры строгія принять!»
И на сына Пьетро негодуетъ.
А межъ тѣмъ его, какъ прежде, мать
Потихоньку отъ отца, балуетъ.
Мальчикъ выросъ; деньгамъ не узналъ
Онъ цѣны: чтобъ только видѣть вѣчно
Радостныя лица, онъ бросалъ
Золото пригоршнями безпечно.
Онъ любилъ веселье, жизнь, людей
И родную зелень сосенъ, воду,
Пиршествъ шумную свободу.
За столомъ, когда въ кругу гостей
Онъ смѣялся и шутилъ бывало —
Въ шуткахъ что-то дѣтское звучало
И такое милое, что всѣхъ
Побѣждалъ невольно этотъ смѣхъ

II.

По лугамъ росистымъ, полнымъ мира,
Шли друзья однажды утромъ съ пира.
Вдругъ они Франциска у креста
Въ брошенной часовнѣ увидали,
Блѣднаго, поникшаго въ печали.
Онъ у ногъ распятаго Христа

Горько плакалъ. Въ праздничной одеждѣ
Въ дни веселья, роскоши и нѣгъ
Никогда такимъ онъ не былъ прежде:
Предъ ними новый человѣкъ.
«Что съ тобой, о чемъ ты плачешь?»—
«Братья,
Плачу я о Господѣ моемъ!..
Бѣдный!.. Посмотрите на распятье,
Онъ страдаетъ!.. Слезъ моихъ о немъ
Не стыжусь, предъ цѣлымъ міромъ, всюду
О Христѣ я громко плакать буду!..»
И, обнявъ подножіе креста,
Онъ припалъ къ нему еще любовнѣй:
Въ это утро, въ брошенной часовнѣ
Понялъ онъ страданія Христа.

III.

Собиралось въ лавкѣ у Франциска
Много знатныхъ рыцарей и дамъ.
Шляпу снявъ, онъ кланялся имъ низко:
«Есть обновки, заходите къ намъ!»
И встрѣчалъ ихъ ласково у двери.
Подражая ловкому купцу,
Онъ развертывалъ куски матерій,
Говорилъ: «вотъ это вамъ къ лицу!»
Своему усердью самъ не вѣрилъ,
Думалъ объ итогахъ барыша,
Торговался, ткань аршиномъ мѣрилъ
И волною мягкою шурша,
Падалъ желтый шолкъ подъ блескомъ солнца.
Дамы деньги вынули. Въ лучѣ
Заиграло золото червонца.
У одной былъ соколъ на плечѣ.
Пахло тонкими духами. Мѣтки
Ихъ остроты, легокъ разговоръ;
И ласкаются у ногъ сеньоръ
Съ острой мордой бѣлыя левретки.

Но Францискъ на улицу взглянулъ:
Тамъ подъ знойнымъ солнцемъ, у порога
Робко нищій руку протянулъ
И сказалъ: «подайте ради Бога!» —
«Богъ подастъ», рукой онъ сдѣлалъ знакъ.
Но какъ только отошелъ бѣднякъ,
Сердце сжалось отъ стыда и боли.
«Что я сдѣлалъ!» блѣдный, онъ умолкъ,
И не въ силахъ притворяться долѣ,
Онъ за полцѣны имъ отдалъ шолкъ.
И потомъ онъ днемъ и ночью видѣлъ,
Бѣдняка молящій, кроткій взоръ,
И скорбѣлъ, и золото съ тѣхъ поръ
Онъ еще сильнѣй возненавидѣлъ.

IV.

Для отца онъ сдѣлать все готовъ;
Взялъ изъ лавки суконъ разноцвѣтныхъ
И товаръ навьючилъ на ословъ,
Мимо бѣдныхъ селъ, долинъ привѣтныхъ,
Сосенъ, виноградниковъ и скалъ
Онъ ословъ на ярмарку погналъ.
Смотритъ важно, говоритъ онъ съ вѣсомъ,
На базаръ торопится купецъ
И тюки, какъ опытный дѣлецъ,
Разложилъ на рынкѣ подъ навѣсомъ.
Онъ въ дѣлахъ выказываетъ жаръ,
Сердится и споритъ. Весь товаръ
Проданъ выгодно. Но отъ заботы
Онъ всю ночь въ гостиницѣ не спалъ.
Въ головѣ—итоги, цифры, счеты...
Утромъ возвращается домой;
Онъ ушелъ бы въ лѣсъ дышать прохладой,
И смотрѣть, какъ блещетъ мохъ росой.
Но въ лѣсу ограбить могутъ: надо
Торопиться,—въ страхѣ и тоскѣ
Щупаетъ онъ деньги въ кошелькѣ...

Онъ бы легъ въ траву подъ эти клены,
Чтобъ надъ нимъ былъ листьевъ сводъ зеленый,—
Только страшно деньги потерять,
И едва лишь вспомнилъ ихъ—опять
Все померкло...
Нищіе толпою
За вожатаемъ идутъ. У нихъ
Лица неподвижны, словно тьмою
Взоръ подернутъ. Онъ узналъ слѣпыхъ
И смутился, и скорбѣлъ душою,—
Совѣсти почувствовалъ упрекъ:
«Нѣтъ ли мѣдныхъ денегъ?» въ кошелек
Руку опустилъ, червонецъ вынулъ,
Думалъ спрятать вновь—и нищимъ кинулъ.
Вотъ второй и третій, и дождемъ
Сыплются монеты золотыя.
Онъ кидаетъ съ радостнымъ лицомъ,
Споръ и драку подняли слѣпые.
Отдалъ все Францискъ, и у него
Вмѣстѣ съ деньгами съ души усталой
Словно бремя тяжкое спадало,
И въ улыбкѣ доброй—торжество.
Ѣдетъ дальше: каждая былинка,
Небо, птицы, рѣзвый мотылекъ,
И смолы янтарная слезинка
На соснѣ, и трепетный цвѣтокъ,
Полны радости великой, снова
Встрѣтили Франциска, какъ родного.
Онъ съ довѣрьемъ смотритъ въ небеса,
Господу поетъ хвалу простую.
И долины, горы и лѣса
Повторяютъ пѣснь его святую.

V.

«Гдѣ червонцы? Гдѣ мои товары?..
Нищимъ роздалъ, нищимъ сто монетъ!..
Такъ не сынъ же ты мнѣ больше, нѣтъ!

Будь ты проклятъ!..» Бернадоне старый
Палку въ ярости схватилъ: «ты воръ,
Извергъ, роду нашему позоръ!»
Истощивъ угрозы и упреки,
Подалъ въ судъ отецъ его жестокій.
Но Францискъ, когда его зовутъ
Къ городскимъ старѣйшинамъ на судъ,
Отвѣчаетъ, кроткій и спокойный:
«Я предъ Богомъ грѣшникъ недостойный...
Вы простите мнѣ, но признаю
Одного я въ мірѣ Судію,
Надъ людьми поставленъ Онъ отъ вѣка,
И во всемъ я дамъ Ему отвѣтъ:
Человѣкъ не судитъ человѣка,
Между мной и Богомъ судей нѣтъ!»

VI.

И его къ епископу призвали.
Долго съ жаромъ говорилъ отецъ
И не могъ утѣшиться въ печали
О своихъ червонцахъ. Наконецъ
Онъ умолкъ; тогда Францискъ смиренный,
Перстень снявъ, предъ старикомъ кладетъ:
«Это матери подарокъ. Вотъ—
Долгъ мой отданъ: камень драгоцѣнный
Стоитъ больше денегъ взятыхъ мной!»
Такъ Францискъ, исполненный надежды,
Обручился съ бѣдностью святой;
Снялъ съ себя онъ обувь и одежды,
Положилъ на землю предъ отцомъ
И воскликнулъ съ радостнымъ лицомъ:
«Все земное, все, что я имѣю,—
Даже ризу прежнюю мою
Я отцу земному отдаю.
Больше здѣсь ничѣмъ я не владѣю!
Одного хочу любить Христа,

Одному хочу служить я Богу:
Я избралъ тернистую дорогу,—
И теперь душа моя чиста,
И мечты мои свободнѣй вѣтра!
Я могу воскликнуть наконецъ:
Не отецъ мой—Бернадоне Пьетро,
А Господь—Небесный мой Отецъ!
Будьте же свидѣтелями, братья,
Я хочу быть бѣднымъ, и такимъ
Какъ родился—слабымъ и нагимъ
Кинуться Спасителю въ объятья!»

VII.

У него ни палки, ни мѣшка,
Опоясанный веревкой, нищій,
Онъ въ одеждѣ грубой мужика
Проситъ именемъ Христовымъ пищи
По глухимъ селеньямъ, городамъ,
По большимъ дорогамъ и полямъ
Ходитъ проповѣдуя народу:
«Вы найдете въ бѣдности свободу:
Прежде вашихъ просьбъ Создатель Самъ
Знаетъ, братья, все, что нужно вамъ,
Для чего жъ печетесь вы безъ мѣры
Объ единомъ хлѣбѣ, маловѣры?
Вы не лучше ль лилій полевыхъ?
А межъ тѣмъ не ткутъ онѣ, не сѣютъ,
Но цари одѣться не умѣютъ,
Какъ одѣта каждая изъ нихъ.
Въ Божьемъ мірѣ—людямъ мѣста много.
Что-жъ вы спорите—«мое», «твое»?
Не тому училъ Спаситель: все,
Что прекрасно, намъ дано отъ Бога.
Не одна ли общая земля,
Какъ одинъ небесный сводъ надъ нами?
Для чего жъ вы дѣлите межами

Господа цвѣтущія поля?
Кто же въ тѣни путнику откажетъ,
На чужую ниву не прикажетъ
Падать росамъ, кто про золотой
Солнца лучъ дерзнетъ сказать: «онъ мой»?
У тебя Создатель твой на лозахъ
Наливныя гроздья позлатилъ,
У тебя онъ въ благодатныхъ грозахъ
Твой поникшій колосъ напоилъ,
Онъ скорбитъ о бѣдномъ и богатомъ,
Воздаетъ за зло тебѣ добромъ,
Отчего жъ и ты не хочешь съ братомъ
Подѣлиться хлѣбомъ и виномъ?
О, помиримся, окончимъ битву,
Пусть навѣки общимъ будетъ все,
И сольемъ сердца въ одну молитву:
Да пріидетъ царствіе Твое!»

VIII.

Жилъ Сильвестръ въ горахъ, на дикой кручѣ,
Словно звѣрь, въ расщелинѣ скалы.
Вкругъ него ходили только тучи,
Да летали съ клекотомъ орлы.
На полу пергаментныя книги,
Бичъ желѣзный, цѣпи и вериги.
Вдоль стѣны уступъ гранитныхъ скалъ
По ночамъ подушку замѣнялъ.
Не согнувшись встать нельзя, такъ низко
Въ тѣсной кельѣ... Въ безднѣ, глубоко
Лишь потокъ гремитъ,—и далеко
Все земное, только небо близко.

IX.

И Францискъ мечтаетъ: «Не уйти ли
Отъ людей, отъ шумныхъ городовъ,
Отъ тревоги, суеты и пыли

Въ свѣжесть и безмолвіе лѣсовъ?
Тамъ, въ горахъ, гдѣ не было донынѣ
И слѣда людского,—въ тишинѣ
Жить и умереть наединѣ
Съ Господомъ лицомъ къ лицу въ пустынѣ».
Говорилъ Сильвестръ Франциску: «Плоть,
Плоть проклятую смири цѣпями
И бичомъ желѣзнымъ, и постами,
Чтобъ простилъ грѣхи твои Господь.
У тебя, мой сынъ, въ умѣ лишь радость,
Пѣсенки веселенькія, смѣхъ!..
Словно пчелки на цвѣты—на грѣхъ
Мы летимъ и пьемъ мірскую сладость!..
Смѣхомъ люди бѣсовъ лишь зовутъ.
И внимая радостному кличу,
Дьяволы на грѣшника бѣгутъ,
Какъ борзыя въ полѣ на добычу...
А потомъ, когда умретъ онъ—въ адъ
Крючьями да вилами влачатъ
Господомъ отринутую душу,
И коптятъ, и жарятъ надъ огнемъ,
Какъ на святкахъ мы свиную тушу
На желѣзномъ вертелѣ печемъ:
Вельзевулъ углей обложитъ грудой,
Уксусомъ и желчью обольетъ,
И на столъ онъ лакомое блюдо
Самодержцу ада подаетъ.
Люциферъ на тронѣ лучезаренъ
За роскошной трапезой сидитъ,
И, отвѣдавъ грѣшника, кричитъ
Повару сердито: «Недожаренъ!»
Бѣсы вновь въ огонь его влекутъ
И крутя на вертелѣ пекутъ.
Прежде радость ты любилъ земную,
Прежде пѣсни пѣлъ ты на пирахъ,
Подожди жъ—у дьявола въ когтяхъ
Запоешь ты пѣсенку другую!»

И умолкъ отшельникъ. Замиралъ
На устахъ его зловѣщій хохотъ,
Въ тишинѣ пустыни отвѣчалъ
Лишь потока дальній, вѣчный грохотъ...

X.

Отъ него Францискъ въ раздумьи шелъ:
Онъ жалѣлъ монаха всей душою.
Темный, свѣжій боръ и ясный долъ
Манятъ къ счастью, миру и покою.
Понималъ онъ все, о чемъ въ листвѣ
Радостныя птицы щебетали,
Понималъ, о чемъ въ сырой травѣ
Мошки въ солнечномъ лучѣ жужжали,
Все, что ключъ шепталъ на ложѣ мха;
Сердце чисто, духъ его свободенъ,
Нѣтъ! не вѣритъ онъ во власть грѣха,
Въ смерть, и въ адъ, и вѣчный гнѣвъ Господень.
Ликованья больше въ Небесахъ
Объ единомъ грѣшникѣ спасенномъ,
Чѣмъ о многихъ праведныхъ мужахъ.
Только въ сердцѣ, злобой омраченномъ,—
Скорбь и ужасъ, только лица злыхъ
Полны грустныхъ думъ въ молчаньи строгомъ,
А въ душѣ у добрыхъ и простыхъ—
Радость безконечная предъ Богомъ!

XI.

Папа Иннокентій утвердилъ
Орденъ нищихъ братьевъ. Мало вѣрилъ
Онъ во все, чему Францискъ училъ.
Но умомъ расчетливымъ измѣрилъ
Выгоду возможную для папъ:
«Пусть, — онъ думалъ, — мысль невыполнима,
Жить нельзя безъ денегъ, но для Рима

Во Францискѣ будетъ вѣрный рабъ!..»
Проповѣдывать по всей вселенной
Миноритамъ папа разрѣшилъ.
Десять лѣтъ съ тѣхъ поръ Францискъ смиренный,
Нищій, по Италіи ходилъ.
И когда родныя Аппенины
Скрылись за далекій горизонтъ,
Обошелъ Испанію, Пьемонтъ,
Францію, Савойскія долины.
Тотъ, кто видѣлъ разъ его, не могъ
Позабыть: идутъ къ нему крестьяне,
Женщины, сеньеры, горожане
И разбойники съ большихъ дорогъ.
Всѣ они въ одно сливались братство
И въ одну великую семью,
Покидали родину свою,
Домъ, дѣтей и славу, и богатство.

XII.

Было разъ великое собранье
Нищихъ братьевъ. Сотнями пришли
Воины Христа на совѣщанье,
Босоногіе, со всей земли.
Въ Умбріи, въ благословенномъ краѣ,
Собрались толпы учениковъ
На равнинѣ у Сполетто, въ маѣ,
Межъ зеленыхъ сосенъ и цвѣтовъ.
Тамъ, въ поляхъ — не гнѣзда птицъ небесныхъ,
Это — кельи иноковъ святыхъ,
Это — кущи изъ вѣтвей древесныхъ
И зеленыхъ листьевъ молодыхъ.
Все кругомъ объято тишиною, —
Только гулъ божественныхъ псалмовъ
Издали сливается порою
Съ пѣньемъ птицъ и шелестомъ дубровъ.
Тамъ, подъ кровлей изъ вѣтвей душистыхъ

Пахнетъ влажной зеленью въ тѣни,
Тамъ въ молитвахъ и бесѣдахъ чистыхъ
Протекаютъ сладостные дни.
Ни о чемъ не споря, не жалѣя,
На землѣ свободны лишь они —
Межъ царей и межъ рабовъ — одни,
Ничего земного не имѣя.
И въ волненьи весь окрестный край,
Къ нимъ народъ собрался отовсюду,
Хвалятъ Бога и дивятся чуду,
Говорятъ: «сошелъ на землю рай».
Тамъ въ поляхъ, за трапезой въ смиреньи
Гордые бароны и князья
Служатъ нищимъ. Люди на мгновенье
Во Христѣ — единая семья.
Въ небѣ солнце грѣетъ и сіяетъ, —
На землѣ блаженный, простъ и тихъ,
Ходитъ, смотритъ на дѣтей своихъ,
Любитъ всѣхъ и всѣхъ благословляетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Онъ скорбѣлъ и думалъ: «Льется кровь
Вотъ ужъ третій вѣкъ за гробъ Господень.
Братъ на брата возстаетъ, любовь
Угасаетъ и раздоръ безплоденъ.
Неужель не кончится вовѣкъ
Брань народовъ, стоны жертвъ и крики,
Не пойметъ безумный человѣкъ,
Что война — предъ Богомъ грѣхъ великій?..»
Онъ садится на корабль, спѣшитъ
Въ лагерь крестоносцевъ, къ Діаметтѣ,
И мечтаетъ, сердцемъ простъ, какъ дѣти,
Что людей словами убѣдитъ
Кончить брань. А въ лагерѣ солдаты
И вожди веселіемъ объяты:
Оттого у добрыхъ христіанъ —
Праздникъ, что вчера, во славу Бога
И Святой Пречистой Дѣвы, — много
Перебили плѣнныхъ мусульманъ.
Со словами мира и съ молитвой
Онъ идетъ къ невѣрнымъ въ грозный станъ.
Межъ двумя войсками передъ битвой
По дорогѣ встрѣтился отрядъ
Сарацынъ, и въ плѣнъ святой былъ взятъ.
За шпіона приняли, схватили,
Безоружнаго связавъ, избили,

Къ полководцу привели въ шатеръ.
Предъ вождемъ довѣрчивый, спокойный,
Онъ, поднявъ свой дѣтски-ясный взоръ,
Говорилъ, что надо кончить войны,
Что у всѣхъ народовъ Богъ одинъ.
Этой рѣчью доброй и простою
Тронутъ былъ суровый Мелединъ.
Онъ поникъ въ раздумьи головою
И сказалъ: «Кто бъ ни былъ ты, монахъ,—
Я тебя обидѣть не позволю:
Мудрость Господа — въ твоихъ рѣчахъ.
Съ миромъ отпущу тебя на волю!
Все, что хочешь, у меня возьми...
Ты гяуръ иль нѣтъ, но межъ людьми
Больше всѣхъ ты истиннаго Бога
Сердцемъ чтишь!» Францискъ не уходилъ.
Онъ владыку робко вопросилъ,
И мольба во взорѣ и тревога:
«Кончитъ ли султанъ войну?» Въ отвѣтъ
Грозный вождь съ улыбкой молвилъ: «нѣтъ».
Но въ подарокъ пожалѣвъ о гостѣ,
Предложилъ онъ изъ казны своей
Много золота, слоновой кости
И парчи, и дорогихъ камней.
На сокровища не бросивъ взгляда,
Нищій отвернулся и молчалъ,
Головой лишь грустно покачалъ
И шепнулъ: «Мнѣ ничего не надо».
Но готовы слезы изъ очей
Хлынуть, губы у него дрожали,
Какъ порой у маленькихъ дѣтей
Отъ обиды жгучей и печали...
Онъ въ послѣдній разъ съ мольбой взглянулъ
И тихонько вышелъ отъ султана...
Трубный звукъ и топотъ, громъ и гулъ,
Ужъ готовы къ битвѣ оба стана.
«Богъ и Магометъ, Его пророкъ!»

Мусульмане съ вѣрой восклицали,
И съ такой же вѣрой: «съ нами Богъ!»
Паладины грозно отвѣчали.
Въ жизни первый разъ онъ одинокъ
Межъ людьми. И скорбный, и безмолвный,
Онъ уходитъ на морской песокъ,
Гдѣ шумятъ въ пустынѣ только волны,
Палъ на землю, волю давъ слезамъ,
Поднялъ взоръ къ далекимъ небесамъ:
«Господи, они не понимаютъ!»
Шепчетъ, жгучей жалостью объятъ;
Но ему лишь волны отвѣчаютъ,
Только волны синія шумятъ...

II.

Возвратясь изъ Африки далекой
Къ берегамъ Италіи родной,
Шелъ Францискъ въ печали одинокой
Межъ скалами горною тропой.
Тамъ, въ лазури утренней сіяя,
Ярче снѣга, — посреди камней
Обнаженныхъ, ворковала стая
Бѣлокрылыхъ, нѣжныхъ голубей.
И сказалъ онъ, подойдя къ подножью
Этихъ горъ, раздуміемъ объятъ:
«Если люди слушать не хотятъ,
Пусть же внемлютъ птицы слову Божью!»
И межъ нихъ онъ радостный стоялъ;
Всѣхъ животныхъ въ простотѣ сердечной,
Какъ дѣтей одной природы вѣчной,
Братьями и сестрами онъ звалъ.
«Сестры-птицы, миръ да будетъ съ вами!»
Такъ онъ началъ проповѣдь, и вдругъ
Все затихло. На землѣ рядами,
Слушая, сидятъ онѣ вокругъ.
«Сестры-птицы, громкими хвалами

Вы должны съ любовью безъ конца
Каждый день благодарить Творца, —
Потому что радостно живете,
Не сбирая въ житницы плодовъ,
Вы въ поляхъ не сѣете, не жнете,
А Господь подъ зеленью дубровъ
Васъ укрылъ, заботится о пищѣ,
Онъ вамъ далъ прекраснѣйшій удѣлъ —
Свѣтлый, чистый воздухъ какъ жилище,
Перьями, какъ ризою одѣлъ!
Вотъ за что весь день, лишь лучъ денницы
Заблеститъ сквозь утреннюю мглу —
И до звѣздъ вечернихъ, — пойте, птицы,
Пойте Богу вѣчную хвалу!»
Онъ умолкъ, — и голуби ликуютъ,
И къ нему, головки протянувъ,
Крыльями трепещутъ и воркуютъ,
Смотрятъ въ очи, открывая клювъ.
И одинъ въ лазури необъятной
Съ этой стаей бѣлыхъ голубей,
Онъ межъ ними ходитъ, благодатный,
Какъ отецъ — среди своихъ дѣтей.
Ризою касается смиренной
Ихъ головокъ ласковыхъ. Потомъ,
Отпуская Божьихъ птицъ, Блаженный
Осѣнилъ съ любовью ихъ крестомъ.
И взвилась ликующая стая,
И слѣдилъ онъ съ радостнымъ лицомъ
Долго, долго, какъ она, блистая,
Словно бѣлый снѣгъ, подъ солнцемъ тая,
Исчезала въ небѣ голубомъ.

III.

Такъ Францискъ ни отъ кого на свѣтѣ
Съ гордостью не отвращалъ лица:
Божьи твари — всѣ равны, какъ дѣти

Одного Небеснаго Отца.
И онѣ къ нему приходятъ сами,
Къ людямъ позабывъ вражду свою.
Сердцемъ чистъ, онъ въ дружбѣ со звѣрями
Жилъ, какъ первый человѣкъ въ раю.

IV.

Разъ въ пещерѣ, въ зимній холодъ, поздно
Ночью, съ молодымъ ученикомъ,
Въ Риво-Торто, надъ стремниной грозной
Онъ сидѣлъ за тлѣющимъ огнемъ.
Все мертво. Надъ пеленою снѣжной
Только звѣзды блѣдныя дрожатъ.
Отрока спросилъ учитель нѣжный:
«Отчего ты грустенъ, милый братъ?»
—«О прости мнѣ, отче! Я горюю
О семьѣ. Я вспомнилъ мать родную,
Братьевъ, маленькихъ сестеръ моихъ.
Скучно мнѣ, душа болитъ о нихъ...»
И Францискъ съ улыбкой состраданья,
Не сказавъ ни слова, но спѣша,
Вышелъ поскорѣй изъ шалаша,
Сталъ лѣпить изъ снѣга изваянья.
Кончивъ, съ торжествующимъ лицомъ,
Онъ, смѣясь, ихъ обошелъ кругомъ
И воскликнулъ: «Гдѣ же ты, Руффино?
Братецъ, люди снѣжные!.. взгляни,
Какъ блестятъ надъ бѣлою равниной,
Какъ тебя привѣтствуютъ они!»
И Руффино вышелъ, грусти полный;
Искрятся при свѣтѣ звѣздъ ночныхъ
Изваянья, блѣдны и безмолвны;
И Францискъ указывалъ на нихъ:
«Вотъ — отецъ твой, мать, вотъ — сестры, братья...
Что жъ ты медлишь? Подойди скорѣй!
Видишь, какъ имъ холодно, согрѣй,

Поцѣлуй ихъ, заключи въ объятья!
Но когда къ груди прижмешь—въ теплѣ
Изваянья снѣжныя растаютъ
И умрутъ они, какъ умираютъ
Всѣ, кого мы любимъ на землѣ.
Не помогутъ ласки и лобзанья!
И уйдутъ, уйдутъ они отъ насъ,
Исчезая каждый день и часъ,
Словно снѣгъ отъ теплаго дыханья!»

V.

Сорокъ дней былъ постъ въ монастырѣ.
По обѣту братья не вкушали
Ни плодовъ, ни рыбы. На зарѣ
Всталъ Францискъ. Еще монахи спали;
Рядомъ съ нимъ былъ въ кельѣ братъ больной:
Долгими постами изнуренный,
Жаждою томясь, во снѣ порой
Онъ шепталъ, видѣніемъ смущенный:
«Если бъ могъ я жажду утолить,
Подъ зеленой, свѣжей тѣнью сада,
Отъ янтарныхъ гроздій винограда,
Сокомъ переполненныхъ, вкусить!..»
Бредъ его подслушавъ, къ изголовью
Подошелъ Францискъ: «Проснись, мой братъ!»
И заботливѣй, чѣмъ мать, съ любовью,
Онъ ведетъ его тихонько въ садъ,
Прямо къ спѣлымъ гроздьямъ винограда.
Но больной поднять не смѣетъ взгляда:
Ягоды подъ розовымъ лучомъ,
Налитыя сокомъ золотистымъ,
Подъ листомъ широкимъ и росистымъ
Свѣтятся прозрачнымъ янтаремъ.
И Блаженный первый къ нимъ склонился,
Немощь плоти съ братомъ раздѣлилъ,
Вмѣстѣ съ нимъ онъ отъ плода вкусилъ,

Чтобъ монахъ нарушить не стыдился
Свой обѣтъ. «Не бойся прогнѣвить
Господа,—сказалъ Францискъ,—чтобъ душу
Брата отъ страданій облегчить,
Тысячи обѣтовъ я нарушу!
На себя беру твой грѣхъ. Готовъ
Дать отвѣтъ во всемъ: я знаю, Боже,
Милосердье—для Тебя дороже
Всѣхъ молитвъ, обрядовъ и постовъ!»

VI.

Отъ служенья въ мрачномъ, душномъ храмѣ
Въ садъ порой Блаженный уходилъ.
Тамъ, подъ голубыми небесами,
Цѣлый день съ улыбкой онъ слѣдилъ,
Какъ изъ сердца розы темно-алой,
Изъ тюльпановъ огненныхъ пчела
Сладкій, ароматный сокъ пила,
И какъ солнце въ ульяхъ озаряло
Восковыя грани нѣжныхъ сотъ,
Гдѣ струился теплый, свѣтлый медъ.
Въ ихъ строеньи мудрости такъ много,
Что Францискъ у пчелокъ золотыхъ,
Умныхъ маленькихъ сестеръ своихъ,
Познавать учился благость Бога.
И когда въ стыдливой красотѣ
Лиліи порой предъ нимъ блистали,
Дольніе цвѣты напоминали
О Цвѣткѣ Небесномъ, о Христѣ—
Этой блѣдной, сладостной Лилеѣ,
Выросшей въ долинахъ Галилеи
И цвѣтущей нынѣ въ небесахъ.
Тотъ цвѣтокъ наполнилъ, умирая,
Міръ такимъ благоуханьемъ рая,
Что проснулись мертвые въ гробахъ.
Такъ вселенная душѣ святого

Кажется въ гармоніи своей
Символомъ Единаго, Благого,
Вѣчнаго, таящагося въ ней.
И зоветъ, зоветъ онъ всю природу,
Бездны, горы, тучи, небеса,
Землю, воздухъ и огонь, и воду—
Слить въ одну молитву голоса.
Чувствуя душой прикосновенье
Безконечнаго, онъ весь горѣлъ
И любилъ, и, полный вдохновенья,
Свой великій гимнъ предъ Богомъ пѣлъ:

VII.

«Тебѣ—хвала, Тебѣ—благодаренье,
Тебя Единаго мы будемъ прославлять,
И недостойно ни одно творенье
Тебя по имени назвать!

* * *

«Хвалите Вѣчнаго за всѣ Его созданья:
За брата моего, за Солнце, чье сіянье,
Рождающее день—
Одна лишь тѣнь,
О Солнце солнцъ, о мой Владыко,—
Одна лишь тѣнь
Отъ твоего невидимаго лика!

* * *

«Да хвалитъ Господа сестра моя Луна,—
И звѣзды, полныя таинственной отрады,
Твои небесныя лампады,
И благодатная ночная тишина!

* * *

«Да хвалитъ Господа и братъ мой Вѣтръ летучій,
Не знающій оковъ, и грозовыя тучи,
И каждое дыханье черныхъ бурь,
И утренняя, нѣжная лазурь!

* * *

«Да хвалитъ Господа сестра моя Вода:
Она—тиха, она—смиренна,
И цѣломудренно-чиста, и драгоцѣнна!

* * *

«Да хвалитъ Господа мой братъ Огонь—всегда
Веселый, бодрый, ясный,
Товарищъ мирнаго досуга и труда,
Непобѣдимый и прекрасный!

* * *

«Да хвалитъ Господа и наша мать Земля:
Въ ея родную грудь, во влажныя поля
Бразды глубокія желѣзный плугъ врѣзаетъ,
А между тѣмъ она съ любовью осыпаетъ
Своихъ дѣтей кошницами плодовъ,
Колосьевъ золотыхъ и радужныхъ цвѣтовъ!

* * *

«Да хвалитъ Господа и Смерть, моя родная,
Моя великая, могучая сестра!
Для тѣхъ, кто шелъ стезей добра,
Кто умеръ, радостно враговъ своихъ прощая,
Для тѣхъ ужъ смерти больше нѣтъ,
И смертъ—имъ жизнь, и тьма могилы—свѣтъ!

* * *

«Да хвалитъ Господа вселенная въ смиреньи:
Тебѣ, о Солнце солнцъ, хвала и пѣснопѣнье!»

VIII.

Надъ горами тихо пролетая,
Въ красотѣ торжественной своей
Вся дрожитъ и блещетъ ночь нѣмая
Миріадами живыхъ огней.
Въ полуснѣ недвижимый надъ бездной
На горахъ Альверно онъ стоялъ,
Окруженный небомъ ночи звѣздной,
Одинокій на вершинѣ скалъ,
И молился горячо. Свѣтлѣло
Передъ нимъ въ полночной темнотѣ,
Словно въ блескѣ солнца на крестѣ,
Блѣдное, страдальческое тѣло.
Каплями изъ ранъ сочилась кровь,
Алая, во мракѣ черной ночи.
Долу ликъ склоненъ, закрыты очи,
А въ улыбкѣ—все еще любовь.
Онъ покорно, тихо умираетъ,
И Блаженный къ Богу своему
Поднялъ взоръ. Отъ жалости къ Нему,
Отъ любви душа изнемогаетъ:
«О какъ мало я Тебя любилъ,
Какъ обидѣлъ! Это я гвоздями,
Члены жалкіе пронзивъ, убилъ
Моего Спасителя грѣхами.
Господи, я не могу смотрѣть
На Твои мученья! Дай мнѣ тоже,
Дай страдать съ Тобою вмѣстѣ, Боже,
И съ тобою вмѣстѣ умереть.
Лучше пусть Христосъ меня осудитъ,
Пусть отвергнетъ,—сердцу легче будетъ,

Только бы не умеръ Онъ, храня
Кроткій видъ, исполненный смиренья...
Боже, я не вынесу прощенья,
Нѣтъ, не надо, не прощай меня!..»
Но Спаситель открываетъ очи,
На Франциска Онъ взглянулъ: въ тотъ мигъ
Взоръ такой любви изъ мрака ночи
Въ глубину души его проникъ,
Что какъ будто въ первый разъ Блаженный
Понялъ, какъ Господь его любилъ,
Понялъ, что за всѣ грѣхи вселенной
Умирая, Онъ людей простилъ.
И Христосъ къ нему все ближе, ближе,
Онъ, казалось, обнималъ его,
И Францискъ шепталъ съ мольбой: «Возьми же,
Господи, возьми меня всего!»
И почувствовалъ онъ тѣ же муки,
Какъ Распятый, боль онъ ощутилъ,
Словно кто-нибудь гвоздями руки
И ступени ногъ ему пронзилъ.
Во Христа душой преобразившись,
Вмѣстѣ съ Нимъ былъ распятъ на крестѣ,
Вмѣстѣ съ Нимъ страдалъ и, съ Богомъ слившись,
За людей онъ умеръ во Христѣ.
Къ Небу громкимъ голосомъ взывая,
Онъ упалъ: «Тебѣ я жизнь мою,
Отче,-нынѣ въ руки предаю!»
А надъ нимъ попрежнему блистая,
Въ непонятной красотѣ своей,
Вся дрожитъ и блещетъ ночь немая
Миріадами живыхъ огней...

. . . . . .

Рано утромъ изъ окрестныхъ келій
Братья иноки пришли за нимъ.
Онъ лежалъ на скалахъ недвижимъ,
И какъ будто отъ гвоздей алѣли
Язвы на ногахъ, ладоняхъ рукъ,

На худомъ, прозрачно-блѣдномъ тѣлѣ.
Въ ужасѣ стояли всѣ вокругъ...

. . . . . .

Но потомъ открылъ онъ очи вновь.
Взоръ его былъ полонъ тайнъ небесныхъ,
Несказанныхъ, и сочилась кровь
Каплями изъ ранъ глубокихъ, крестныхъ...

IX.

Съ этихъ поръ страданья начались
Тяжкаго, смертельнаго недуга.
Разъ отъ всенощной, полны испуга,
Блѣдные монахи собрались
И смотрѣли на его мученья.
И не въ силахъ боли превозмочь,
Полумертвый, истощивъ терпѣнье,
Онъ метался и стоналъ всю ночь;
Юный братъ въ порывѣ состраданья,
Слыша безконечныя стенанья,
Видя, что ничѣмъ нельзя помочь—
«Господи,—воскликнулъ,—неужели
Такъ несправедливо и безъ цѣли
Ты казнишь избранниковъ Твоихъ?»
Услыхалъ больной и вдругъ затихъ,
На монаха поглядѣлъ онъ строго,
И отвѣтъ раздался въ тишинѣ:
«Братъ, какъ смѣешь ты судить во мнѣ
Милосердье праведнаго Бога?»
Всталъ Францискъ отъ ложа и, съ трудомъ
Опустившись, ницъ упалъ челомъ,
Крѣпко всѣми членами своими
Трепетными, слабыми, нагими
Онъ къ землѣ припалъ и цѣловалъ
Землю, руки къ персямъ прижималъ,
Полный безконечнаго смиренья:
«О, Создатель мой, благодарю

Я за всѣ, за всѣ мои мученья!
Объ одномъ еще Тебя молю:
Боль сильнѣе сдѣлай, если надо,—
Я перенесу ее, любя,—
Потому что все, что отъ Тебя,
Даже муки—для меня отрада!
Развѣ не у Господа въ рукахъ—
Жизнь и смерть, и вся земная доля?
О, Твоя, Твоя да будетъ воля,
Отче, на землѣ и въ небесахъ!»

X.

Такъ великій духъ въ страданьяхъ росъ.
И огнемъ любви неутолимой
Сердце чистое зажегъ Христосъ.
Между тѣмъ, какъ духъ неугасимо
Предъ лицомъ Твоимъ горѣлъ, Господь,—
Какъ свѣча предъ образомъ,—сгорала
Отъ болѣзни немощная плоть,
Таяла, какъ воскъ, и умирала.

XI.

Передъ смертью онъ ослѣпъ. Мученье
Каждый день росло. Когда порой
Становилось легче, въ садъ больной
Выходилъ; одно лишь утѣшенье—
На крыльцѣ у двери посидѣть,
И на мигъ—измученное тѣло,
Что теряя силы холодѣло,
Въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ согрѣть.
Разъ, когда въ вечернемъ, кроткомъ свѣтѣ
Онъ дремалъ, монахи принесли
Пару дикихъ горлицъ. Ихъ нашли
Во полѣ. Бѣдныя попались въ сѣти.
Чтобъ вскормить могли они птенцовъ,

Гнѣздышко подъ кровлей, надъ дверями
Онъ слѣпилъ изъ глины и сучковъ
Слабыми, дрожащими руками.
И веселью не было конца,
Только что изъ перваго яйца
Вылупился птенчикъ и неловкой
Обнаженной маленькой головкой
Скорлупу пробилъ... Раздался пискъ
Жалобный... Благословилъ Францискъ
Господа за то, что, умирая,
Видѣлъ, какъ рождалась молодая
Жизнь, и свѣтъ еще сильнѣй любя,
Окруженный мракомъ вѣчной ночи,
Къ солнцу поднялъ онъ слѣпыя очи,
«Господи, благодарю Тебя!..»

XII.

Только плоти слабою преградой
Духъ его, какъ тонкою стѣной,
Отдѣленъ отъ Бога. Онъ порой
Говорилъ: «мнѣ ничего не надо,
Хорошо и умереть, и жить!»
Такъ Блаженный, землю покидая,
Счастье высшее позналъ—любить,
На любовь въ отвѣтъ любовь встрѣчая.
Чтобы къ Богу въ мирѣ отойти,
Въ темную часовню подъ землею
Онъ велѣлъ себя перенести.
Утѣшаясь бѣдностью святою,
Ризы снялъ и легъ на голый полъ,
И какъ въ юности, когда одежды
Снявъ съ себя, отъ міра онъ ушелъ,—
Такъ теперь, исполненный надежды,
Онъ съ печатью смерти на челѣ,
Все земное отдаетъ землѣ
И свободѣ радуется: «Братья,

Я хочу быть бѣднымъ, и такимъ
Какъ родился—слабымъ и нагимъ,
Кинуться Спасителю въ обьятья!..»
Со свѣчами иноки стоятъ,
И одинъ открылъ на аналоѣ
И читалъ Евангелье святое,
Въ тишинѣ слова любви звучатъ:
«Дѣти, Я не долго съ вами буду.
Нынѣ вамъ Я новую Мою
Заповѣдь великую даю,
И за то Я вѣчно въ васъ пребуду.
Миръ вамъ, дѣти! Какъ Я васъ люблю,
Такъ и вы другъ друга возлюбите,
Чтобъ узнали всѣ по той любви,
Что вы заповѣдь Мою храните
И что вы ученики Мои.
Я приду къ вамъ вновь и успокою.
Вы—во Мнѣ, какъ Я—въ Отцѣ Моемъ,
И вы будете одно со Мною,
Какъ и Я—одно съ Моимъ Отцомъ».
Онъ вздохнулъ—и кончилось мученье:
И какъ будто задремавъ, поникъ
Головой на грудь въ изнеможеньи,
И закрылись очи. Блѣдный ликъ—
Все свѣтлѣй, спокойнѣй и прелестнѣй...
Какъ дитя—у матери въ рукахъ,
Убаюканное тихой пѣсней,—
Онъ почилъ съ улыбкой на устахъ.
Незакатный свѣтъ предъ нимъ сіяетъ,
Въ лонѣ Бога духъ его исчезъ,—
Такъ въ лазури утреннихъ небесъ
Бѣлокрылый лебедь утопаетъ.

ВѢРА.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Недавно рецензентъ довольно желчный
Мнѣ говорилъ: «Какая тьма пѣвцовъ
Въ нашъ грубый вѣкъ практическихъ дѣльцовъ!
Балладъ, поэмъ, сонетовъ гулъ немолчный
Стоитъ кругомъ, какъ лѣтомъ комаровъ
Унылое жужжанье!..» Въ самомъ дѣлѣ,
Намъ, наконецъ, поэты надоѣли.

II.

Кто не риѳмуетъ?.. Цѣлая гора
Стиховъ нелѣпыхъ. Нынче всѣ—поэты:
Военные, студенты, доктора,
Телеграфисты, барышни, кадеты,
Отцы семействъ, юристы... Намъ вчера
Въ редакцію товарищъ прокурора
Прислалъ тетрадь риѳмованнаго вздора.

III.

И всѣ они лишь объ одномъ поютъ:
Какъ тяжело имъ жить на бѣломъ свѣтѣ,—
И всѣ страдаютъ, плачутъ, міръ клянутъ,

Безсильные, капризные, какъ дѣти,
(Ихъ пессимистами у насъ зовутъ),—
Повсюду жалобы: «искусство пало».
Поэтовъ тьма—поэзіи не стало.

IV.

Намъ скорбь пріятна: всѣ мы влюблены
Въ свою печаль и собственнымъ напѣвамъ,
Слезамъ, тоскѣ, всему, чѣмъ мы полны,
Ужъ слишкомъ много придаемъ цѣны—
А жизнь для насъ противна. Старымъ дѣвамъ,
Лѣтъ подъ сорокъ прилична эта грусть...
Но Боже мой, мы знаемъ наизусть

V.

Сердецъ разбитыхъ стоны и признанья.
Намъ, наконецъ, чувствительная ложь
И Надсону плохія подражанья
Наскучили!.. Какъ Надсонъ ни хорошъ,
А съ нимъ однимъ недалеко уйдешь.
Порой стихи у насъ по формѣ дивны,
Но, все-таки, мы слишкомъ субъективны.

VI.

О, кто найдетъ для музы новый путь,
Кто сдѣлаетъ искусство не забавой,
А подвигомъ, кто дастъ намъ отдохнуть
На красотѣ спокойной, величавой,
Кто въ дряхлый міръ сумѣетъ жизнь вдохнуть,
Кто воскреситъ твои живыя струны,
Нашъ царь, нашъ богъ, учителъ вѣчно-юный,

VII.

Счастливый Пушкинъ? Да, въ ужасный вѣкъ
Сумѣлъ ты быть свободнымъ и счастливымъ.
И ты страданья зналъ, какихъ вовѣкъ

Не знали мы, но умеръ горделивымъ,
И не ропталъ,—и, жалкій родъ калѣкъ,
Тебѣ, гигантъ, дивимся мы съ любовью,—
Твоей спокойной мощи и здоровью.

VIII.

Восторженнымъ въ стихахъ нетрудно быть,
Но, забывая собственное горе,
Въ гармонію печаль преобразить,
Въ своей душѣ, какъ сводъ небесный — въ морѣ,
Весь міръ и всю природу отразить, —
Вотъ цѣль поэтовъ, Богомъ вдохновенныхъ,
Что потруднѣй элегій современныхъ

IX.

И нашей модной «скорби міровой».
Въ тебѣ, о Пушкинъ, счастье и покой;
Ты примиряешь съ жизнью, утоляя
Намъ жажду сердца вѣчной красотой.
Не какъ вино, а какъ вода живая,
Не какъ духи, какъ ароматъ лѣсовъ—
Святая прелесть пушкинскихъ стиховъ

X.

Но, впрочемъ, какъ бы ни были мы плохи,
А надо жить: искусство — не игра.
Мнѣ кажется, что бросить намъ пора
Элегій томныхъ жалобные вздохи
Всѣ эти пробы дѣтскаго пера,
Альбомные стишки для институтокъ...
Приняться бы за эпосъ—кромѣ шутокъ.

XI.

О, свѣтлаго искусства торжество,
Привѣтъ тебѣ, эпическая муза!
Твои жрецы—титаны... Ничего

Не можетъ быть желаннѣй твоего
Спокойнаго и вѣрнаго союза.
Пускай шумитъ лирическій потокъ,—
Ты, эпосъ, тихъ, и вѣченъ, и глубокъ!—

XII.

Но устарѣлъ въ нашъ вѣкъ вполнѣ реальный
Волшебный міръ классическихъ поэмъ, —
Востокъ, Эллада, розы и гаремъ,
И красота природы идеальной, —
Роскошныхъ пальмъ тропическій эдемъ,
Халифы, демоны, монахи, феи —
Во вкусѣ лорда Байрона затѣи.

XIII.

Нѣтъ, право, въ современныхъ городахъ,
Въ театрахъ, фабрикахъ, въ толпѣ столичной,
Въ шестиэтажныхъ пасмурныхъ домахъ
И даже въ сѣрыхъ, дымныхъ небесахъ
Есть многое, что такъ же поэтично,
Какъ волны, степь и груды дикихъ скалъ —
Романтиковъ обычный арсеналъ.

XIV.

Въ болѣзненномъ и сумрачномъ пейзажѣ
Большого города найдетъ поэтъ,
Быть-можетъ, то, чего въ природѣ нѣтъ:
Есть красота въ искусственномъ; и даже
Свѣтъ электричества, волшебный свѣтъ,
Порою надъ столицею печальной
Прекраснѣе луны сентиментальной.

XV.

У насъ культуру многіе бранятъ
(Что, въ сущности, остатокъ романтизма),
Но иногда мнѣ душу веселятъ

Локомотивъ иль царственный фрегатъ
Изяществомъ стального механизма.
А все жъ роднѣй мечтателямъ пока
Востокъ и Римъ, и средніе вѣка...

XVI.

Но я рѣшилъ, привычку побѣждая,
Героя взять для повѣсти моей
Изъ современныхъ, будничныхъ людей...
Дитя больное сѣвернаго края,
Онъ родился въ одной изъ тѣхъ семей,
Гдѣ, несмотря на комфортъ и достатокъ,
Какой-то буржуазный отпечатокъ

XVII.

Лежитъ на всемъ. Лѣтъ тридцать прослуживъ,
Его отецъ страдалъ обычнымъ сплиномъ
И засореньемъ печени. Схвативъ
На скверной дачѣ въ Парголовѣ тифъ,
Скончался онъ съ довольно важнымъ чиномъ
И скромный, тысячъ въ сорокъ, капиталъ
Онъ, умирая, сыну завѣщалъ.

XVIII.

Давно ужъ мать больна была чахоткой.
Покорная, съ надеждой на Творца,
Сережу покидая, до конца
Она осталась любящей и кроткой.
Но онъ не помнилъ милаго лица,
И лишь какъ сонъ, какъ то, что слышалъ въ сказкѣ,
Онъ вспоминалъ ея святыя ласки.

XIX.

Лѣтъ съ десяти страдалъ уже хандрой
И склонностью къ чахоткѣ нашъ герой —
Родителей печальное наслѣдство.

Какъ бредъ тяжелый промелькнуло дѣтство.
Съ болѣзненной, угрюмою душою,
Сережа былъ ребенкомъ некрасивымъ,
Мечтательнымъ и странно-молчаливымъ.

XX.

Наслѣдственность, мы всѣ—твои рабы!
Твоимъ слѣпымъ законамъ жизнь покорна,
Со дня рожденья будущей судьбы
Въ насъ тихо спятъ невидимыя зерна:
Мы ей должны отдаться безъ борьбы.
Изъ рода въ родъ болѣзнь и преступленья
Передаютъ другъ другу поколѣнья...

XXI.

И звѣрь таится въ каждомъ изъ людей,
И тысячами узъ порабощенный,
Онъ не смирился: въ денди нашихъ дней
Подъ оболочкой моды утонченной
Порой сквозятъ инстинкты дикарей —
Съ ихъ жаждой крови, ужасомъ и мракомъ, —
Подъ этимъ бѣлымъ галстукомъ и фракомъ.

XXII, XXIII.

. . . . . .

XXIV.

Въ гимназіи невыносимый гнетъ
Схоластики пришлось узнать Сережѣ...
Словарь да синтаксисъ; изъ года въ годъ
Онъ восемь лѣтъ твердилъ одно и то же.
Какъ изъ него не вышелъ идіотъ,
Какъ бѣдный мозгъ такую пытку вынесъ
Непостижимо. «Panis, piscis, crinis», —

XXV.

Вотъ вся наука... Иногда весной
Онъ ласточкамъ завидовалъ... Не учатъ
Онѣ Aorist первый и второй,
Грамматикой латинской ихъ не мучатъ.
Пока бѣдняга съ жгучею тоской
Смотрѣлъ, какъ въ синемъ небѣ рѣютъ птицы,
Онъ получалъ нули да единицы.

XXVI.

Когда зимой плѣняло солнце взоръ
Сквозь дымъ багровый ласковымъ привѣтомъ,
И душный классъ, и мрачный коридоръ
Былъ озаренъ янтарнымъ полусвѣтомъ,—
О, какъ Сережа рвался на просторъ,
И какъ хотѣлъ онъ, весь отдавшись бѣгу,
Летѣть въ саняхъ по блещущему снѣгу!

XXVII.

Надъ Ксенофонтомъ голову склонивъ,
Онъ забывалъ о грозномъ педагогѣ,
Смотрѣлъ куда-то въ даль и былъ счастливъ...
Но вдругъ звучалъ надъ ухомъ голосъ строгій:
«Скажите мнѣ отъ amo конъюктивъ!»—
И со скамьи мечтатель пробужденный
Вставалъ, дрожащій, робкій и смущенный.

XXVIII.

Домой онъ не на радость приходилъ:
И отдохнуть не смѣлъ ребенокъ бѣдный.
Надъ Цицерономъ выбившись изъ силъ,
Еще князей удѣльныхъ онъ зубрилъ
До полночи, измученный и блѣдный,
Чтобъ утромъ подъ дождемъ бѣжатъ скорѣй
Въ гимназію при свѣтѣ фонарей.

XXIX, XXX, XXXI.

. . . . . .

XXXII.

Немудрено, что, кончивъ курсъ, Сергѣй
Считалъ весь міръ печальною ошибкой.
Озлобленный, далекій отъ людей,
Онъ осуждалъ съ презрительной улыбкой
Ихъ съ высоты учености своей,
Искалъ спасенья въ отрицаньи чистомъ—
И вообще былъ крайнимъ пессимистомъ.

XXXIII.

Но онъ—студентъ. Какой счастливый день!
Съ какимъ восторгомъ онъ вошелъ подъ сѣнь
Таинственныхъ, большихъ аудиторій.
Онъ съ трепетомъ заглядываетъ въ тѣнь
Нѣмыхъ библіотекъ, лабораторій;
На лекціяхъ онъ—весь вниманье, слухъ...
Но скоро въ немъ научный жаръ потухъ.

XXXIV.

Съ тупымъ лицомъ, рябой и косоглазый,
Какой-то метафизикъ примирялъ
Ученье церкви съ Кантомъ. Онъ дремалъ,
Цѣдя сквозь сонъ медлительныя фразы,
И, не боясь свистковъ, провозглашалъ
Тотъ принципъ, что почтенье къ людямъ надо
Опредѣлять количествомъ оклада.

XXXV.

Сережѣ было стыдно; а потомъ
На каѳедру взошелъ старикъ съ лицомъ
Пергаментнымъ, въ очкахъ; губа отвисла,

И мутный взоръ потухъ. Беззубымъ ртомъ
Зашамкалъ онъ уныло числа, числа...
Исторія—безъ образовъ, безъ лицъ,
Ряды хронологическихъ таблицъ!..

XXXVI.

Но вотъ—юристъ; онъ обожалъ остроты,
Былъ фатъ, носилъ фальшивый брилліантъ,
Не зналъ предмета, но имѣлъ талантъ
Придумывать словечки, анекдоты
И пошлости. Сережѣ этотъ франтъ
Казался неприличнымъ и вульгарнымъ;
Онъ, впрочемъ, былъ довольно популярнымъ.

XXXVII.

Въ своихъ товарищахъ не могъ Сергѣй
Узнать студента добрыхъ старыхъ дней
Гдѣ искренность, гдѣ шумныя бесѣды,
Гдѣ буйный пылъ заносчивыхъ рѣчей,
Гдѣ сходки, красныя рубашки, пледы,
Гдѣ сумрачный Базаровъ-нигилистъ?..
Теперешній студентъ такъ скроменъ, чистъ

XXXVIII.

И аккуратенъ: онъ смирнѣй овечки,
Онъ маменькинъ сынокъ, наслѣдства ждетъ,
Играетъ въ винтъ и въ ресторанѣ пьетъ
Шампанское, о тепленькомъ мѣстечкѣ
Хлопочетъ, предъ начальствомъ шею гнетъ,
Готовъ стоять просителемъ у двери
И думаетъ о деньгахъ, да карьерѣ...

XXXIX.

. . . . . .

XL.

Былъ старичокъ-профессоръ: пылкій, страстный,
Гуманностью онъ увлекалъ безъ словъ—
Одной улыбкой мягкой, дѣтски-ясной;
Идеалистъ сороковыхъ годовъ,
Онъ умереть за правду былъ готовъ.

. . . . . .

. . . . . .

XLI.

Въ морщинкахъ добрыхъ, съ лысой головой,
Онъ былъ похожъ на маленькаго гнома.
На пятомъ этажѣ большого дома
Въ его квартиркѣ плохонькой, порой,
По вечерамъ бывалъ и нашъ герой.
Жара, веселье, чай и папиросы,
И шумъ, и смѣхъ, и важные вопросы.

XLII.

Одинъ кричалъ: «Не признаю народа!..
Другой въ отвѣтъ: «Толстой сказалъ...»—Онъ вретъ!
«Нѣтъ, чортъ возьми, дороже намъ свобода...
— Пусть сапоги Толстой въ деревнѣ шьетъ...
— Прогрессъ!.. Интеллигенція!.. Народъ!..»
Все, наконецъ, сливалось въ общемъ шумѣ.
Сергѣй внималъ въ глубокой, тихой думѣ.

XLIII.

Пора домой. Онъ вышелъ. Ночь ясна.
Костры извозчиковъ пылаютъ съ трескомъ,
А на Невѣ голубоватымъ блескомъ
Мерцаютъ глыбы льда, и холодна
Въ кольцѣ туманной радуги луна,
И полны Сфинксы грусти величавой,
И задремалъ Исакій златоглавый.

XLIV.

Его столбовъ и портиковъ гранитъ,
Весь опушенный инеемъ, блеститъ,
И по угламъ склонились, недвижимы
Чернѣя въ звѣздномъ небѣ, херувимы...
А Невскій электричествомъ залитъ,
Кареты, вывѣски, кафэ,—и звонокъ
Въ морозной ночи гулъ послѣднихъ конокъ.

XLV.

И думалъ такъ нашъ скептикъ молодой:
«О чемъ они такъ спорили, кричали?
Народъ, культура, знанье,—Боже мой,
Но здѣсь, предъ этой ночью голубой,
Какъ жалки всѣ тревоги и печали!
Мнѣ въ двадцать лѣтъ не страшно умереть.
И, право, въ жизни нечего жалѣть.

XLVI.

«Жалѣть!.. Я даже радъ тому, что боленъ.
Я волю жить сознаньемъ превозмогъ,
Какъ Шопенгауэръ говоритъ...» Доволенъ
Былъ юный нашъ философъ тѣмъ, что могъ
Цитатой подтвердить свой монологъ
Онъ чувствовалъ себя оригинальнымъ,
Обиженнымъ, и гордымъ, и печальнымъ.

XLVII.

Въ своихъ глазахъ онъ былъ почти великъ.
Не понималъ Сережа въ этотъ мигъ,
Что пессимизмъ дешевый и банальный,
Всю эту грусть онъ взялъ изъ модныхъ книгъ,
Изъ фельетоновъ, до статьи журнальной,
Что свой красивый, мрачный идеалъ
Онъ у поэта Минскаго укралъ.

XLVIII.

И между тѣмъ, какъ цѣпью брилліантовъ
Надъ Невскимъ рядъ полночныхъ солнцъ горѣлъ,
На улицу съ презрѣньемъ онъ глядѣлъ,
На бѣдняковъ, публичныхъ женщинъ, франтовъ...
«Какъ я далекъ отъ ихъ ничтожныхъ дѣлъ!..
Живутъ, страдаютъ, любятъ, суетятся,
А смерть придетъ,—какъ сонъ они умчатся!..»

XLIX.

И въ шубу онъ закутался плотнѣй,
И сдѣлалось тепло ему отъ мѣха,
Отъ сладостнаго внутренняго смѣха
Надъ глупой жизнью маленькихъ людей;
Онъ опьяненъ былъ горестью своей,
Она ему казалась необъятной:
Вѣдь надъ собой поплакать такъ пріятно.

L.

Пришелъ домой, раздѣлся онъ и легъ.
Но мучилъ кашель, голова горѣла...
Потухли грезы. Слабъ и одинокъ,
Онъ ласки жаждалъ и уснуть не могъ.
А ночь въ глаза такъ пристально глядѣла
И какъ могильный камень, тяжела,
Теперь ужъ скорбь не шуткою была.

LI.

Ни сладкихъ думъ, ни слезъ, ни вдохновенья,
Ему казалось глупымъ и смѣшнымъ,
Что онъ считалъ великимъ за мгновенье.
Не скептикомъ, могучимъ, гордымъ, злымъ,
Онъ просто былъ несчастнымъ и больнымъ,
Покинутымъ ребенкомъ. Одиноки
Теперь мы всѣ: таковъ нашъ вѣкъ жестокій!

LII.

Мы думаемъ, безумцы, лишь о томъ,
Чтобъ оградиться отъ людей наукой,
Правами, силой, деньгами, умомъ...
Но въ нашемъ *я*, ничтожномъ и пустомъ,
Томимся одиночествомъ и скукой.
Борьба на смерть,—Vae victis!—кровь за кровь,
У насъ въ рукахъ—весь міръ! Но гдѣ любовь?

LIII.

Желѣзныя дороги, телефоны,
И Эйфелева башня до небесъ,—
Великій вѣкъ открытій и чудесъ!..
А между тѣмъ намъ какъ-то скучно... Стоны,
Развратъ и голодъ... Жаръ любви исчезъ...
Вселенную мы знаньемъ побѣдили,
А въ сердцѣ... въ сердцѣ мрачно, какъ въ могилѣ.

LIV.

И всталъ Сергѣй и къ шкапу подошелъ.
Изъ книгъ онъ выбралъ Исповѣдь Толстого.
Едва страницы первыя прочелъ,
Онъ увидалъ софизмы, произволъ...
Но сколько въ васъ для чувства молодого
Знакомой боли и родной тоски,
Гектографа завѣтные листки!

LV.

Сережа думалъ: «Да, блаженны тѣ,
Кто жизнь проводятъ въ тишинѣ, въ заботѣ
Объ урожаѣ, въ сельской простотѣ,
Въ сліяніи съ народомъ и въ работѣ.
Но если вѣрить жизни, не мечтѣ,
Но если дѣлъ искать, не грезъ,—увидишь сразу
Въ непротивленьи злу пустую фразу.

LVI.

. . . . . .

LVII.

«Толстой! Надолго ли въ тебѣ угасъ
Сомнѣнья духъ мятежный и суровый?
Увы, ты міра дряхлаго не спасъ...
Какъ знать, теперь, быть-можетъ, вѣры новой
Ты жаждешь самъ, невидимо для насъ.
А вѣры нѣтъ и быть ея не можетъ,
И скорбь по ней намъ сердце вѣчно гложетъ.

LVIII.

«Нашъ вѣкъ, какъ ни одинъ изъ всѣхъ вѣковъ,
Невѣдомаго ищетъ и томится,
Отъ мукъ изнемогаетъ, пасть готовъ,
И вдругъ опять изъ порванныхъ оковъ
Встаетъ непобѣдимый и стремится...
Куда?.. Навѣки скрыто Божество.
Погибнемъ мы, но не найдемъ его!»

LIX.

Сидѣлъ онъ долго, долго на постели.
Свѣча померкла, алый свѣтъ игралъ
Въ замерзшихъ окнахъ; фабрики гудѣли;
Спѣшилъ рабочій; дымъ изъ трубъ вставалъ;
Съ баловъ кареты мчались... Замиралъ
Далекій колоколъ, и сквозь дремоту
Столица принималась за работу.

LX.

Забѣлинъ... (но героя моего
Я позабылъ представить вамъ, читатель:
Забѣлинымъ я буду звать его).

Поближе изъ студентовъ никого
Не зналъ онъ, кромѣ Климова. Пріятель,
Блондинъ въ очкахъ, высокій и худой,
Понравился Сережѣ добротой.

LXI.

Какъ истинный народникъ, откровеньемъ
Онъ Власть земли Успенскаго считалъ,
Не мучился, какъ нашъ герой, сомнѣньемъ
И жизнь не въ поэтическій кристаллъ,
Но какъ работникъ, трезво созерцалъ,
Былъ полонъ нѣжности, любви и чувства,
А между тѣмъ не понималъ искусства.

LXII.

Зато во всемъ Забѣлинъ до сихъ поръ—
Лишь дилетантъ, а Климовъ просто, смѣло
И бодро примется за жизнь и дѣло.
Хотя едва не каждый разговоръ
Переходилъ у нихъ въ жестокій споръ,
Они вполнѣ сошлись, какъ два контраста,
Что́ въ дружбѣ и любви бываетъ часто.

LXIII.

Каминъ пылаетъ, лампа на столѣ.
Сережа любовался въ полумглѣ,
Какъ угольки просвѣчивали нѣжно
Сквозь тонкій пепелъ, и внималъ небрежно,
Съ насмѣшливою думой на челѣ,
А Климовъ мѣрилъ комнату шагами,
Курилъ, кричалъ, размахивалъ руками:

LXIV.

— «Ты—баба, эгоистъ!.. Твоя тоска
И пессимизмъ, и жажда идеала—
Вздоръ, сущій вздоръ предъ скорбью мужика

О томъ, что нынче подать велика,
А хлѣбъ не уродился, лошадь пала!..
Ты—баринъ... Ты чужимъ трудомъ живешь,
Вся жизнь твоя—безсмыслица и ложь!..

LXV.

«Намъ, видите ли, скучно, мы не въ духѣ...»
Но, Боже мой, въ деревнѣ хлѣба нѣтъ!
Тамъ люди мрутъ отъ голода, какъ мухи,
Тамъ нуженъ свѣтъ, пойми,—любовь и свѣтъ!..
А мы... Какая подлость!..» Но въ отвѣтъ
Сергѣй: «За мной весь Западъ, вся наука.
Тамъ тоже—скорбь, отчаянье и мука!..

LXVI.

За мной—Шекспиръ и Байронъ...»—«Старый хламъ!
Есть многое важнѣй литературы:
Возьми народъ,—какая свѣжесть тамъ,
Какая сила! Будущность культуры
Принадлежитъ рабочимъ, мужикамъ...
Эстетика—чортъ съ нею!.. Надоѣла...
Намъ надо пользы и добра, и дѣла!»

LXVII.

— «Ну, вотъ, начнется Писаревъ, готовъ
Ты сапоги признать важнѣй Шекспира!..
Послушай, Климовъ, кромѣ мужиковъ,
Есть воздухъ, солнце, ароматъ цвѣтовъ,
Вся красота и все величье міра!
Ну, неужель и у тебя въ крови
Нѣтъ жажды счастья, славы и любви?..

LXVIII.

«Ты, впрочемъ, взглядъ измѣнишь,—я увѣренъ..
А кстати вотъ что: въ будущемъ году
Мы кончимъ курсъ, что дѣлать ты намѣренъ?»—
— «Въ чиновники, конечно, не пойду!

Мнѣ кажется, способенъ я къ труду.
Учить ребятъ я буду въ сельской школѣ,
И, право, мнѣ не надо лучшей доли!»

LXIX.

— «Какъ счастливъ ты!» проговорилъ Сергѣй
Съ улыбкою печальной.—«Вѣрить страстно—
Вотъ Божій даръ такихъ, какъ ты, людей.
Какой ты цѣльный!.. Все въ тебѣ такъ ясно...
Завидую я простотѣ твоей...
А мы... несчастные!..»—и головою
Поникъ на грудь онъ съ искренней тоскою.—

LXX.

«Но, Климовъ, тѣхъ, кому недостаетъ
Простой любви, вы не судите строго...
О, жизнь ключомъ въ тебѣ такъ мощно бьетъ!
Ну, дай мнѣ этой силы, ради Бога!
Заставь меня повѣрить хоть въ народъ...
Безъ вѣры жить нельзя!..»—Онъ со слезами
Взглянулъ и вдругъ закрылъ лицо руками.

LXXI.

Въ немъ было столько боли и тоски,
Что, полонъ весь участія нѣмого,
Глядѣлъ въ смущеньи Климовъ сквозь очки,
Не выпускалъ изъ рукъ его руки
И жалъ ее до боли и сурово
Твердилъ: «дуракъ я!..»—и еще тѣснѣй
Съ тѣхъ поръ сошелся съ Климовымъ Сергѣй.

LXXII.

Но конченъ курсъ. Теперь бы жить, трудиться,
А онъ, Обломовъ въ двадцать лѣтъ, скучалъ,
Не зналъ, что дѣлать, жилъ на капиталъ,

Въ отчаяньи, чтобъ какъ-нибудь забыться,
Онъ сотни двѣ томовъ перечиталъ,
Собой, людьми и жизнью недоволенъ...
А въ сущности Сергѣй былъ просто боленъ.

LXXIII.

Гнилая петербургская весна,
Темнѣетъ снѣгъ и таетъ понемножку.
Потопъ! Столица вся запружена.
И барышня, показывая ножку,
Надъ лужею порой краснѣть должна.
Но дворники работаютъ повсюду:
И колятъ, рубятъ снѣгъ и валятъ въ груду.

LXXIV.

Лишь изрѣдка, чтобъ обмануть, блеснетъ
Въ туманахъ лучъ болѣзненнаго солнца,—
И вывѣска надъ лавкою сверкнетъ,
Стекло, фонарь иль въ глыбахъ синій ледъ
На санкахъ съ мокрой клячею чухонца...
И дождь да снѣгъ—опять на цѣлый день,
И всѣ больны, изъ дома выйти лѣнь.

LXXV.

Чиновники о дачѣ грезятъ снова,
И жаворонковъ въ булочныхъ пекутъ;
Мечтаютъ дѣти, скоро ль побѣгутъ
Играть въ серсо вкругъ дѣдушки Крылова;
Кругомъ отъ тифа да чахотки мрутъ,
А Фофановъ въ невозмутимыхъ грезахъ
Поетъ себѣ о соловьяхъ да розахъ.

LXXVI.

Забѣлинъ простудился, кашлять сталъ,
Ему лѣкарство докторъ прописалъ.
Не помогло,—онъ осмотрѣлъ серьезно,

Послушалъ грудь и, наконецъ, сказалъ:
— «Совѣтую на югъ, пока не поздно.
Вамъ вреденъ Петербургъ». Сергѣй тотчасъ
Собрался и поѣхалъ на Кавказъ.

LXXVII.

Порою какъ-то душно мнѣ въ вагонѣ...
Я отрицать не думаю прогрессъ,—
Но то ли дѣло бѣшеные кони,
И пѣсня ямщика, и даль небесъ,
И вольный воздухъ, и сосновый лѣсъ
Съ росистымъ мхомъ, съ весеннею фіалкой!..
Увы! мнѣ нашей старой тройки жалко.

LXXVIII.

Локомотивъ—хорошъ... Но сундучки
Капризныхъ дамъ, кондуктора, билеты,—
Какая пытка!.. Копоть да свистки,
На станціяхъ—холодныя котлеты,
Рыдаютъ дѣти и визжатъ болонки,
И на голову валятся картонки...

LXXIX.

Зато герой нашъ сердцемъ отдохнулъ,
Когда изъ душнаго вагона вышелъ,
Еще на даль морскую не взглянулъ
И лишь, смутясь, издалека услышалъ,
Какой-то грозный, непонятный гулъ,
И вдругъ подумалъ: «море!»—и, сверкая,
Предъ нимъ открылась бездна голубая...

LXXX.

Вотъ—пароходъ. Забѣлинъ—на кормѣ,
Гдѣ пахнутъ дегтемъ влажные канаты.
Тѣснились думы чудныя въ умѣ,

Слѣдилъ онъ, смутной радостью объятый,
Какъ выступали звѣзды въ синей тьмѣ
И какъ съ чертой великой горизонта
Сливалась даль темнѣющаго Понта.

LXXXI.

Онъ видитъ разъ: надъ моремъ въ небесахъ
Повисло ожерелье изъ алмаза.
Оно мерцало въ утреннихъ лучахъ,
И сердце сжалъ какой-то чудный страхъ:
То были вѣчные снѣга Кавказа.
Они внимали шуму волнъ морскихъ,—
И холодомъ повѣяло отъ нихъ...

LXXXII.

Привѣтъ мой вамъ, кавказскія вершины!
Какъ облака,—чутъ тронуты зарей,—
Вы блещете воздушной бѣлизной...
У вашихъ ногъ зеленыя пучины
Поютъ вамъ гимнъ... И думалъ нашъ герой:
«Тамъ, въ Петербургѣ,—снѣгъ, туманъ, ненастье,
А здѣсь... О, Боже мой, какое счастье!

LXXXIII.

И какъ я смѣлъ роптать!..» Душой смирясь,
Передъ лицомъ природы необъятной,
Онъ чувствовалъ свою живую связь
Съ какой-то силой вѣчной, непонятной,
И въ глубь небесъ глядѣлъ, безъ словъ молясь,
Какъ будто чѣмъ-то пристыженъ, безгласенъ;
Онъ думалъ: «Господи, какъ міръ прекрасенъ!..»

LXXXIV.

Но здѣсь на время я оставлю нить
Моей унылой, будничной поэмы.
Насъ вѣрно будутъ критики бранить

За смѣлость риѳмъ, за тонъ, за выборъ темы,
Пожалуй, и Буренинъ уязвить
Захочетъ эпиграммой; но, конечно,
На рецензентовъ я смотрю безпечно.

LXXXV.

Редакторы журналовъ—вотъ бѣда:
Какой почтенный видъ,—и ни слѣда,
Ни проблеска свободной мысли, чувства!
Число подписчиковъ—важнѣй искусства.
Да сохранитъ насъ Фебъ отъ ихъ суда:
Твой карандашъ, о цензоръ, мнѣ милѣе,
Чѣмъ важнаго редактора затѣи!

LXXXVI.

. . . . . .

LXXXVII.

О, только бы читательницамъ милымъ
(Для насъ важнѣй всего ихъ приговоръ)
Не показался мой разсказъ унылымъ.
Любезныхъ дамъ неблагосклонный взоръ
Произведенье губитъ. До сихъ поръ
Въ романѣ нѣтъ того, чѣмъ милы книги,—
Какой-нибудь таинственной интриги,

LXXXVIII.

Въ чемъ каюсь отъ души... Зато въ главу
Вторую помѣстить рѣшилъ я сцены
Любви, свиданій, ревности, измѣны,—
И вдругъ всю эту пеструю канву
Нежданною развязкой оборву
На самомъ интересномъ мѣстѣ: сладки
Для нашихъ дамъ любовныя загадки.

LXXXIX.

А, впрочемъ, можетъ-быть и то: умнѣй
Я сдѣлаюсь съ годами. Скуки ради
Марать стихи въ заброшенной тетради—
Занятіе, достойное дѣтей...
Забуду я о повѣсти моей
Для дѣлъ серьезныхъ,—и потонетъ въ Летѣ
Забѣлинъ мой, какъ, впрочемъ, все на свѣтѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Какъ подымаетъ съ отмели волна
Дремавшій челнъ, такъ легкій ямбъ уноситъ
Мои мечты, и, вновь пробуждена,
Гармоніи душа моя полна,
И сердце риѳмъ и нѣжной грусти проситъ.
Ну, что же, съ Богомъ! Вольную ладью
Предавъ волнамъ, я счастливъ и пою.

II.

Пою опять... О, слезы вдохновенья,
Кто вами плакалъ, кто хоть разъ вкусилъ
Отъ муки творческой, тому нѣтъ силъ
Молчать, и нѣтъ возврата и спасенья;
Онъ сердце музѣ строгой посвятилъ.
Что слава, радости, любовь земная?
Онъ былъ подобенъ Богу, созидая!

III.

Но я вернусъ къ Забѣлину. Исчезъ
Батумскій берегъ; запахъ нефти, лѣсъ,
Подъ солнцемъ въ лужахъ буйволы, дремотой

Объятые, туманный сводъ небесъ,
Стоячая вода, тростникъ, болото,
Имеретины въ сѣрыхъ башлыкахъ
И зелень кукурузы на поляхъ.

IV.

Сурамъ. Долины, сосны, водопады;
Въ лицо пахнула свѣжая струя,
Межъ горъ цвѣтущихъ—снѣжныя громады,
И сладостенъ, какъ трели соловья,
Въ тѣни жасминовъ звонкій шумъ ручья.
А тамъ, на скалахъ, въ думы вѣковыя
Погружены развалины сѣдыя.

V.

Сергѣй на тройкѣ мчится; вотъ Боржомъ;
Какъ съ братомъ братъ, обнялся съ Югомъ нѣжнымъ
Здѣсь нашъ родимый Сѣверъ, и въ одномъ
Они слились лобзаньи безмятежномъ.
Улыбка Юга—въ небѣ голубомъ,
А милый Сѣверъ—въ воздухѣ смолистомъ,
Въ бору сосновомъ, темномъ и душистомъ.

VI.

Кура гудитъ, бушуетъ, и волнамъ
Протяжно вторитъ эхо по лѣсамъ,
И жадно грудь впиваетъ воздухъ горный,
И стелется роскошно по холмамъ
Сосна да ель, какъ будто бархатъ черный,
Какъ будто мѣхъ пушистый, и на немъ
Лишь стройный тополь блещетъ серебромъ.

VII.

О, если вы изъ городовъ бѣжали,
Чтобъ отдохнуть отъ жизни и людей,—
Туда, подъ тѣнь дубравъ, туда скорѣй!..

Тамъ шумъ лѣсной баюкаетъ печали,
Тамъ можно спать подъ пологомъ вѣтвей,
На свѣжемъ мху, на шелковой постели,
Какъ только спятъ въ родимой колыбели,

VIII.

Сергѣй въ Боржомѣ комнатку нашелъ,
И зажилъ онъ, спокойный и счастливый,
Совсѣмъ одинъ; приноситъ чай и полъ
Ему мететъ старикъ-грузинъ плѣшивый;
Онъ любитъ съ нимъ бесѣдовать; на столъ,
Межъ тѣмъ какъ онъ, открывъ окно, читаетъ,
Акація порой цвѣты роняетъ.

IX.

Онъ утромъ пилъ двѣ чашки молока
И съ грубой палкой мѣстнаго издѣлья,
Здоровый, бодрый, уходилъ въ ущелье.
Листокъ, былинка, горная рѣка,
Молчанье скалъ и шорохъ вѣтерка
О смыслѣ жизни говорили проще,
Чѣмъ всѣ его философы; и въ рощѣ

X.

Бродя весь день, онъ не былъ одинокъ:
Какъ будто другъ забытый и старинный,
Что ближе всѣхъ друзей, въ глуши пустынной
Съ нимъ велъ бесѣду, полевой цвѣтокъ
Онъ цѣловалъ; хотѣлъ—и все не могъ,
Когда глядѣлъ на небо голубое,
Припомнить что-то милое, родное.

XI.

Какъ радъ Забѣлинъ, что охоты нѣтъ
Читать весь хламъ журналовъ и газетъ!
Онъ заходилъ въ курзалъ патріархальный,

Чтобъ освѣжиться ванной минеральной,
А въ три часа садился за обѣдъ,
И весело струею кахетинской
Онъ запивалъ шашлыкъ да сыръ грузинскій.

XII.

По праздникамъ устраивался балъ
Въ курзалѣ. Гулъ Боржомки заглушая,
Оркестръ военной музыки игралъ;
За парой пара, вихремъ пролетая,
Кружится въ легкомъ вальсѣ; блещетъ залъ;
И послѣ свѣта кажется темнѣе
Глубокій мракъ каштановой аллеи.

XIII.

А на верандѣ воздухъ такъ душистъ;
Тамъ на скамейкѣ барышнѣ читаетъ
Свои стихи влюбленный гимназистъ
И мѣстный Донъ-Жуанъ—телеграфистъ-
Съ княжной восточной подъ руку гуляетъ;
И важно оправляетъ свой мундиръ
Для польки батальонный командиръ.

XIV.

Однажды на такомъ балу, случайно,
Сергѣй увидѣлъ дѣвушку. Она
Была блондинка, высока, стройна...
Предчувствіемъ, почти боязнью тайной
Въ немъ сердце сжалось; граціи полна,
Прошла она легко, не бросивъ взгляда;
На освѣщенныхъ листьяхъ винограда

XV.

Въ саду склоненный профиль чуть бѣлѣлъ,
Герой нашъ отвернулся и хотѣлъ
Уйти,—была попытка безполезна;

Старался не глядѣть—и все глядѣлъ;
И какъ порой страшитъ и манитъ бездна,
Не взоръ, не прелесть юнаго чела,—
Къ ней сила непонятная влекла.

XVI.

Въ чемъ женщины таится обаянье,
Того вовѣкъ не выразятъ слова,
Какъ музыки, какъ розы благоуханья.
Здѣсь гордый умъ теряетъ всѣ права:
И жалокъ тотъ, и въ томъ душа мертва,
Кто не созналъ предъ женщиной любимой,
Какъ многое въ любви непостижимо.

XVII.

О, вотъ одинъ изъ вѣчныхъ алтарей,
Чей ѳиміамъ для насъ, какъ прежде, сладокъ!
Что груды книгъ,—вся мудрость нашихъ дней,—
Любовь, любовь, предъ тайною твоей,
Предъ этой величайшей изъ загадокъ!
Пусть рушатся міры,—онъ не исчезъ,
Послѣдній богъ, послѣдній лучъ небесъ!

XVIII.

Поэзія любви первоначальной,
Улыбка первая и первый взглядъ,
Вы отлетаете, какъ вздохъ печальный
Далекихъ струнъ, какъ легкій ароматъ,
И ужъ ничѣмъ васъ не вернуть назадъ:
Такъ вечеромъ бываетъ часъ безмолвный,
Когда земля и небо, тайны полны,

XIX.

Чего-то ждутъ, и вдругъ звѣзда въ дали,
Тамъ гдѣ-то, въ синей безднѣ, такъ глубоко,
Что взоры къ ней едва достичь могли,

Затеплится... И, чуждая земли,
Она дрожитъ слезинкой одинокой;
Тебя всѣ звѣзды ночи никогда
Намъ не замѣнятъ, первая звѣзда!

XX.

Но нашъ герой наивно вѣритъ власти
Разсудка; онъ ни разу не любилъ;
Съ душою дѣвственной и полной силъ,
Считалъ себя онъ неспособнымъ къ страсти.
Не зная женщинъ, онъ о нихъ судилъ
Съ холодностью и съ видомъ утомленнымъ;
Ему смѣшно: какъ можно быть влюбленнымъ?

XXI.

Конечно, отъ чего не пошутить,
Не поиграть любовью для забавы;
Какъ знать, начнетъ интригу, можетъ-быть,
Онъ только для того, чтобъ изучить
Провинціальныхъ барышень и нравы.
Но я скажу, не тратя лишнихъ словъ,
Онъ по уши влюбиться былъ готовъ,

XXII.

И вовсе не на шутку... Славу Богу,
Давно пора лѣнивый мой разсказъ
Мнѣ вывести на торную дорогу.
Я съ героиней познакомлю васъ.
Забѣлинъ ей представленъ; какъ не разъ
О томъ мечталъ, онъ принялъ видъ небрежный;
Но взглядъ, улыбка, платья шорохъ нѣжный —

XXIII.

И вздрогнулъ онъ, смущеніемъ объятъ,
И оба кинули мгновенный взглядъ,
Глубокій, любопытный и безстрастный,

Какъ два бойца предъ битвою опасной;
И ждутъ они, и пристально слѣдятъ...
Такъ полководцы на поляхъ сраженья
Обдумываютъ планы нападенья.

XXIV.

Поклонниковъ толпой окружена,
Она казалась рѣзвою кокеткой;
Но видѣлъ онъ сквозь смѣхъ ея нерѣдко,
Что грустью тайною она полна.
Такъ въ горномъ озерѣ блеститъ волна
И отражаетъ солнца лучъ безпечный,
А тамъ, на днѣ,—тамъ мракъ и холодъ вѣчный.

XXV.

Какъ часто въ поединокъ на словахъ
Они вступали, полные отваги,
И скрещивались въ воздухѣ, какъ шпаги,
Вопросъ съ отвѣтомъ; и порой въ очахъ
Сверкали гнѣвъ, побѣда или страхъ.
Возбуждены пріятно были нервы,
И каждый думалъ: кто-то сдастся первый?

XXVI.

Ее вездѣ преслѣдуетъ Сергѣй
Сарказмами, ироніей своей,
Язвитъ и сердитъ съ вдохновеньемъ злобнымъ.
Такъ и въ любви томитъ сердца людей
Желанье власти надъ себѣ подобнымъ.
Межъ тѣмъ какъ быть счастливымъ онъ бы могъ,
Изъ гордости остался одинокъ.

XXVII.

Забѣлинъ увлеченъ игрой безплодной.
Онъ очень мало съ чувствами знакомъ,
А, между тѣмъ, изслѣдуетъ умомъ

Свою любовь съ жестокостью холодной,
Какъ скальпелемъ пытливый анатомъ.
Но, къ счастью, всѣ сомнѣнья и анализъ,
Не разлагая чувства, притуплялись.

XXVIII.

Сергѣй былъ некрасивъ, и худъ, и малъ.
Замѣчу въ скобкахъ: есть обыкновенье,
Чтобы герой поэмы представлялъ
Иль красоты, иль силы идеалъ;
Прошу у всѣхъ читательницъ прощенья
За бѣднаго героя моего,
Но истина дороже мнѣ всего.

XXIX.

Въ его лицѣ былъ отпечатокъ сѣрый
Родныхъ небесъ,—на немъ румянца нѣтъ;
Но Вѣру — героиню звали Вѣрой —
Плѣнялъ порою мысли чудный свѣтъ
Въ его очахъ, среди живыхъ бесѣдъ.
Дышала въ немъ та внутренняя сила,
Что больше красоты она цѣнила.

XXX.

Ей нравился его свободный умъ,
Непримиримый, дерзкій и печальный.
У нихъ такъ много было общихъ думъ;
Поклонники, интриги, сплетенъ шумъ—
Ей чуждо все въ глуши провинціальной.
Такъ лилія порой груститъ одна
Среди болотъ, чиста и холодна.

XXXI.

На тихія боржомскія долины
Нисходитъ южной ночи благодать.
Собрался маленькій пикникъ въ тѣснины

Окрестныхъ горъ прохладой подышать.
Сергѣй увидѣлъ Вѣрочкину мать:
Она была вся въ траурѣ, вдовою,
Съ лицомъ пріятнымъ, доброй и простою.

XXXII.

Дремучій лѣсъ таинственно молчитъ,
Идутъ съ волами пыльные обозы,
Ночной росы у неба просятъ лозы,
Какъ сердце слезъ любви, и не блеститъ
Луна большая, круглая, какъ щитъ.
Забѣлинъ съ Вѣрочкой ушли далеко
Къ волнамъ Куры и сѣли одиноко.

XXXIII.

Луна встаетъ—и ликъ ея блѣднѣй,
Блѣднѣй и ярче; міръ простертъ предъ ней
Безъ силъ, безъ воли, страстью побѣжденный.
Какъ предъ своей царицей—рабъ влюбленный.
Подъ властью обаятельныхъ лучей
Все замерло, затихло, покорилось
И томнымъ, мягкимъ свѣтомъ озарилось.

XXXIV.

О, если міръ покоренъ ей, то намъ,
Сердцамъ людей, невѣдомымъ цвѣтамъ,
Какъ не дрожать отъ этой чудной власти,
Какъ не отдаться сладостнымъ лучамъ,
Какъ не открыться и не жаждать страсти?
Когда цвѣты, когда сердца полны,—
Свой ароматъ пролить они должны.

XXXV.

Въ тотъ мигъ Сергѣй забылъ про осторожность,
Онъ лгать не могъ, опасности былъ радъ,
Любилъ глубоко, чувствуя ничтожность

Коварныхъ плановъ, хитростей, засадъ;
И, сердце обнаживъ, какъ другъ и братъ,
Доспѣхи сбросивъ, кинувъ мечъ ненужный, —
Передъ врагомъ стоялъ онъ безоружный.

XXXVI.

Взявъ руку Вѣры трепетной рукой,
Онъ говорилъ ей: «Оба мы тоскуемъ,
О, если бы вы знали, какъ порой
Я ласки жажду, тихой и простой!
Зачѣмъ же лицемѣримъ мы, враждуемъ?
Простите, я признаній не терплю,
Скажу вамъ попросту: я васъ люблю...»

XXXVII.

И, увлеченъ потокомъ краснорѣчья,
Онъ ничего не видитъ, какъ поэтъ,
Не слушаетъ, не ждетъ противорѣчья,
Не замѣчаетъ, что ему въ отвѣтъ
Она не говоритъ ни «да», ни «нѣтъ».
Онъ былъ такъ полнъ самимъ собою въ счастьи,
Что не подумалъ объ ея участьи.

XXXVIII.

А ей на жертву весело глядѣть,
Какъ рыбаку на золотую рыбку,
Что блещетъ, вьется, попадая въ сѣть.
О, если бъ только могъ онъ разсмотрѣть
Румяныхъ губъ мгновенную улыбку,
Лукавую, какъ мягкій свѣтъ луны
На влажномъ лонѣ трепетной волны!

XXXIX.

«Еще одно признаніе, о Боже!..»
Такъ думала, не поднимая глазъ,
Кокетка наша.—«Все одно и то же...

Какъ я привыкла къ звуку нѣжныхъ фразъ,—
Мнѣ говорили ихъ ужъ столько разъ,—
Тѣ—изъ любви, другіе—по расчету...
Онъ, кажется, пятнадцатый по счету».

XL.

Сергѣй любилъ—надолго ль—все равно;
Онъ говорилъ такъ сильно и умно,
Такою музыкой и вдохновеньемъ
Все было въ рѣчи пламенной полно,
Что даже Вѣру сладостнымъ волненьемъ
Онъ заразилъ; она гордилась имъ,
А кѣмъ гордятся, тотъ почти любимъ.

XLI.

Но на другое утро онъ въ постели
Припомнилъ все... И вдругъ вскочилъ Сергѣй:
«Да я въ любви признался... въ самомъ дѣлѣ...
Вотъ глупость-то!» Въ дали грядущихъ дней
Онъ прозрѣвалъ твой факелъ, Гименей,
Ужъ передъ нимъ мелькалъ халатъ супруга...
И разлюбилъ онъ Вѣру отъ испуга.

XLII.

Такъ вечеромъ (предупреждаю васъ,
Для глупостей весьма удобный часъ)
Отваженъ умъ, душа кипитъ страстями,
Но глянетъ утро блѣдное на насъ
Холодными и строгими очами,—
Мы потухаемъ, мы полны стыдомъ
Передъ его насмѣшливымъ судомъ.

XLIII.

Въ тотъ вечеръ на балу она была.
Забѣлинъ Вѣру не узналъ сначала:
Какъ эта ясность милаго чела

Нежданной, дерзкой прелестью дышала!
Она ему чужда и весела,
И съ видомъ легкомысленно-безпечнымъ
Кокетничать готова съ первымъ встрѣчнымъ.

XLIV.

Она задѣла кружевомъ его...
Сергѣй былъ въ бѣшенствѣ: «Нѣтъ, каково!
Прошла—и хоть бы взоромъ подарила!
Какъ будто бы межъ нами ничего
И не было!» Въ немъ гордость говорила
Сильнѣй любви. Угрюмый на балу,
Нахмуривъ брови, онъ сидѣлъ въ углу.

XLV.

«Постой же,—думалъ,—глупенькой дѣвчонкѣ
Я отомщу!» Неправъ былъ нашъ герой:
Въ ней рѣзвая веселость, какъ въ ребенкѣ,
Была избыткомъ жизни молодой;
Но онъ не могъ бы, мелочный и злой,—
Такъ умъ его тщеславье ослѣпило,—
Понять, какъ это дѣтское въ ней мило.

XLVI.

Чтобъ слабой волѣ разумомъ помочь,
Онъ разсуждаетъ: «Прочь отсюда, прочь!
Какая пошлость!» Но зачѣмъ безъ муки
Не въ силахъ онъ припомнить, какъ въ ту ночь
Любилъ ее? Зачѣмъ же о разлукѣ
Такъ больно думать? Или съ гнѣвомъ вновь
Воскресла въ немъ угасшая любовь?

XLVII.

Они сидѣли въ паркѣ утромъ рано.
Онъ наставленья, важный видъ храня,
Читалъ ей: «вы не любите меня;

Но я не понимаю цѣль обмана...
Къ чему? Ужель кокетство? Здѣсь ни дня
Я не пробуду; жалкую побѣду
Оставивъ вамъ, я завтра же уѣду».

XLVIII.

Она въ отвѣтъ: «Недобрый вы!» Въ тоскѣ
Поникла головой и замолчала,
Лишь зонтикомъ чертила на пескѣ.
Слезинка на концѣ рѣсницъ блистала,
Какъ дождевая капля на цвѣткѣ.
«И уѣзжайте, пусть я, пусть такая,
Кокетка, нехорошая и злая,

XLIX.

Одна останусь... что жъ, и все равно,
И пусть одна,—мнѣ никого не надо,
Я—лгунья, гадкая—и очень рада!»
И слезы, накипѣвшія давно,
Дрожали въ голосѣ; потрясено
Все существо обидой нестерпимой...
А онъ... онъ всталъ глухой, неумолимый.

L.

«Прощайте». И мертва, и холодна,
Непобѣдимой гордости полна,
Съ презрительной улыбкой—какъ ни больно—
Хотѣла руку протянуть она...
«И вамъ меня не жалко?»—вдругъ невольно
У Вѣры вырвалось... и онъ упалъ
Предъ ней и молча, горько зарыдалъ.

LI.

Когда уйти хотѣлъ онъ, полюбила
Она его, быть-можетъ, въ первый разъ.
Такъ недоступное для женщинъ мило,

Такъ сердцу дорого въ послѣдній часъ
Разлуки то, что покидаетъ насъ.
Счастливымъ быть одно страданье учитъ;
Мы любимъ тѣхъ, кто насъ сильнѣе мучитъ.

LII.

Онъ говорилъ, послушенъ, робокъ, тихъ:
«Я помню, какъ сердился; вдругъ увидѣлъ
Я ваши ручки,—гнѣвъ въ душѣ затихъ,
И я почувствовалъ, что васъ обидѣлъ,
Что я жестокъ, когда взглянулъ на нихъ.
Какъ не любить мнѣ этихъ ручекъ бѣдныхъ,
Почти что дѣтскихъ, тоненькихъ и блѣдныхъ!..

LIII.

Но Вѣра не глядѣла на него,
Стыдливая отъ счастья своего,
Съ улыбкой утомленной и спокойной.
Онъ ей твердилъ... «Прости мнѣ!»—«Ничего.
Ужъ я простила...» Тополь нѣжный, стройный
Листвой въ лазури утренней звенѣлъ,
Какъ будто пѣснь любви надъ ними пѣлъ.

LIV.

«Вчера,—промолвилъ онъ,—какъ это странно,
Вчера мнѣ горько было не любить,
А между тѣмъ не могъ я побѣдить
Въ душѣ какой-то радости нежданной,
Что нѣтъ любви, что стало легче жить,
Что вновь свободенъ я, какъ птица въ полѣ...
Я радъ былъ одиночеству и волѣ.

LV.

«Себя мы слишкомъ любимъ; не хотимъ
Иной любви, боимся, какъ недуга...
Но если мы тщеславья не смиримъ,

Но если только оттолкнемъ другъ друга,
Потомъ всю жизнь себѣ мы не простимъ.
Кто много любитъ, тотъ страдаетъ много;
Вѣрь, это крестъ, намъ посланный отъ Бога».

LVI.

Она молчала. Сердце сжалось въ ней
Предчувствіемъ невѣдомыхъ скорбей.
Во взорахъ—отблескъ грусти непонятной;
Межъ тѣмъ, подъ лаской утреннихъ лучей
Все такъ дышало жизнью благодатной,
Въ лазури тополь листьями звенѣлъ,
Какъ будто пѣснь любви надъ ними пѣлъ.

LVII.

Ночь; спитъ Боржомъ: шумитъ одинъ потокъ...
Ужъ утро близко. Открываетъ взоры
Росой умытая звѣзда Авроры;
На выси горъ потухшій мѣсяцъ легъ.
Лишь въ комнаткѣ у Вѣры огонекъ.
Открывъ окно она прохладой дышитъ
И въ дневникѣ завѣтномъ что-то пишетъ.

LVIII.

«Сергѣй влюбленъ; успѣху своему
Дивлюсь я, право; неужель такая,
Какъ я, могла понравиться ему,
Капризная, лѣнивая, пустая?..
Я даже некрасива; почему
Я нравлюсь людямъ? Рада этой чести
Я отъ души, но будь на ихъ я мѣстѣ...

LIX.

«Ужель къ любви я окажусь способной?
Едва ли,—слишкомъ я люблю себя,—
О, какъ люблю! Все лучшее губя

Въ душѣ, люблю себя насильно, злобно,
И какъ стыжусь, какъ мучаюсь, любя...
Но чѣмъ ему я нравлюсь? Вотъ загадка.
А все-таки любимой быть такъ сладко...

LX.

«Чтобъ сразу былъ развѣнчанъ мой герой
(Я часто наблюдала), мнѣ порой
Довольно слова, черточки ничтожной,
Во вкусахъ, въ мнѣньяхъ мелочи пустой,
Иль даже въ разговорѣ нотки ложной;
Стыдишься вдругъ того, кѣмъ былъ такъ гордъ;
Фальшивый тонъ—разрушенъ весь аккордъ.

LXI.

«Когда онъ мнѣ понравился,—я знала,
Что это очень важно, не умомъ,
А сердцемъ,—долго съ жадностью искала
Я этой черточки фальшивой въ немъ:
Въ манерахъ, въ мысляхъ, въ голосѣ—во всемъ,
Искала такъ внимательно, злорадно—
И не нашла... и было мнѣ досадно..,

LXII.

«Люблю ли я его? И нѣтъ, и да...
Какъ человѣка—только иногда,
По вечерамъ, когда любовь сильнѣе
И какъ-то ярче... Утромъ же всегда
Мечты спокойнѣе, сердце холоднѣе;
Тогда не человѣка, не всего,—
Люблю въ немъ только сердце, умъ его.

LXIII.

«Онъ не простой; онъ чувствуетъ такъ сложно,
Что я порой совсѣмъ теряю нить;
Онъ ищетъ, ростся въ душѣ тревожно,

Онъ не умѣетъ попросту любить;
Разсудокъ можетъ чувство въ немъ убить.
И это страшно мнѣ, и я тоскую,
Его любовь къ его уму ревную».

LXIV.

Она закрыла тихо свой дневникъ.
Ужъ холодъ утра въ комнату проникъ,
Звѣзда Авроры дивными огнями
Переливалась ярче надъ горами;
Отвѣтила природа въ этотъ мигъ
На первый лучъ денницы безмятежной,
Какъ сонное дитя, улыбкой нѣжной.

LXV.

Почти два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ.
У нихъ любовь—все тотъ же вѣчный споръ
За первенство; поутру—охлажденье
И слезы горькія мгновенныхъ ссоръ,
А вечеромъ—восторги примиренья...
Счастливцы, не замѣтили они,
Какъ эти свѣтлые промчались дни.

LXVI.

Сбирался теплый дождь; въ лѣсу молчанье;
Вечерній отблескъ солнца въ тучахъ гасъ,
Поцѣловалъ онъ Вѣру въ первый разъ...
«И только-то?...»—шепнуло имъ сознанье...
Такъ много обѣщалъ имъ этотъ часъ,
Что каждый, грустью странною волнуемъ,
Разочарованъ первымъ поцѣлуемъ.

LXVII.

Вдругъ хлынулъ дождь изъ набѣжавшихъ тучъ,
Но не померкъ вечерній солнца лучъ,—
Онъ полонъ къ міру тихаго участья,

И брызнулъ ливень, свѣтелъ и пѣвучъ,
Какъ будто все заплакало отъ счастья.
Смѣшалось солнце съ влагой нѣжныхъ струй
Какъ съ теплыми слезами поцѣлуй.

LXVIII.

Потомъ, когда они припоминали
Тотъ поцѣлуй чрезъ много-много дней,
Исполненный таинственной печали,
Онъ былъ для нихъ чѣмъ дальше, тѣмъ милѣй,—
Имъ чудился и ароматъ полей,
И крыши дачъ Боржома дорогого,
И шумъ веселый ливня золотого.

LXIX.

Однажды полдень пламенемъ дышалъ;
Лѣсной пожаръ волнующимся дымомъ
Вдали холмы и села облекалъ;
Тамъ, надъ Курой, въ обломкахъ желтыхъ скалъ
Все онѣмѣло въ зноѣ нестерпимомъ;
Лишь ящерица быстрая порой,
Какъ изумрудъ, блеснетъ въ травѣ сухой.

LXX.

Зато свѣжо—подъ влажной тѣнью парка,
Гдѣ пѣнится зеленая волна
Боржомки горной, вѣчно холодна.
Сергѣй, когда бывало слишкомъ жарко,
Спускался къ ней; здѣсь мракъ и тишина,
И въ чудный сводъ, таинственно шумящій,
Сплелись чинары, дубъ и кленъ дрожащій.

LXXI

Къ потоку съ нѣжною мольбой они
Протягиваютъ вѣтви, словно руки,
И говорятъ: «Помедли, отдохни,—

У насъ такъ хорошо; къ чему же муки,
Къ чему борьба? Пора уснуть въ тѣни.
Куда ты рвешься, плача и тоскуя?...»
А онъ въ отвѣтъ гремитъ имъ, негодуя:

LXXII.

«Изъ нѣдръ Кавказа, страшенъ и суровъ,
Я вырвался; внимая реву бури,
Я созерцалъ рожденіе громовъ,
И мнѣ ль плѣниться запахомъ цвѣтовъ,
И мирнымъ сномъ, и прелесью лазури!
О, нѣтъ! Скорѣй на волю! Жизнь мою
Лишь съ океаномъ вѣчнымъ я солью!»

LXXIII.

Сергѣй глядѣлъ, счастливый и безмолвный,
На Божій міръ, и въ первый разъ онъ жилъ,
Не думая,—какъ лѣсъ живетъ и волны;
Онъ никогда такъ просто не любилъ,
Безъ гордости; непримиримыхъ силъ
Затихла въ немъ мучительная битва;
Теперь любовь спокойна, какъ молитва.

LXXIV.

Съ дороги не видать Сергѣя; свѣтъ
Чуть проникалъ сквозь чащу; конскій топотъ—
Два всадника... то Вѣра, съ ней кадетъ,
Красавецъ; но... не можетъ быть,—о, нѣтъ,—
Ему почудилось—влюбленный шопотъ...
Онъ руки жметъ, цѣлуетъ, и она...
Она смѣется, радости полна.

LXXV.

Она смѣется... Смѣхъ знакомый, милый!
Онъ столько разъ внималъ ему въ тиши...
Такъ это было все игра,—души

Въ ней нѣтъ!.. И вотъ на что онъ тратилъ силы!
Какъ счастливы они, какъ хороши!
Помчались вихремъ; онъ высокъ и строенъ,
Въ сознаніи побѣды такъ спокоенъ.

LXXVI.

«Да полно, любитъ ли она?—шепталъ
Какой-то голосъ: любитъ, да, онъ молодъ,
Красивъ, а я смѣшонъ, и худъ, и малъ...»
Онъ вздрогнулъ,—пробѣжалъ по сердцу холодъ...
«Все кончено!» На землю онъ упалъ
Съ потухшими и мертвыми очами,
Безъ слезъ, нѣмой, закрывъ лицо руками.

LXXVII.

Когда бъ онъ зналъ, что, подъ улыбкой скрывъ
Къ нему глубокой нѣжности порывъ,
Какъ никогда, его любила Вѣра;
Лишь имъ полна, лишь имъ однимъ, забывъ
Про все, не слыша глупой рѣчи кавалера,
Она смѣялась; счастливъ былъ тотъ смѣхъ;
Онъ говорилъ: «Сергѣй мой лучше всѣхъ!»

LXXVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какъ ночью, въ ожиданьи
Зари желанной, Вѣра не могла
Сомкнуть очей, какъ утромъ на свиданье
Она съ тревогой радостною шла,
И какъ его любила, какъ ждала
Шаговъ, знакомой сѣрой шляпы, встрѣчи,
Улыбки, ласкъ и тихой, милой рѣчи!

LXXIX.

Шелъ ночью дождь, разросся мутный валъ
Боржомки бѣшеной, и съ громомъ мчалъ
Онъ трупы сосенъ, вырванныхъ съ корнями,

И теплый вѣтеръ сыростью дышалъ;
Струился паръ надъ влажными лѣсами,
На солнцѣ каждый листъ блестѣлъ, дрожа;
Лазурь была туманна и свѣжа.

LXXX.

Вотъ подошелъ Сергѣй; спокойно, гордо
И вѣжливо ей руку протянулъ;
«На этотъ разъ мое рѣшенье твердо—
Я уѣзжаю вечеромъ». Взглянулъ—
И вдругъ лицо въ смущеньи отвернулъ,
Съ такой наивной, робкою мольбою
Она глядѣла: «Милый, что съ тобою?»

LXXXI.

— «Къ чему притворство, Вѣра?.. Я вчера
Узналъ, что вы не любите, забавой
Была любовь... Наскучила игра...
Ну, что жъ, намъ разойтись давно пора.
Разстанемся безъ объясненій; право,
Такъ будетъ лучше». Молча, поблѣднѣвъ,
Она встаетъ... И въ немъ проснулся гнѣвъ.

LXXXII.

И, опьяненный сладкимъ чувствомъ мести,
Онъ ничего не помнилъ, говорилъ
Наперекоръ достоинству и чести,
Остановиться не имѣя силъ,—
Разрушилъ все, что прежде такъ любилъ,
Несправедливо, грубо и безъ цѣли;
И очи злобнымъ торжествомъ горѣли.

LXXXIII.

Она спокойна; сомкнуты уста
Печально, строго. Ни одна черта
Не дрогнула въ лицѣ ея безстрастномъ:

То мертвая, нѣмая красота.
Когда жъ Сергѣй предъ этимъ взглядомъ яснымъ
И предъ величьемъ блѣднаго чела —
Умолкъ,—она въ отвѣтъ произнесла:

LXXXIV.

— «Намъ вмѣстѣ жить нельзя, я это вижу.
Во мнѣ вы ошибаетесь; но я
Любви до оправданій не унижу;
Скажу вамъ просто, сердца не тая,
Но и безъ клятвъ: чиста любовь моя.
Хотите вѣрить,—вѣрьте; не хотите,—
Удерживать не буду,—уходите.

LXXXV.

«Чего вамъ надо?—Власти надо мной?
Въ душѣ вы—деспотъ; но любви такой
Я не хочу,—неволя хуже смерти;
О, нѣтъ, изъ сердца вырву страсть, повѣрьте,
Но никогда не сдѣлаюсь рабой.
Простимся». И не прежней робкой дѣвой,
Она ушла надменной королевой.

LXXXVI.

Сергѣй на вечеръ тройку заказалъ.
«Тѣмъ лучше, я свободенъ...»—онъ шепталъ,
Укладывая вещи, и руками
Дрожащими изъ шкафа вынималъ
Бѣлье, и пледы связывалъ ремнями.
А въ комнатѣ такъ пусто и темно,
Сверчокъ поетъ и дождь стучитъ въ окно.

LXXXVII.

Слуга пришелъ съ вечернимъ самоваромъ;
Сергѣй далъ два рубля ему на чай;
И тотъ въ восторгѣ, съ трогательнымъ жаромъ,

Благодарилъ и кланялся: «Прощай,
Хорошій, добрый баринъ! Пріѣзжай
Опять Боржомъ». Свѣча во мглѣ мерцала
И одиночество напоминала.

LXXXVIII.

Вдругъ сдѣлалось себя ему такъ жаль;
И безнадежною была печаль,
Какъ дождь ночной, унылый, однозвучный;
Казалась жизни сумрачная даль
Пустынею холодной, мертвой, скучной.
Онъ снова брошенъ всѣми, одинокъ...
На старенькій дорожный сундучокъ

LXXXIX.

Онъ сѣлъ... Хотѣлось умереть Сергѣю...
Сверчокъ умолкъ, и самоваръ потухъ...
Чуть слышалось жужжанье сонныхъ мухъ,
И онъ подумалъ вдругъ: «а что-то съ нею?»
Отъ этой мысли захватило духъ,
И сердце сжалось: вновь оно любило,
Съ тоской отчаянья, съ безумной силой!

XC.

Вдругъ въ двери легкій стукъ... Онъ отворилъ...
«Какъ, Вѣра... вы?»—предъ ней онъ отступилъ.
Она подъ черной, длинною вуалью,
Вся блѣдная, дрожала; взоръ молилъ
О чемъ-то съ тихой, робкою печалью.
«Прости, Сережа, мнѣ,—я не могла...
Ужъ не сердись, мой милый, что пришла...»

XCI.

Убитый, жалкій, ноги обнимая,
Края одежды, мокрой отъ дождя,
Онъ цѣловалъ и повторялъ, рыдая:

«Ты ль это Вѣра?... Недостоинъ я
Тебя, родная, дѣточка моя...»—
И съ безпредѣльнымъ, жгучимъ состраданьемъ
Онъ грѣлъ ей руки влажныя дыханьемъ.

XCII.

Покорно, ослабѣвъ, все существо
Въ ней отдавалось нѣжности его
Съ довѣріемъ, какъ материнской ласкѣ.
Она въ тотъ мигъ, не помня ничего,
Въ изнеможеньи, закрывая глазки,
Склонивъ головку бѣдную свою,
Шептала: «Господи, какъ я люблю!

XCIII.

«Я слабая и жалкая, ты видишь,
Ужъ я тебѣ всѣмъ сердцемъ отдаюсь;
Ты можешь зло мнѣ сдѣлать,—не боюсь;
Вѣдь дѣточку свою ты не обидишь...
Люблю—и не скрываю, не борюсь...
А знаешь, шла я по лѣсной дорожкѣ,—
Тамъ сыро, страшно!..»—«Бѣдненькія ножки!..

XCIV.

Совсѣмъ холодныя!»—Ее жалѣлъ
Онъ какъ дитя больное, со слезами
Ласкаяя, ножки маленькія грѣлъ,
Какъ птенчиковъ озябнувшихъ, руками
И поцѣлуями... Но мракъ густѣлъ.
«Пора!»—онъ всталъ, и съ грустью молчаливой
Они простились... Онъ уснулъ счастливый.

XCV.

. . . . . .

XCVI.

Кончался августъ; съ лаской печальной
Глядѣло солнце; мягокъ и душистъ
Въ тѣни лѣсныхъ тропинокъ желтый листъ;
А небосводъ, глубокій и хрустальный,
Прозраченъ, звонокъ, холоденъ и чистъ,
И съ утренней росой на георгины
Ложатся нити тонкой паутины.

XCVII.

Какъ вѣянье отрадной тишины,
Предсмертный сонъ объемлетъ міръ неслышно,
Но грезы смерти нѣгою полны,
Какъ счастья и любви живыя сны.
Вознесся лѣсъ таинственно и пышно,
Какъ золотой, великолѣпный храмъ,
Къ пустыннымъ, ярко-синимъ небесамъ;

XCVIII.

Трепещущій, съ улыбкою покорной,
Онъ какъ женихъ—невѣсты, смерти ждетъ;
Она къ нему, желанная, придетъ
Прекраснѣй жизни, съ лаской благотворной...
Зачѣмъ, о смерть, твой радостный приходъ
Въ природѣ мы одни лишь, дѣти праха,
Клянемъ, полны отчаянья и страха?..

XCIX.

Сергѣй испуганъ жизнью и смущенъ;
Счастливымъ днямъ не довѣряетъ онъ:
Такъ узникъ бѣдный, къ воздуху темницы
Давно привыкшій, солнцемъ ослѣпленъ
И отвращая взоры отъ денницы,
Онъ все груститъ въ дубровахъ и степяхъ
О сумракѣ тюремномъ и цѣпяхъ.

C.

Ужель опять Забѣлинъ мой тоскуетъ?
Ужель къ нему вернулся прежній сплинъ?
Онъ говоритъ «люблю», ее цѣлуетъ—
И думаетъ: «Я—мужъ, я—семьянинъ,
Ужъ никогда не буду я одинъ,
И днемъ, и ночью—всюду, вѣчно съ нею...»
Отъ этой мысли холодно Сергѣю.

CI.

Наединѣ онъ разсуждаетъ такъ:
«Легко сказать—жениться!.. Это шагъ
Непоправимый; разбирая строго,
Обуза тяжкая—законный бракъ;
И, право, въ одиночествѣ такъ много
Поэзіи...» Горюетъ всей душой
Сергѣй о жизни вольной, холостой.

CII.

Герой нашъ, полонъ робости нежданной,
Остановился вдругъ на полпути.
Чтобъ жизнь начать, не можетъ онъ найти
Рѣшимости: какъ предъ холодной ванной,
Дрожитъ, не знаетъ какъ въ нее войти—
Нелѣпое, смѣшное положенье!
А силы нѣтъ, чтобъ побѣдить сомнѣнье.

CIII.

Опять сомнѣнье! Бѣдный мой Сергѣй!
Ужъ онъ предвидитъ скуку и заботы,
И петербургскихъ пятыхъ этажей
Квартирки плохонькія, визгъ дѣтей,
Кухарокъ, нянюшекъ, портнихи счеты
И запахъ отъ пеленокъ; дрязги, чадъ
Котлетъ изъ кухни и семейный адъ.

CIV.

«Но это вздоръ, вѣдь я люблю, мнѣ честность,
Мнѣ долгъ прямой велитъ любить...» И вдругъ
Всю душу охватилъ ему испугъ.
«А если...»—онъ не кончилъ; неизвѣстность
Его страшила; онъ искалъ вокругъ
Поддержки иль опоры; умъ слабѣетъ
Отъ ужаса въ немъ сердце ледянѣетъ.

CV.

О, Боже мой, какъ тяжко сознавать,
Что все въ любви зависитъ отъ мгновенья!
То любитъ, то не любитъ онъ опять.
И невозможно чувству приказать:
Оно—порывъ, капризъ воображенья,
Онъ не владѣетъ имъ... Межъ тѣмъ, грозя,
Пугаетъ мысль, что не любитъ—нельзя.

CVI.

Но что же дѣлать? Страсть изъ чувства долга,
Какъ скучная обязанность, гнететъ;
Возможное намъ мило ненадолго,
Преступное насъ манитъ и влечетъ.
Зачѣмъ такъ сладокъ намъ запретный плодъ?
Онъ чувствуетъ, что воля въ немъ безсильна...
И какъ заставить полюбить насильно?

CVII.

«Я разлюбилъ!...»—однажды этотъ крикъ
Изъ сердца вырвался въ безмолвьи ночи.
Онъ пристально заглядывалъ въ тайникъ
Души своей, до дна въ него проникъ,
Смотрѣлъ, искалъ, прислушивался, очи
Вперивъ во тьму... и въ сердцѣ находилъ
Лишь мракъ и пустоту,—онъ разлюбилъ!

CVIII.

А между тѣмъ она такъ свято вѣритъ;
Онъ побѣдилъ, окончена борьба,
Она теперь покорна и слаба,
Не взвѣшиваетъ чувствъ своихъ, не мѣритъ;
Его мгновенныхъ прихотей раба—
Идетъ на жертвы, горе и страданье
Безропотно, какъ агнецъ на закланье.

CIX.

Увы! для бѣдной дѣвушки порой
Такъ ясно, что ее покорность губитъ,
Что надо быть кокеткой, гордой, злой,—
Но силы нѣтъ, и съ дѣтской простотой
Она открыто, беззавѣтно любитъ;
И тѣмъ неумолимѣе Сергѣй,
Сознавъ вину, срываетъ гнѣвъ на ней.

CX.

Послушная, она не возражаетъ,
Не жалуется,—онъ бы и не могъ
Ее понять,—тихонько вытираетъ
Глаза, въ дрожащихъ ручкахъ свой платокъ
Свернувъ, какъ дѣти, въ маленькій комокъ,
И слушаетъ, и горько-горько плачетъ:
«Ну, что же, Богъ съ нимъ, ничего не значитъ.

CXI.

«Пусть онъ неправъ, я все перенесу...»
Сергѣй, смотрѣвшій съ нѣжностью глубокой
На блѣдный ликъ, на свѣтлую косу,
На милую, печальную красу,
Теперь глядитъ такъ злобно и жестоко,
Какъ за слезою катится слеза,
И красные, опухшіе глаза

CXII.

Ему не нравятся. Ужъ въ сердцѣ глухо
Вражда заговорила,—скука, лѣнь
И отвращенье: такъ въ осенній день
Бываетъ пыльно, вѣтренно и сухо;
И хоть бы капля чувства, хоть бы тѣнь...
Въ душѣ онъ ищетъ жалости напрасно;
Въ ней все такъ жестко, холодно и ясно.

CXIII.

«Ты разлюбилъ меня, Сережа?»—разъ
Бѣдняжка молвитъ; ждетъ она лишь слова,
Одной улыбки, взора милыхъ глазъ,
Чтобъ вѣрить вновь и все простить тотчасъ,
Ему на шею броситься готова...
Сергѣй со злобой началъ говорить,
Что онъ ее не въ правѣ разлюбить.

CXIV.

И какъ могло сомнѣнье въ ней явиться?
Вѣдь, кажется, вопросъ рѣшенъ; она
Увѣренною быть вполнѣ должна,
Что не раздумалъ онъ на ней жениться...
И Вѣра слушаетъ, какъ смерть, блѣдна,
И только очи широко открыты,
Какой-то мертвой дымкою покрыты;

CXV.

Ихъ взоръ безжизненъ, сухъ и воспаленъ,
Въ Забѣлинѣ кипѣло чувство злое;
«Какъ этотъ взглядъ,—съ досадой думалъ онъ,—
Невыразителенъ и неуменъ;
Въ немъ что-то глупое, совсѣмъ тупое...»
Понявъ, что ужъ ничѣмъ нельзя помочь,
Ему писала Вѣра въ ту же ночь:

CXVI.

«Я разлюбила васъ, и не желаю
Притворствовать. Запомните, Сергѣй,
Хотя могли вы быть ко мнѣ добрѣй,
Я васъ ни въ чемъ, ни въ чемъ не обвиняю
И лишь прошу уѣхать поскорѣй.
Вѣдь искренность для насъ всего дороже,
А вы не любите меня,—я тоже

CXVII.

Молю тебя, мой милый, уѣзжай,
Я требую, ни дня не медли дольше;
Но, возвратясь въ родной, далекій край,
Хоть изрѣдка про Вѣру вспоминай.
Я буду за тебя молиться... Больше
Не встрѣтимся мы на земномъ пути;
Да сохранитъ тебя Господь,—прости!»

CXVIII.

Какъ плакалъ онъ, письмо ея читая,
Отъ жалости не къ Вѣрѣ, а къ себѣ...
Достигъ онъ цѣли, побѣдилъ въ борьбѣ
И утолилъ тщеславіе. Пустая,
Ничтожная побѣда, что въ тебѣ?.
Безцѣльное свершилъ онъ преступленье,
Навѣки стыдъ въ душѣ и угрызенье.

CXIX.

Сумѣлъ любовь разсудкомъ онъ убить.
Что пользы въ томъ? Увы, за свѣжесть чувства,
За каплю нѣжности, за даръ любить,
Какъ любятъ дѣти, просто, безъ искусства,
За тотъ порывъ, дающій силу жить,—
Онъ отдалъ бы, раскаяньемъ томимый,
Свой гордый умъ,—свой умъ непобѣдимый.

CXX.

Онъ молодъ, впереди вся жизнь, въ немъ кровь
Кипитъ, а ужъ въ сознаньи холодъ вѣчный...
«Нѣтъ, мысль—не все, есть вѣра, есть любовь;
Но гдѣ же взять ихъ, какъ вернуться вновь
Къ любви безъ думъ и къ простотѣ сердечной?»
Такъ размышлялъ онъ, въ экипажъ садясь.
«Ну, съ Богомъ, въ путь!»—и тройка понеслась.

CXXI.

Холодный вѣтеръ; пыль встаетъ клубами,
Вдоль по пути летятъ, за роемъ рой,
Сухіе листья осени глухой...
Рѣка бушуетъ темными волнами,
А нѣжный тополь, что шумѣлъ весной
Въ лазури утренней и пѣлъ про счастье,
Теперь дрожитъ подъ холодомъ ненастья.

CXXII.

Тамъ, надъ дорогой, межъ густыхъ вѣтвей,
Стояла Вѣра. Все затихло въ ней,
Какъ будто не сама она страдала,
А лишь разсказъ давно минувшихъ дней
Въ какой-то книгѣ про себя читала,
Какъ будто только сонъ ей снился... Вдругъ
Раздался колокольчикъ... Слабый звукъ

CXXIII.

Все ближе, ближе... Онъ! «Сережа, милый!..»
Не слышитъ... тройка мчится, замеръ крикъ...
Въ ней сердце, мысли, очи, блѣдный ликъ,
Все существо съ неудержимой силой
Туда, за нимъ, стремилось въ этотъ мигъ:
Такъ стебли травъ въ водѣ дрожатъ порою,
Стремясь за убѣгающей волною.

CXXIV.

Какъ листьевъ легкій шумъ, ея слова
Унесъ холодный вѣтеръ въ даль, и голосъ
Затихъ, на грудь поникла голова;
Какъ скошенный на нивѣ бѣдный колосъ,
Безъ слезъ, безъ жалобы, почти мертва,
Она упала... И ему такъ больно,
Такъ страшно сдѣлалось, что къ ней невольно

CXXV.

Онъ обернулся; но впередъ, впередъ
Рванули кони и стрѣлой умчали...
Возврата нѣтъ! Увы судьба не ждетъ
И въ даль она, какъ тройка, унесетъ
Отъ всѣхъ, кого любили мы и знали;
Они съ мольбой взываютъ намъ вослѣдъ:
«Вернись, помедли!»—но возврата нѣтъ.

CXXVI.

Они къ намъ простираютъ руки, тщетно!
Мы далеко: «прости!»... послѣдній взглядъ
Съ отчаяньемъ кидаемъ мы назадъ...
Нашъ крикъ замретъ въ пустынѣ безотвѣтной;
Взовьются кони и летятъ, летятъ,
Чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣй, неутомимо,—
Мечты, друзья, любовь—все мимо, мимо!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

«Beati possidentes»,—вотъ что важно:
Блаженны тѣ, чей кошелекъ набитъ
Кредитными рублями! Пусть отважно

Ихъ мысль въ надзвѣздной области паритъ:
Пробудитъ вдохновенье аппетитъ
Для ужина. Но съ пустотой желудка
Лирическій восторгъ—плохая шутка!

II.

На крыльяхъ грезъ въ какой-то чудный край
Летишь, бывало. Вдругъ жена подходитъ:
«Прекрасно, милый другъ,—пиши, мечтай!..
Вотъ до чего поэзія доводитъ,—
Сегодня нѣтъ обѣда! Такъ и знай»...
Она права, скажу я между нами:
Не будешь сытъ красивыми стихами.

III.

Роптать и мнѣ случается порой:
Зачѣмъ я не сапожникъ, не портной?
Въ хорошемъ сюртукѣ или ботинкахъ
Есть польза несомнѣнная: простой,
Понятный смыслъ,—а въ звѣздахъ и въ росинкахъ,
И соловьяхъ—какой въ нихъ толкъ—для тѣхъ,
Въ комъ вдохновенье возбуждаетъ смѣхъ?

IV.

Забавный титулъ юнаго поэта
Мнѣ надоѣлъ. Что можетъ быть скучнѣй,
Какъ вѣчно у редакторскихъ дверей
Стоять съ портфелемъ? Слушаясь совѣта
Серьезныхъ и практическихъ людей,
Забуду съ музой вѣтреную дружбу,
Остепенюсь и поступлю на службу.

V.

Когда пустое мѣсто наполнять
Типографу приходится въ журналѣ,
Поэту позволяютъ выражать

Свои восторги, думы и печали
Стихотвореньемъ строчекъ въ двадцать пять, —
Никакъ не болѣе. Вошло въ привычку
У насъ стихи печатать «на затычку»,—

VI.

Какъ говорилъ покойный Салтыковъ...
И, можетъ-быть, испуганный читатель,
Взглянувъ на рядъ моихъ несчетныхъ строфъ,
Воскликнетъ: «да хранитъ меня Создатель
Читать романъ въ двѣ тысячи стиховъ!»
Онъ правъ. Мнѣ эта мысль тревожитъ совѣсть...
Но дѣлать нечего, — окончу повѣсть.

VII.

Сергѣй вернулся въ Петербургъ: дома
Въ туманѣ желтомъ, дождь, гнилая осень,
Октябрьскихъ полдней сѣренькая тьма...
Ему здѣсь душно: давятъ, какъ тюрьма,
Глухія стѣны. Запахъ южныхъ сосенъ,
Лазурь небесъ припоминаетъ онъ
На грязныхъ, темныхъ улицахъ, какъ сонъ.

VIII.

Кругомъ—все то же... Дни его такъ пусты...
Знакомый красный домъ, городовой,
И вывѣска надъ лавкой мелочной
Съ изображеньемъ хлѣба и капусты...
Узоръ на ширмахъ, запахъ комнатъ, бой
Часовъ въ столовой, тишина, и снова —
Весь ужасъ одиночества былого.

IX.

«Опять—унылый, безконечный день!..»
Проснувшись утромъ, глазъ не открывая,
Онъ думалъ. Скучно. Одѣваться лѣнь.

Часы обѣда, ужина и чая —
Вотъ всѣ событья. Онъ читаетъ. Тѣнь
Все гуще — сумерки, и въ эту пору
Приносятъ лампу и спускаютъ штору.

X.

Ну, слава Богу, ночь ужъ близко! Цѣль
Его желаній — броситься въ постель,
Скорѣй задуть свѣчу... Душа устала...
Онъ съ отвращеньемъ думалъ: «Неужель
И завтра то же, и опять сначала —
Вставанье, кофе, чтенье и опять, —
Обрядъ постылый жизни исполнять!..»

XI.

Забѣлинъ къ доктору зашелъ отъ скуки.
Тотъ взвѣшивалъ его: «Помогъ Кавказъ!
Прибавилось полпуда. Въ добрый часъ!..
Что значитъ климатъ! — потирая руки,
Смѣялся нѣмецъ, — поздравляю васъ:
Теперь сто лѣтъ вамъ жить», — и съ жалкой, блѣдной
Улыбкою внималъ Сережа бѣдный.

XII.

«Въ трудѣ — спасенье! — просвѣтлѣвъ на мигъ,
Онъ разъ подумалъ: буду на магистра
Держать экзаменъ!» — и за груды книгъ
Принялся лихорадочно и быстро.
Сидѣлъ двѣ ночи, но едва проникъ
Онъ въ смыслъ одной главы: душа тревожна.
Онъ чувствуетъ — работа невозможна,

XIII.

Однажды, шелъ по улицѣ Сергѣй;
Сквозь талый снѣгъ былъ слышенъ визгъ саней
На мостовой, и скользкія панели

Сіяли въ мутномъ свѣтѣ фонарей;
Изъ водосточныхъ трубъ ручьи шумѣли,
И пьяный пѣлъ у двери кабака,
И тихо падалъ мокрый снѣгъ... Тоска!

XIV.

Сережѣ снилась комнатка; онъ веселъ,
Работаетъ. Уютно и тепло.
И кроткое, любимое чело
На темномъ бархатѣ глубокихъ креселъ
Подъ лампою такъ нѣжно и свѣтло...
И шьетъ она, — чуть слышенъ безмятежный,
Пріятный звукъ иглы ея прилежной...

XV.

Онъ все отвергъ. Отъ счастья самъ ушелъ.
Простая жизнь казалась пошлой долей.
Онъ гордую свободу предпочелъ,
И, одинокъ, самолюбивъ и золъ,
Остался онъ съ своей постылой волей.
Но что въ ней? Въ сердцѣ — холодъ смерти. Свѣтъ
Любви погасъ, и въ жизни смысла нѣтъ.

XVI.

Былъ вечеръ. Полонъ грустными мечтами,
За книгой у камина онъ сидѣлъ,
Вдругъ дверь открылась: «Климовъ!» Онъ влетѣлъ,
Обнявъ его, холодными усами
Къ щекѣ прижался, хохоталъ, шумѣлъ.
—«Ну, какъ живется, милый мой философъ?»
И предлагалъ онъ тысячи вопросовъ.

XVII.

«Да ты не знаешь горя моего:
Изъ школы выгнали. За что, — спроси-ка!
За вредныя идеи!.. Каково?

Ужъ кажется старался никого
Не обижать... Все это глупо, дико...

. . . . . .
. . . . . .

XVIII, XIX.

«Голубчикъ, жаль, до слезъ мнѣ жаль ребятъ:
Вѣдь, дѣло-то пошло у насъ на ладъ!..
Работа славная! Но нѣтъ намъ ходу,
Пока въ деревнѣ кулаки царятъ.
Со всей любовью искренней къ народу,
Съ образованьемъ, съ жаждою труда
Кому теперь я нуженъ? Ну, куда,

XX.

Скажи, куда прикажешь дѣться?..» Много,
Онъ въ этомъ духѣ говорилъ. Потомъ
Разспрашивалъ Сережу обо всемъ
Съ участьемъ, съ нѣжной, дружеской тревогой.
Тотъ разсказалъ, какъ ѣздилъ онъ въ Боржомъ.
Онъ, впрочемъ, говорилъ довольно мало,
Съ улыбкою небрежной и усталой.

XXI.

— «Признайся-ка, Сережа, ты влюбленъ!..» —
— «Помилуй, что за вздоръ!..» — и съ лицемѣрной
Безпечностью онъ отрицалъ. — «Смущенъ...
Ага, краснѣешь, — значитъ, это вѣрно!..
Ужъ вижу по глазамъ...» — Былъ удивленъ
Сергѣй. Одинъ оставшись: «Неужели, —
Онъ думалъ, — Климовъ правъ?.. Такъ, — въ самомъ дѣлѣ! —

XXII.

И сердце въ немъ забилось. — Боже мой,
Зачѣмъ, зачѣмъ, всѣ эти муки, бремя
Тоски и лжи?.. Что сдѣлалъ я съ собой?...

Ахъ, Вѣра!..»—Слезы хлынули волной,
Душа смягчилась.—«Да, люблю, все время
Любилъ родную, бѣдную мою,
И какъ я думать могъ, что не люблю!..»

XXIII.

Увы! любовь сомнѣніе затмило.
Такъ въ комнатѣ луна царитъ въ ночи;
Внесутъ огонь, и мѣсяцъ отъ свѣчи
Померкнетъ вдругъ, уносятъ—съ прежней силой
Сіяютъ вновь стыдливые лучи:
Въ насъ ложный свѣтъ разсудка чувство губитъ;
Любовь, какъ мѣсяцъ, тихій сумракъ любитъ.

XXIV.

Онъ Вѣрѣ написалъ. Теперь тоска
Ему почти отрадна и легка, —
Надеждой робкою она согрѣта.
И пишетъ вновь дрожащая рука
Слова любви; онъ молитъ, ждетъ отвѣта,
Двухъ строкъ, хотя бъ упрека, и не лѣнь
Ему на почту бѣгать каждый день.

XXV.

Закрывъ глаза, онъ шорохъ платья слышалъ
И милый, нѣжный голосъ. Чуть звонокъ,
Въ прихожую летитъ онъ на порогъ:
«Не почтальонъ ли? Пятый разъ ей пишетъ,—
Отвѣта нѣтъ. Онъ больше ждать не могъ...
Въ душѣ росло безумное волненье—
То дѣтскій страхъ, то радость, то мученье.

XXVI.

Онъ старое письмо хранилъ. Въ тоскѣ
То былъ послѣдній лучъ его надежды.
Въ запискѣ Вѣры, въ желтомъ лоскуткѣ,

Какъ въ бѣдномъ увядающемъ цвѣткѣ,
Былъ слабый ароматъ ея одежды,
Ея духовъ; и весь онъ трепеталъ,
Когда тотъ запахъ съ жадностью вдыхалъ.

XXVII.

Отвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ. Ужель не будетъ?
Ужель захочетъ Вѣра отомститъ
И оттолкнетъ его? Ужель забудетъ?
Забыть нельзя... А онъ... вѣдь могъ забыть!..
О, только бы позволила любить
Безмолвно, трепетно. Во мракѣ ночи
Онъ видитъ чьи-то горестныя очи,

XXVIII.

И все надъ нимъ летаютъ въ тишинѣ
Какіе-то мучительные звуки:
«Сережа, я больна... скорѣй ко мнѣ!..»
Она зоветъ, протягиваетъ руки, —
Онъ это знаетъ, чувствуетъ во снѣ...
Въ слезахъ проснется, смотритъ: тьма ночная.
И онъ одинъ, и мучитъ мысль иная:

XXIX.

«Что, если Вѣра вовсе не больна,
И даже весела, и все забыла?
Пріѣду я некстати, и она
Промолвитъ мнѣ, досадою полна:
«Вѣдь я писала вамъ, что разлюбила!..»
Отъ этихъ думъ сошелъ бы онъ съ ума,
Когда бъ, бѣдняга, наконецъ, письма

XXX.

Не получилъ. Писала мать изъ Крыма:
Опасно Вѣрочка больна. Врачей
Пугаетъ грусть ея. Необъяснима

Болѣзнь, и мать просила, чтобъ Сергѣй
Пріѣхалъ къ нимъ, хоть на немного дней.
Онъ понялъ все: отъ горя умирая,
Она рвала всѣ письма, не читая —

XXXI.

Изъ гордости!.. И вотъ три дня подъ рядъ
Сергѣй на поѣздѣ курьерскомъ скачетъ.
И по ночамъ, когда въ вагонѣ спятъ,
Онъ, на диванѣ прикурнувъ, объятъ
Безвыходной тоской, тихонько плачетъ.
Очнувшись вдругъ въ возкѣ на лошадяхъ,
Въ унылыхъ севастопольскихъ степяхъ,

XXXII.

Онъ видитъ: мечется сѣдая вьюга.
Но только что чрезъ горный перевалъ
Байдарскія ворота миновалъ,—
Пахнуло теплое дыханье юга;
Въ воротахъ снѣжный прахъ еще леталъ,
А тамъ, у моря, солнце ужъ пригрѣло
Подснѣжникъ трепетный съ головкой бѣлой.

XXXIII.

Весна! И онъ взглянулъ съ обрыва внизъ:
Тамъ лавръ, олива, стройный кипарисъ,
И тихо плещетъ море голубое,
И подъ январскимъ солнцемъ вознеслись
Дворцы Алупки въ сладостномъ покоѣ,
Внимая вѣчно ропщущимъ волнамъ:
И нашъ герой подумалъ: «Вѣра тамъ!»

XXXIV.

Надъ моремъ, въ темной рощѣ—домикъ бѣлый...
Онъ—на крыльцо. Еще въ послѣдній разъ
Помедлилъ: «неужель теперь, тотчасъ?..»

И сердце сжалось. Въ дверь рукой несмѣлой
Стучитъ; вошелъ, не поднимая глазъ...
Въ прихожей—мать. Предъ ней, какъ виноватый,
Сергѣй стоялъ, смущеніемъ объятый...

XXXV.

Потомъ онъ только помнитъ чей-то ликъ
Въ подушкѣ... свѣтъ сквозь спущенныя шторы,
Лѣкарства душный запахъ... слабый крикъ:
«Сережа!..» счастьемъ вспыхнувшіе взоры...
«Она!..»—узналъ онъ, бросился, приникъ...
«Голубчикъ!..»—голову ему руками,
Обнявъ, какъ мать, прижавшись къ ней губами,

XXXVI.

Шептала Вѣра: «О, побудь со мной
Вотъ такъ, еще минутку, бѣдный мой,
Хорошій мальчикъ!..»—и его жалѣла,—
Простила все, и волосы рукой
Тихонько гладила... но ослабѣла,
Сомкнулись очи, замерли слова,
Упала на подушки голова.

XXXVII.

Въ ея чертахъ искалъ онъ Вѣры прежней...
Все, все, что было съ ней, онъ понялъ вдругъ,
Прочелъ всю повѣсть гордыхъ, тайныхъ мукъ...
Чѣмъ дольше смотритъ онъ, тѣмъ безнадежнѣй
Его тоска. Изъ жалкихъ, слабыхъ рукъ
Она его руки не выпускала:
«Теперь мнѣ такъ легко, легко!.. Я знала,

XXXVIII.

«Что ты придешь когда-нибудь ко мнѣ...
Все время я томилась одиноко,
Какъ будто въ темной, страшной глубинѣ,

Гдѣ холодно и душно, какъ на днѣ
Пруда... а ты былъ тамъ, гдѣ солнце... такъ далеко:
Но первый лучъ мнѣ въ сердце горячо
Проникъ, и хочется еще, еще...

XXXIX.

«О, развѣ могъ покинуть ты родную?!
Ты—мой. Одна я въ жизни у тебя,
Не выдумаешь дѣточку другую,
Какъ ни старайся!.. Прежде для себя
Любило сердце, мучилось любя:
Теперь ты мнѣ, какъ я сама,—и сила
Любви навѣки гордость побѣдила...»

XL.

Они твердятъ: «люблю», душой, умомъ,
Все глубже, глубже входятъ въ это слово,
Ужъ больше, кажется, нельзя,—потомъ
Нежданный смыслъ въ немъ открываютъ снова,
Опять «люблю», хотятъ исчезнуть въ немъ,
И чувству нѣтъ границъ, и манятъ бездной
Слова любви, какъ тайны ночи звѣздной.

XLI.

А дни проходятъ. Миндали въ садахъ
Покрылись цвѣтомъ розовымъ. Въ горахъ
Растаялъ снѣгъ. Больная солнцу рада.
Надежда робко свѣтится въ очахъ:
Такъ вспыхиваетъ блѣдная лампада,
Предъ тѣмъ, чтобы потухнуть въ вѣчной мглѣ.—
Зазеленѣли травы на Яйлѣ.

XLII.

Дымились тучи на скалахъ Ай-Петри.
Въ сыромъ оврагѣ желтый анемонъ
Ужъ распустился, воздухъ напоенъ

Весной, и запахъ моря—въ тепломъ вѣтрѣ.
Перенесли больную на балконъ.
Она за бѣлымъ парусомъ слѣдила
Въ дали... Потомъ, вздохнувъ, чело склонила:

XLIII.

«Какъ хочется мнѣ жить!..» Сергѣй цвѣтовъ
Принесъ, и Вѣра съ жадностью дышала
Благоуханьемъ свѣжихъ лепестковъ
И прятала лицо въ нихъ, и шептала:
«Какъ хорошо!..» Онъ плакать былъ готовъ:
Безкровный ликъ ея такъ худъ и жалокъ
Среди росой обрызганныхъ фіалокъ.

XLIV.

Однажды, у окна они вдвоемъ
Сидѣли въ тихій вечеръ. Огонькомъ
Дрожалъ маякъ на темномъ Ай-Тодорѣ,
И въ лунномъ свѣтѣ, мягкомъ, золотомъ,
Едва дышало трепетное море,
И лишь одна горѣла надъ землей
Звѣзда, непобѣжденная луной.

XLV.

Онъ ей шепталъ: «Намъ больше словъ не надо.
То вѣчное, что свѣтится въ лучахъ
Далекихъ звѣздъ—и у тебя въ очахъ
Горитъ и вѣетъ въ душу мнѣ отрадой,
Блаженства нѣтъ внѣ насъ, оно—въ сердцахъ.
Нельзя достичь его, понять лишь можно,—
Все остальное призрачно и ложно.

XLVI.

«Бывало, въ дѣтствѣ молишься порой,
И вдругъ, о чемъ молился, позабудешь,
Лишь чувствуешь младенческой душой,

Что близко Богъ, что Боженька съ тобой,
Вотъ тутъ, сейчасъ, и если добрымъ будешь,
Онъ не уйдетъ: такъ и теперь—въ моей
Душѣ покой и счастье дѣтскихъ дней»...

XLVII.

Они умолкли. Тишина царила.
И только сердце билось; и за нихъ,
О чемъ они молчали, говорила
Природа вѣчнымъ шумомъ волнъ морскихъ,
Мерцаньемъ звѣздъ... И Божій міръ затихъ,
Чтобы внимать, какъ тамъ въ ночномъ просторѣ,
Про ихъ любовь немолчно пѣло море.

XLVIII.

— «Прошу тебя, Сережа, объ одномъ,—
Однажды, подозвавъ его съ улыбкой,
Она сказала:—помни, я во всемъ
Сама виновна. Не считай ошибкой
Того, что было, и себя ни въ чемъ
Не обвиняй: я писемъ не читала,—
Изъ гордости любовь я заглушала.

XLIX.

Во мнѣ самой—причина мукъ и зла,
Твоя любовь лишь счастье мнѣ дала;
Я снова бы какъ прежде полюбила,
И если бъ прошлое вернуть могла,
Я ничего бы въ немъ не измѣнила.
О, что бы ни случилось, знай, Сергѣй,
Что нѣтъ раскаянья въ душѣ моей!..

L.

Я испытала радостей такъ много,
И каждый взоръ твой въ прошломъ сердцу милъ;
Я не хотѣла бъ, чтобъ меня любилъ

Ты по другому,—нѣтъ!.. Прошу у Бога,
Чтобъ Онъ тебя за все вознаградилъ,—
За все, что ты мнѣ далъ,—и вѣчно, всюду
Твою любовь благословлять я буду!»

LI.

Увы! то былъ послѣдній разговоръ,
И ей все хуже дѣлалось съ тѣхъ поръ.
Предчувствуя, что ужъ близка могила,
Вперивъ на друга долгій, долгій взоръ,
Больная ничего не говорила,
Какъ будто съ нимъ прощалась, и порой
Качалъ въ тревогѣ докторъ головой.

LII.

Межъ тѣмъ вставало въ памяти Сергѣя
Все прошлое; онъ позабыть не могъ,
Какъ былъ тщеславенъ, мелоченъ, жестокъ,
Какъ самъ разрушилъ счастье, не жалѣя.
Припоминалъ онъ звонкій голосокъ
И смѣхъ ея, и блещущіе глазки,
И нѣжность первой, трогательной ласки.

LIII.

Боржомскій паркъ, любимую скамью,
Въ сосновой рощѣ милую тропинку...
Давно, давно... то было, какъ въ раю!..
Чтобъ искупить одну ея слезинку,
Чтобъ видѣть Вѣру прежнюю свою,
Онъ отдалъ бы всю жизнь. Но нѣтъ возврата!..
И вѣчной тьмой душа его объята.

LIV.

Онъ разъ проснулся ночью. Отчего—
И самъ не зналъ; какъ будто до него
Коснулось что-то. Въ комнатѣ сосѣдней

Все замерло... Не слышно ничего...
Но сердцемъ понялъ онъ, что часъ послѣдній
Былъ близокъ... Къ Вѣрѣ бросился: она
Лежала неподвижна и блѣдна.

LV.

Онъ увидалъ, что больше нѣтъ надежды.
Чуть слышался дыханья слабый звукъ,
И тихо, тихо приподнялись вѣжды;
Въ очахъ—не смутный бредъ, не ужасъ мукъ,—
Въ нихъ мысль, почти сознательный испугъ...
Тихонько мать заплакала... сидѣлка
Перекрестилась... часовая стрѣлка

LVI.

Показывала три... и за стѣной
Сверчокъ былъ слышенъ въ тишинѣ ночной.
Вдругъ Вѣра прошептала: «Тамъ... Смотрите!
Вотъ тамъ... все ближе, ближе... Боже мой!..
Ко мнѣ, Сережа, мама... защитите!..»
И, задыхаясь, думаетъ Сергѣй
И проситъ Бога: «только бъ поскорѣй!»

LVII.

Онъ на колѣни сталъ, изнемогая.
Мать подошла и, полная тоской,
Вся блѣдная, но тихая, простая,
Она его жалѣетъ: «бѣдный мой
Сережа!»—гладитъ волосы рукой
И плачетъ съ нимъ, и онъ, внимая звуку
Простыхъ рѣчей, цѣлуетъ эту руку.

LVIII.

Къ разсвѣту Вѣрѣ стало легче. Страхъ
Совсѣмъ исчезъ. Но не было въ чертахъ
Ужъ ничего земного: въ нихъ другое—

Великое, спокойное, чужое.
Онъ отблеска любви искалъ въ очахъ;
Она смотрѣла пристально, глубоко,
Но какъ-то странно, словно издалека.

LIX.

Съ восходомъ солнца Вѣра умерла,
Все такъ же безмятежна и свѣтла;
Когда прильнулъ дрожащими губами
Сережа къ блѣдной ручкѣ со слезами,
Ужъ холодна, какъ ледъ, она была...
Ее въ уста цѣлуя на прощанье,
Тихонько мать сказала: «до свиданья».

LX.

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты... Межъ скалъ
Волна, не находя себѣ пріюта,
Шумѣла и металась. Онъ не зналъ,
Что съ нимъ и гдѣ онъ... Разумъ потухалъ...
Порой хотѣлось отомстить кому-то
И громко, громко закричать, проклясть
Какую-то безсмысленную власть,

LXI.

Людей гнетущую... Онъ думалъ: «Боже,
Вѣдь, я люблю, люблю еще сильнѣй!..
О, гдѣ она?.. Люблю кого?.. Кого же?..»
Что нѣтъ ея, не могъ понять Сергѣй,—
Такъ чувствовалъ онъ связь живую съ ней.
Онъ углублялся въ скорбь, ее измѣрить
Хотѣлъ умомъ, но въ смерть не могъ повѣрить,

LXII.

Не могъ... и даже мысль, что Вѣры нѣтъ,
Въ сознанье не входила... Мягкій свѣтъ
Упалъ изъ тучъ разорванныхъ на море,

И море небу ясному въ отвѣтъ
Затрепетало, засмѣялось... Горе
Затихло въ немъ. Онъ вдругъ отдался весь
Нахлынувшему чувству: «Вѣра здѣсь!»

LXIII.

Не въ душной, темной комнатѣ, а въ лонѣ
Природы вѣчной, въ шорохѣ листа,
Въ лучахъ, въ дыханьи вѣтра, въ небосклонѣ
Душа ея незримо разлита,
Какъ мысль, какъ свѣтъ, какъ жизнь и красота!
Его любовь росла, росла безъ мѣры
И все яснѣй, понятнѣй близость Вѣры.

LXIV.

И каждый лучъ, и каждая струя,
И каждый вздохъ волны, былинки трепетъ,—
Все, все слилось въ одинъ любовный лепетъ,
Въ одну живую ласку: «это—я,
Всегда съ тобою дѣточка твоя!..»
Онъ отвѣчалъ, отъ счастія рыдая:
«Я слышу, слышу, милая, родная!»

LXV.

Что было съ нимъ, онъ самъ понять не могъ.
Передъ лицомъ пустыни молчаливой,
Межъ скалъ, у волнъ шумящихъ, одинокъ,
Колѣна преклонилъ онъ на песокъ,
Поднявъ сквозь слезы къ небу взоръ счастливый.
«Отецъ небесный мой»...—шепталъ Сергѣй
Забытую молитву дѣтскихъ дней.

LXVI.

Она—въ гробу. Вокругъ цвѣты живые.
Открыты окна: падаютъ лучи
Весенніе на ризы золотыя,

На дымъ кадилъ, на серебро парчи...
И тускло пламя восковой свѣчи.
А голубое море ярко блещетъ,
Смѣется, дышитъ, пѣной волнъ трепещетъ.

LXVII.

Среди подснѣжниковъ, фіалокъ, розъ,
Какъ будто спитъ она... и прядь волосъ
Колеблетъ вѣтерокъ... и слышно пѣнье:
«Рабу усопшую прими въ селенья
Блаженныя, Господь, гдѣ нѣтъ ни слезъ,
Ни воздыханья, ни земной печали»...
Слова святыя радостью звучали.

LXVIII.

И прямо къ небу уносился дымъ
Кадилъ звенящихъ, легкій и прозрачный
Сергѣй взглянулъ,—она была предъ нимъ,
Какъ будто предъ избранникомъ своимъ
Невѣста юная въ одеждѣ брачной.
И съ ней тогда онъ заключилъ союзъ
Ненарушимыхъ клятвъ и вѣчныхъ узъ...

LXIX.

И сдѣлалась любовь великой силой,
Всю жизнь согрѣла теплотой своей,—
Онъ чувствовалъ, что не измѣнитъ ей.
И многому страданье научило:
Онъ сталъ сердечнѣй, проще и добрѣй.
Урокъ судьбы прошелъ ему не даромъ,—
Сергѣй подъ первымъ жизненнымъ ударомъ

LXX.

Окрѣпъ душой. И Вѣра съ нимъ была—
Всегда, вездѣ, ревниво берегла,
Какъ будто бы слѣдила нѣжнымъ взоромъ.

И съ милой тѣнью связанъ договоромъ,
Сергѣй не смѣлъ, не могъ бы сдѣлать зла,
Мучительно боясь ее обидѣть,
Нѣмой упоръ въ очахъ ея увидѣть.

LXXI.

Въ большой аудиторіи шумитъ
Толпа студентовъ... Сквозь морозный иней
Деревъ развѣсистыхъ въ окно глядитъ
Съ далекою звѣздою вечеръ синій.
Ужъ съ легкимъ шумомъ въ лампахъ газъ горитъ...
Вошелъ профессоръ молодой—и волны
Толпы затихли... Всѣ вниманья полны.

LXXII.

Онъ говорилъ, и рѣчь его лилась
Съ волнующей сердца свободной силой,
Какъ будто бы межъ ними родилась
Глубокая, невидимая связь,—
Онъ зналъ, что слово каждое входило
Въ ихъ душу молодую глубоко.
Ему немного страшно, но легко.

LXXIII.

И безконечно радостно, и ново...
Ты въ немъ героя повѣсти моей
Узналъ, читатель. Обаяньемъ слова
Лишь потому въ толпѣ царитъ Сергѣй,
Что самъ былъ молодъ, сердцемъ близокъ ей.
Онъ чувствовалъ съ улыбкой гордой, смѣлой,
Что дѣлалъ доброе, святое дѣло.

LXXIV.

Но не видалъ онъ, радостью объятъ,
Какъ тамъ въ окно изъ синевы глубокой
Упалъ сквозь иней лучъ звѣзды далекой:

Онъ былъ похожъ на благодарный взглядъ,
Когда въ немъ слезы нѣжности дрожатъ,—
Мерцающій изъ безконечной дали
И полный тихой, сладостной печали.

LXXV.

Рогожей крытый, маленькій возокъ
Тащился въ снѣжныхъ тундрахъ подъ метелью...
Сидѣлъ въ немъ Климовъ. Въ дальній уголокъ
Сибири ѣдетъ онъ все съ той же цѣлью—
Узнать народъ; какъ прежде, одинокъ,
Онъ странствовалъ въ деревню изъ деревни,
Ночуя въ юртѣ у якутъ, въ харчевнѣ,

LXXVI.

Или въ избѣ,—при свѣтѣ ночника
Онъ слушаетъ разсказы ямщика,
Мотивы заунывныхъ русскихъ пѣсенъ,
Иль разговоръ о Богѣ старика...
И если матерьялъ былъ интересенъ,
Торжествовалъ изслѣдователь нашъ,
И въ книжкѣ быстро бѣгалъ карандашъ.

LXXVII.

Онъ счастливъ былъ, какъ птица на свободѣ.
Родную землю всей душой любилъ
За то, что дремлетъ въ ней такъ много силъ;
И какъ Сергѣй въ наукѣ, онъ—въ народѣ
Успокоенье сердцу находилъ.
Былъ каждый правъ въ своемъ любимомъ дѣлѣ,
И оба шли къ одной великой цѣли.

LXXVIII.

Богъ помочь всѣмъ, кто въ нашъ жестокій вѣкъ
Желаетъ блага искренне отчизнѣ,
Въ комъ навсегда не умеръ человѣкъ,

Кто ищетъ новой мѣры, новой жизни,
Кто не измѣнитъ родинѣ вовѣкъ!
Привѣтъ мой всѣмъ, кто страстно жаждетъ Бога,
Въ комъ не затихла совѣсти тревога!

LXXIX.

Пусть къ вамъ летитъ простая пѣснь моя,
Безвѣстные, далекіе друзья!
Мы всѣ полны однимъ негодованьемъ,
Одной любовью и однимъ страданьемъ.
Насъ, братья, много: мы—одна семья,
Мы одного мучительно желаемъ,
Мы вмѣстѣ плачемъ надъ родимымъ краемъ.—

LXXX.

Тамъ, на прибрежьи теплыхъ, синихъ волнъ,
Вблизи часовни ветхой надъ ауломъ,
Откуда виденъ въ морѣ дальній челнъ,
Гдѣ ароматный, свѣжій воздухъ полнъ
Зеленыхъ сосенъ безконечнымъ гуломъ,
Есть одинокая могила. Въ ней
Уснула та, кого любилъ Сергѣй.

LXXXI.

Кругомъ покой и тишина: лишь пчелы
Въ цвѣтахъ шиповника гудятъ весной;
О чемъ-то дѣтскомъ шепчетъ ключъ веселый...
Какъ реквіемъ таинственный, порой
Здѣсь слышенъ моря вѣчнаго прибой.
И радостна, тиха ея могила:
Она была любима и любила.

ПѢСНИ И ЛЕГЕНДЫ

ПРОРОКЪ ИСАЙІЯ.

Господь мнѣ говоритъ: «Довольно Я смотрѣлъ,
Какъ надъ свободою глумились лицемѣры,
Какъ человѣкъ ярмо позорное терпѣлъ:
Не отъ вина, не отъ сикеры—
Онъ отъ страданій опьянѣлъ.
Князья народу говорили:
«Пади предъ нами ницъ!» и онъ лежалъ въ пыли,
Они, смѣясь, ему на шею наступили,
И по хребту его властители прошли.
Но Я приду, Я покараю
Того, кто слабаго гнететъ.
Князья Ваала, какъ пометъ,
Я ваши трупы разбросаю!
Вы всѣ передо Мной разсѣетесь, какъ прахъ.
Что для Меня вашъ скиптръ надменный!
Вы—капля изъ ведра, пылинка на вѣсахъ
У Повелителя вселенной!
Земля о мщеньи вопіетъ.
И ни корона, ни порфира—
Ничто отъ казни не спасетъ,
Когда тяжелая сѣкира
На корень дерева падетъ.

О, скоро Я войду, войду въ мое точило,
Чтобъ гроздья спѣлыя ногами растоптать,
И въ ярости князей и сильныхъ попирать,
Чтобъ кровь ихъ алая Мнѣ ризы омочила,
Я царства разобью, какъ глиняный сосудъ,
И пышные дворцы крапивой порастутъ.
И поселится змѣй въ покинутыхъ чертогахъ,
Тамъ будетъ выть шакалъ и страусъ яйца класть,
И вырастетъ ковыль на мраморныхъ порогахъ:
Такъ предъ лицомъ Моимъ падетъ земная власть!
Утѣшься, Мой народъ, Мой первенецъ любимый,
Какъ мать свое дитя не можетъ разлюбить,
Тебя, измученный, гонимый,
Я не могу покинуть и забыть.
Я внялъ смиренному моленью,
Я васъ отъ огненныхъ лучей
Покрою скиніей Моей,
Покрою сладостною тѣнью.
Мое святилище—не въ дальнихъ небесахъ,
А здѣсь—въ душѣ твоей, скорбями удрученной,
И одинокой, и смущенной,
Въ смиренныхъ и простыхъ, но любящихъ сердцахъ.
Какъ нѣжная голубка осѣняетъ
Неоперившихся птенцовъ,
Моя десница покрываетъ
Больныхъ, и нищихъ, и рабовъ.
Она спасетъ ихъ отъ ненастья
И напитаетъ отъ сосцовъ
Неизсякаемаго счастья.
Миръ, миръ Моей землѣ!.. Кропите, небеса,
Отраду тихую весенняго покоя.
Я къ вамъ сойду, какъ дождь, какъ свѣтлая роса
Среди полуденнаго зноя».

ОДИНОЧЕСТВО.

Повѣрь мнѣ, люди не поймутъ
Твоей души до дна!..
Какъ полонъ влагою сосудъ,—
Она тоской полна.
Когда ты съ другомъ плачешь,—знай—
Сумѣешь, можетъ-быть,
Лишь двѣ-три капли черезъ край
Той чаши перелить.
Но вѣчно дремлетъ въ тишинѣ
Вдали отъ всѣхъ друзей,—
Что тамъ, на днѣ, на самомъ днѣ
Больной души твоей.
Чужое сердце—міръ чужой,—
И нѣтъ къ нему пути!
Въ него и любящей душой
Не можемъ мы войти.
И что-то есть, что глубоко
Горитъ въ твоихъ глазахъ,
И отъ меня такъ далеко,
Какъ звѣзды въ небесахъ...
Въ своей тюрьмѣ,—въ себѣ самомъ—
Ты, бѣдный человѣкъ,
Въ любви, и въ дружбѣ, и во всемъ
Одинъ, одинъ навѣкъ!..

* * *

Что ты можешь? Въ безумной борьбѣ
Человѣкъ не достигнетъ свободы:
Покорись же, о духъ мой, судьбѣ
И невѣдомымъ силамъ природы!
Если надо,—смирись и живи:
Объ одномъ только помни, страдая,—
Ненадолго—страданья твои,
Ненадолго—и радость земная.

Если надо,—покорно вернись,
Умирая, къ небесной отчизнѣ,
И у смерти, у жизни учись—
Не бояться ни смерти, ни жизни!

ВОЛНЫ.

О, если бъ жить, какъ вы живете, волны,
Свободныя, безстрастіе храня,
И холодомъ, и вѣчнымъ блескомъ полны!...
Неправда ль, вы—счастливѣе меня?
Не знаете, что счастье—не надолго...
На вольную, холодную красу
Гляжу съ тоской: всю жизнь любви и долга
Святую цѣпь покорно я несу.
Зачѣмъ вашъ смѣхъ такъ радостенъ и молодъ?
Зачѣмъ я цѣпь тяжелую несу?
О, дайте мнѣ невозмутимый холодъ
И вольный смѣхъ, и вѣчную красу!..
Смиреніе!.. Какъ трудно жить подъ игомъ!
Уйти бы къ вамъ и съ вами отдохнуть.
И лишь однимъ, однимъ упиться мигомъ,
Потомъ навѣкъ безропотно уснуть!..
Ни женщинѣ, ни Богу, ни отчизнѣ,
О, никому отчета не давать
И только жить для радости, для жизни
И въ пѣнѣ брызгъ на солнцѣ умирать!..
Но нѣтъ во мнѣ глубокаго безстрастья:
И родину, и Бога я люблю,
Люблю мою любовь, во имя счастья
Все горькое покорно я терплю,
Мнѣ страшенъ долгъ, любовь моя тревожна.
Чтобъ вольно жить—увы!—я слишкомъ слабъ...
О, неужель свобода невозможна,
И человѣкъ до самой смерти—рабъ?

* * *

Онъ про любовь ей говорилъ,
Любви покорный, полный горя,
А вольный вѣтеръ приносилъ
Во мракѣ свѣжій запахъ моря,
И тамъ, въ прозрачной глубинѣ,
У самыхъ ногъ межъ струекъ звонкихъ
Виднѣлись камни при лунѣ
И листья водорослей тонкихъ.
И въ глубинѣ, и въ небесахъ—
Все чисто, вѣчно и спокойно...
И только страсть въ его словахъ
Была томительной и знойной.
Не внемля, смотритъ, какъ луна
Песокъ подводный озаряетъ,
И молча думаетъ она:
«Зачѣмъ онъ любитъ и страдаетъ?
Земной любви, земной мечты
Онъ рабъ: душою несвободной
Не понимаетъ красоты
Спокойной, вѣчной и холодной.
Зачѣмъ не хочетъ онъ дышать
Морской, полночною прохладой?
Зачѣмъ нельзя ему сказать,
Что никого любить не надо?»
Она съ улыбкой смотритъ въ даль...
Онъ молитъ жалости напрасно,
Онъ плачетъ... Но его не жаль,
Она внимаетъ безучастно:
Она, какъ вѣтеръ и волна,
Безъ гнѣва и безъ страсти губитъ,
Душа въ ней тайною полна,
И сердце никого не любитъ.

РИМЪ.

Кто тебя создалъ, о Римъ? Геній народной свободы!
Если бы смертный, навѣкъ выю подъ игомъ склонивъ,
Въ сердцѣ своемъ потушилъ вѣчный огонь Прометея.
Если бы въ мірѣ вездѣ духъ человѣческій палъ,—
Здѣсь возопили бы древняго Рима священные камни:
«Смертный, безсмертенъ твой духъ; равенъ богамъ человѣкъ!»

1891 г.

ПАНТЕОНЪ.

Путникъ съ печальнаго Сѣвера къ вамъ, Олимпійскіе боги,
Сладостнымъ страхомъ объятъ, въ древній вхожу Пантеонъ.
Духъ вашъ, о люди, лишь здѣсь споритъ въ величьи съ богами!
Гдѣ же безсмертные, гдѣ—Рима всемірный Олимпъ?
Нынѣ кругомъ запустѣніе, нынѣ царитъ въ Пантеонѣ
Древнему сонму боговъ чуждый, невѣдомый Богъ!
Вотъ Онъ распятый, пронзенный гвоздями, въ коронѣ терновой,
Мука—въ безкровномъ лицѣ, въ кроткихъ очахъ Его—смерть.
Знаю, о боги блаженные, мука для васъ ненавистна.
Вы отвернулись, рукой очи въ смятеньи закрывъ.
Вы улетаете прочь, Олимпійскія свѣтлыя тѣни!..
О, подождите, молю! Видите: это—мой Братъ,
Этой—мой Богъ!.. Передъ Нимъ я невольно склоняю колѣни...
Радостно муку и смерть принялъ Благой за меня...
Вѣрю въ Тебя, о Господь, дай мнѣ отречься отъ жизни,
Дай мнѣ во имя любви вмѣстѣ съ тобой умереть!..

* * *

Я оглянулся назадъ: солнце, открытое небо...
Льется изъ купола свѣтъ въ древній языческій храмъ.
Въ тихой лазури небесъ—нѣтъ ни мученья, ни смерти:
Сладокъ намъ солнечный свѣтъ, жизнь—драгоцѣннѣйшій даръ!..

* * *

Гдѣ же ты истина?.. Въ смерти, въ небесной любви и страданьяхъ,
Или, о тѣни боговъ, въ вашей земной красотѣ?
Спорятъ въ душѣ человѣка, какъ въ этомъ божественномъ храмѣ,—
Вѣчная радость и жизнь, вѣчная тайна и смерть.

Римъ.
1891 г.

БУДУЩІЙ РИМЪ.

Римъ—это міра единство: въ республикѣ древней—свободы
Строгій языческій духъ объединялъ племена.
Пала свобода,—и мудрые Кесари вѣчному Риму
Мыслью о благѣ людей вновь покорили весь міръ.
Палъ императорскій Римъ, и во имя Всевышняго Бога
Въ храмѣ великомъ Петра весь человѣческій родъ
Церковь хотѣла собрать. Но, вслѣдъ за языческимъ Римомъ
Римъ христіанскій погибъ: вѣра потухла въ сердцахъ.
Нынѣ въ развалинахъ древнихъ мы, полные скорби, блуждаемъ.
О, неужель не найдемъ вѣры такой, чтобы вновь
Объединить на землѣ всѣ племена и народы?
Гдѣ ты невѣдомый Богъ, гдѣ ты, о будущій Римъ?

1891 г.

КОЛИЗЕЙ.

Вступаю при лунѣ въ арену Колизея.
Полуразрушенный, великій и безмолвный,
Неосвященными громадами чернѣя,
Онъ дремлетъ голубымъ, холоднымъ свѣтомъ полный.
Здѣсь пахнетъ сыростью подземныхъ галлерей,
Росы, могильныхъ травъ и мшистыхъ кирпичей.
Луна печальная покрылась облаками,
Какъ духи прошлаго, какъ свѣтлыя видѣнья,
Они проносятся, съ воздушными краями,
Надъ царствомъ тишины, и смерти, и забвенья.
Въ дворцѣ Калигулы заплакала сова...
На камнѣ шелеститъ могильная трава.
Какъ будто бы скользятъ по мѣсяцу не тучи,
А тѣни блѣдныя... сенаторскія тоги...
Проходятъ ликторы—суровы и могучи,
Проходятъ консулы—задумчивы и строги...
Не буря на поляхъ къ землѣ колосья гнетъ,
Предъ императоромъ склоняется народъ...
И мѣсяцъ выглянулъ, и тучи заблестѣли:
Вотъ кроткій Антонинъ и Августъ величавый,
Воинственный Троянъ и мудрый Маркъ Аврелій...
Въ порфирахъ вѣющихъ, въ мерцаньи вѣчной славы
Грядутъ, блаженные!.. И складки длинныхъ ризъ—
Подобны облакамъ... И тѣни смотрятъ внизъ
На семихолмный Римъ. Но въ Римѣ — смерть и тлѣнье:
Потухли алтари, и Форумъ спитъ глубоко,
И въ храмѣ Юліевъ колонна въ отдаленьи
Обломкомъ мраморнымъ бѣлѣетъ одиноко.
И стонетъ въ тишинѣ полночная сова.
На камнѣ шелеститъ могильная трава...
И взоры Кесарей омрачены тоскою.
Скрывается луна, безмолвствуетъ природа...
Я вспоминаю Римъ, и вѣетъ надо мною
Непобѣдимый духъ великаго народа!..
Мнѣ больно за себя, за родину мою..

О Тѣни прошлаго, предъ вами я стою,—
И, горькой завистью душа моя томима!
И обративъ назадъ изъ безконечной дали
Прощальный взоръ на Римъ, онѣ все мимо, мимо
Проносятся, полны таинственной печали...
И, руки съ жалобой я простираю къ нимъ:
О слава древнихъ дней, о Римъ, погибшій Римъ!..

1891 г.

МАРКЪ АВРЕЛІЙ.

Вѣка, разрушившіе Римъ,
Тебя не тронувъ, пролетѣли
Надъ изваяніемъ твоимъ,
Безсмертный Маркъ Аврелій!
Въ благословенной тишинѣ
Донынѣ ты, какъ тріумфаторъ,
Сидишь на бронзовомъ конѣ,
Философъ-императоръ.
И въ складкахъ падаетъ съ плеча
Простая риза, не порфира.
И нѣтъ въ рукѣ его меча,—
Онъ провозвѣстникъ мира
Невозмутимъ его покой,
И все въ немъ просто и велико.
Но вѣетъ грустью не земной
Отъ царственнаго лика.
Въ тяжелый вѣкъ онъ жилъ, какъ мы,
Онъ жилъ во дни борьбы мятежной,
И надвигающейся тьмы,
И грусти безнадежной.
Онъ зналъ: погибнетъ Римъ отцовъ.
Но предъ толпой не лицемѣрилъ.
Чѣмъ меньше вѣрилъ онъ въ боговъ,—
Тѣмъ больше въ правду вѣрилъ

Владѣя міромъ, никого
Онъ даже словомъ не обидѣлъ,
За Римъ, не вѣря въ торжество,
Онъ умеръ и предвидѣлъ,
Что Риму не воскреснуть вновь,
Но отдалъ все, что было въ жизни—
Свою послѣднюю любовь,
Послѣдній вздохъ отчизнѣ.
Въ душѣ правдивой и простой,
Навѣки чуждой ослѣпленья,
Была не вѣра, а покой
Великаго смиренья.
Онъ, исполняя долгъ, страдалъ
Безъ вдохновенья, безъ отрады,
И за добро не ожидалъ
И не хотѣлъ награды.
Теперь стоитъ онъ, одинокъ
Подъ голубыми небесами
На Капитоліи, какъ богъ,
И ясными очами
Глядитъ на будущее, въ даль:
Онъ бросилъ дольней жизни тягость.
Въ лицѣ—спокойная печаль
И неземная благость.

Римъ.
1891 г.

ТЕРМЫ КАРАКАЛЛЫ.

Дремлютъ сумрачные залы,
Зеленѣетъ влажный мохъ,
Слышенъ въ термахъ Каракаллы
Вѣтра жалобнаго вздохъ.
Межъ аркадъ синѣютъ тучи,
Сохнетъ мертвый и колючій

Листъ терновника въ пыли,
Тамъ, гдѣ прежде, въ сладкой тѣни,
Мозаичныя ступени
Къ банямъ мраморнымъ вели;
Гдѣ сенаторы-вельможи,
Главы царственныхъ семей
Императору на ложе
Приводили дочерей;
Жертвы слышалось стенанье
И во мглѣ какъ поцѣлуй,
Сладкогласное журчанье
Въ мраморъ падающихъ струй;
Гдѣ лукаво-благосклонный,
Нѣжный ликъ склоняя внизъ,
Улыбался Адонисъ,
Солнцемъ юга озаренный;
Гдѣ смотрѣли съ высоты,
Какъ послушныя рабыни,
Олимпійскія богини
Въ обаяньи красоты...
А теперь пугаютъ взгляды
Въ блескѣ солнечныхъ лучей
Только пыльныя громады
Обнаженныхъ кирпичей.
Все погибло невозвратно...
Голубыя небеса
Межъ развалинъ, — мнѣ понятна
Ваша вѣчная краса!
Миръ кругомъ, и рядомъ съ тлѣньемъ
Сердцу кажется живой,
Полной вѣчнымъ вдохновеньемъ
Пѣсня птички полевой!..

Римъ.
1891 г.

СОРРЕНТО.

О Помпея далекая, рощи лимонныя,
Очертанья Везувія легкія, чистыя,
Въ темнолистныхъ, поникшихъ вѣтвяхъ золотистые,
Разогрѣтые солнцемъ, плоды благовонные!..
О Сорренто, великаго моря дыханіе, —
Это все обаяніе
Возвращаетъ меня къ мой первой любви...
Не ревнуй и природу чужой не зови,
И не бойся, что я предаюсь ея нѣжности,
Что забуду тебя я въ безбрежности
Тихо спящаго моря, вдали отъ людей,
Что сравню съ красотою мгновенной твоей
Красоту эту вѣчную,..

* * *

Милая, душу живую твою
Здѣсь я въ природѣ еще беззавѣтнѣй люблю,
Душу твою безконечную!

1891 г.

КАПРИ.

Больше словъ твоихъ ласковыхъ, больше, чѣмъ все,
Успокоили бѣдное сердце мое
Эти волны, къ страданьямъ моимъ равнодушныя,
И надъ радостнымъ моремъ вдали,
Въ золотистой пыли,
Очертанья Капреи воздушныя!

1891 г.

ПРАЗДНИКЪ СВ. КОНСТАНЦІЯ.

Межъ сѣдыхъ утесовъ Капри,
У залива голубого—
Третій день веселый праздникъ
Въ честь Констанція Святого.
Розы падаютъ съ балконовъ,
Дѣти пляшутъ и хохочутъ,
И счастливаго народа
Волны пестрыя клокочутъ.
Промелькнуло знамя Капри...
И церковные напѣвы
Раздаются надъ толпою,
И въ вѣнкахъ проходятъ дѣвы.
Словно ангелы, сіяютъ
Бѣлизной одеждъ линейной,
И умолкъ, и разступился
Весь народъ благоговѣйно.
Вотъ и самъ Констанцій въ митрѣ
Съ высоты на чернь взираетъ,
Какъ живой, и въ блескѣ солнца
Ликъ серебряный мерцаетъ.
На носилкахъ онъ, какъ идолъ,
Возсѣдаетъ величаво,
Словно котъ—на солнцѣ, жмурясь,
Улыбается лукаво...
Пѣсни грянули, литавры,
Грохотъ праздничныхъ хлопушекъ...
И въ прибрежьи дикомъ эхо
Скалъ отвѣсныхъ громче пушекъ.
И кругомъ—восторгъ безумный...
Но въ душѣ моей—тревога:
Это праздникъ всенародный—
Въ честь языческаго бога.
Гдѣ же духъ Христовой церкви?
Гдѣ смиренныя молитвы?
Вкругъ Святого бомбъ гремящихъ

Вьется дымъ, какъ послѣ битвы!..
Хорошо, что здѣсь на Капри
Не живу я за три вѣка:
Древнимъ идоламъ—опасенъ
Духъ свободный человѣка.
Втайнѣ думаетъ Констанцій,
На меня взирая строго:
«Хорошо бы сжечь безумца
На кострѣ во славу Бога!»

. . . . . .

Изъ лимонныхъ рощъ Сорренто
Свѣжій вѣтеръ прилетаетъ,
И божественной улыбкой
Море вѣчное блистаетъ.
И кругомъ въ отвѣтъ народу
На восторженные крики
Въ самомъ сердцѣ скалъ гранитныхъ
Содрогнулся островъ дикій...

Капри.
1891 г.

ВЕЗУВІЙ.

Глубоко тонутъ ноги въ тепломъ пеплѣ,
И ослѣпительно, какъ будто солнцемъ
Озарена, желтѣетъ сѣра. Къ безднѣ
Я подошелъ и въ кратеръ заглянулъ:
Горячій паръ клубами вырывался...
Послышались тяжелые удары,
Подземный громъ и гулъ, и клокотанье...
Сверкнулъ огонь!..
Привѣтъ тебѣ, о древній,
Великій Хаосъ, Праотецъ вселенной!
Я счастливъ тѣмъ, что нѣтъ въ душѣ смиренья
Передъ тобой, слѣпая власть природы!..

Меня стереть съ лица земли ты можешь,
Но все твое могущество—ничто
Передъ одной непобѣдимой искрой,
Назло богамъ зажженной Прометеемъ
Въ моемъ свободномъ сердцѣ!..
Я здѣсь стою, никѣмъ не побѣжденный,
И къ небесамъ поднявъ чело,
Тебя ногами попираю,
О древній Хаосъ, Праотецъ вселенной!

1891 г.

ПОМПЕЯ.

I.

Безпечный жилъ народъ въ счастливомъ городкѣ;
Любилъ онъ красоту и дольней жизни сладость;
Была въ его душѣ младенческая радость.
Вѣнчанный гроздьями и съ чашею въ рукѣ,
Смѣялся мѣдный фавнъ, и украшали стѣну
То хороводы музъ, то пляшущій кентавръ.
Въ тѣ дни умѣли жить и жизни знали цѣну:
Пенатовъ бронзовыхъ скрывалъ поникшій лавръ,
Въ уютныхъ домикахъ все радовало чувство.
Начертанъ былъ рукой художника узоръ
Домашней утвари и кухонныхъ амфоръ;
У древнихъ даже въ томъ—великое искусство,
Какъ столикъ мраморный поддерживаетъ Грифъ
Когтистой лапою, свой острый клювъ склонивъ,
Ихъ бани вознеслись, какъ царскіе чертоги,
Во храмахъ мирные, смѣющіеся боги
Взираютъ на толпу, и приглашаетъ всѣхъ
Къ безпечной радости ихъ благодатный смѣхъ,
Здѣсь даже въ смерти нѣтъ ни страха ни печали:
Подъ кипарисами могильный барельефъ
Изображаетъ нимфъ и хоры сельскихъ дѣвъ,

И радость буйную священныхъ вакханалій.
И надо всѣмъ—твоя привѣтная краса,
Воздушно-голубой заливъ Партенопеи!
И дымъ Везувія надъ кровлями Помпеи,
Нестрашный никому, восходитъ въ небеса,
Подобный облаку, и розовый, и нѣжный,
Блистая на зарѣ улыбкой безмятежной.

II.

Но смерть и къ нимъ пришла; подъ огненнымъ дождемъ,
На городъ падавшимъ, подъ грозной тучей пепла
Толпа отъ ужаса безумнаго ослѣпла:
Отрады человѣкъ не находилъ ни въ чемъ.
Теряя съ жизнью все, въ своихъ боговъ не вѣря,
Онъ молча умиралъ, безпомощнѣе звѣря.
Подножья идоловъ онъ съ воплемъ обнималъ,
Но Олимпійскій богъ, блаженный и прекрасный,
Облитый заревомъ, съ улыбкой безучастной
На мраморномъ лицѣ, моленьямъ не внималъ.
И гибло жалкое, безпомощное племя:
Торжествовала смерть, остановилось время,
Умолкъ послѣдній крикъ... И лишь одинъ горитъ
Везувій въ черной мглѣ, какъ факелъ Евменидъ.

III.

Надъ городомъ вѣка неслышно протекли,
И царства рушились; но пепломъ сохраненный,
Донынѣ онъ лежитъ, какъ трупъ непогребенный,
Среди безрадостной и выжженной земли.
Кругомъ—послѣдняго мгновенья ужасъ вѣчный,—
Въ низверженныхъ богахъ съ улыбкой ихъ безпечной,
Въ остаткахъ, отъ одеждъ, отъ хлѣба и плодовъ,
Въ безмолвныхъ комнатахъ и опустѣлыхъ лавкахъ
И даже въ ларчикѣ съ флакономъ для духовъ,
Въ коробчкѣ румянъ, въ запястьяхъ и булавкахъ;
Какъ будто бы вчера прорытъ глубокій слѣдъ

Тяжелымъ колесомъ повозокъ нагруженныхъ,
Какъ будто мраморъ бань былъ только что согрѣтъ
Прикосновеньемъ тѣлъ, елеемъ умащенныхъ.
Воздушнѣе мечты—картины на стѣнѣ:
Тритонъ на водяномъ чешуйчатомъ конѣ,
И въ ризахъ вѣющихъ божественныя Музы:
Здѣсь все кругомъ полно могильной красоты
Не мертвой, не живой, но вѣчной, какъ Медузы
Окаменѣлыя отъ ужаса черты..

. . . . . .

А въ голубыхъ волнахъ бѣлѣютъ паруса,
И дымъ Везувія, красою безмятежной
Блистая на зарѣ, восходитъ въ небеса,
Подобный облаку и розовый, и нѣжный...

1891 г.

ТИБУРЪ.

Тибуръ, Тибуръ, зеленый многоструйный,
Священныя руины, водопады,
Ревущіе въ скалахъ волною буйной,
Нептуновъ гротъ, исполненный прохлады,
И радуги на солнцѣ—въ легкой пыли
Шумящихъ водъ, дыханье бѣлыхъ лилій
И сосенъ южныхъ плоскія вершины,
А тамъ вдали, въ сіяющемъ просторѣ—
Великій Римъ, и свѣтлыя равнины,
Волнистыя, похожія на море...
О древнее жилище Мецената,
Какъ жалобной мелодіей, невольно
О прежнихъ дняхъ душа тоской объята!..
Мнѣ Рима жаль, мнѣ радостно и больно...
Въ раздуміи предъ виллой Марка Брута
Стою въ тиши завѣтнаго пріюта,
Гдѣ горевалъ о гибнущемъ народѣ,
О древности великой и свободѣ,

Убійца твой, о Цезарь всемогущій!..
А рядомъ здѣсь, подъ миртовою кущей
Еще звучитъ, полна любовной нѣги,
Гармонія Тибулловыхъ элегій...
Благослови, о странникъ, эти воды,
И влажные, таинственные своды,
Жилище нимфъ и Рима прахъ священный...
Тибуръ, Тибуръ, о край благословенный!..

Римъ.
1891 г.

«ADDIO NAPOLI»,

Слабѣетъ моря гулъ прощальный,
Какъ сонный шопотъ Нереидъ,
Напѣвъ далекій и печальный—
«Addio Napoli» звучитъ...
Какъ тихій жертвенникъ, дымится
Везувій въ свѣтлой вышинѣ,
Огонь краснѣетъ при лунѣ,
И бѣлый дымъ надъ нимъ клубится...
Мнѣ безконечно дорога,
Земля твоихъ цвѣтущихъ склоновъ,
Сорренто съ рощами лимоновъ.
О, золотые берега!..
Прохлада гротовъ—въ полдень жаркій,
Гдѣ голубымъ огнемъ горитъ
Волна, кидая на гранитъ
Дрожащей влаги отблескъ яркій,
Гдѣ камни скрылъ подводный мохъ,
Гдѣ днемъ и ночью Океана
Въ глубокой безднѣ слышенъ вздохъ,
Подобный музыкѣ органа.
И въ томъ, какъ шепчется трава,
И въ томъ, какъ плачетъ непогода,
Хотѣлъ подслушать я, Природа,

Твои сердечныя слова!
Искалъ я въ ропотѣ потоковъ,
Искалъ въ тиши твоихъ ночей
Еще непонятыхъ намековъ,
Твоей души, твоихъ рѣчей...
Теперь ты кажешься мнѣ сказкой,
Сорренто! Сѣверъ впереди...
Но шепчетъ Югъ съ послѣдней лаской:
«Не уходи, не уходи!»
Слабѣетъ моря гулъ прощальный,
Какъ сонный шопотъ Нереидъ,
Напѣвъ далекій и печальный:
«Addio Napoli» звучитъ...

Неаполь.
1891 г.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

О, березы, даль нѣмая,
Грустныя поля...
Это ты,—моя родная,
Бѣдная земля!
Непокорный сынъ къ чужбинѣ,
Къ волѣ я ушелъ,
Но и тамъ въ моей кручинѣ
Я тебя нашелъ.
Тамъ у моря голубого,
У чужихъ людей
Полюбилъ тебя я снова
И еще сильнѣй.
Нѣтъ! Не можетъ объ отчизнѣ
Сердце позабыть,
Край родной, мнѣ мало жизни,
Чтобъ тебя любить!..
Теплый вечеръ догораетъ
Полный тихихъ грезъ,

Но заря не умираетъ
Межъ вѣтвей березъ.
Милый край, съ улыбкой ясной
Я умру, какъ жилъ,
Только бъ знать, что не напрасно
Я тебя любилъ!

1891 г.

НЕБО И МОРЕ.

Небо когда-то въ печальную землю влюбилось,
Съ нѣгою страстной въ объятья земли опустилось...
Стали съ тѣхъ поръ небеса океаномъ безбрежнымъ,
Вѣчнымъ, какъ небо,—какъ сердце людское, мятежнымъ.
Любитъ онъ землю и берегъ холодный цѣлуетъ,
Но и о звѣздахъ, о звѣздахъ родимыхъ тоскуетъ...
Хочетъ о небѣ забыть океанъ и не можетъ:
Скорбь о родныхъ небесахъ его вѣчно тревожитъ.
Вотъ отчего онъ порою къ нимъ рвется въ объятья,
Мечется, стонетъ, землѣ посылаетъ проклятья...
Тщетно! Вернется къ ней море и, полное ласки,
Будетъ ей вновь лепетать непонятныя сказки.
Мало небесъ ему, міръ ему кажется тѣснымъ,
Вѣчно земное въ груди его споритъ съ небеснымъ!

1889 г.

У МОРЯ.

Сквозь тучи солнце жжетъ, и душно предъ грозой.
Тяжелый запахъ травъ серебряно-зеленыхъ
Смѣшался въ воздухѣ со свѣжестью морской,
Съ дыханьемъ волнъ соленыхъ.
И шепчетъ грозныя, невнятныя слова
Сердитый валъ, съ гранитомъ споря...

Зловѣщей блѣдностью покрылась синева
Разгнѣваннаго моря.
О, мощный Океанъ, прекрасенъ и угрюмъ
Какъ плачъ непонятый великаго поэта,—
Останется навѣкъ твой безпредѣльный шумъ
Вопросомъ безъ отвѣта!

1889 г.

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА.

Нѣмая вилла спитъ подъ пѣнье волнъ мятежныхъ...
Здѣсь грустью дышитъ все, и небо, и земля,
И сѣнь плакучихъ ивъ, и маргаритокъ нѣжныхъ
Безмолвныя поля...
Сквозь сонъ журчатъ струи въ тѣни кустовъ лавровыхъ,
И стаи пчелъ гудятъ въ заросшихъ цвѣтникахъ,
И острый кипарисъ надъ кущей розъ пунцовыхъ
Чернѣетъ въ небесахъ...
Зато, незримыя, цвѣтутъ пышнѣе розы,
Таинственнѣе льетъ фонтанъ въ тѣни вѣтвей
Невидимыя слезы,
И плачетъ соловей...
Его уже давно, давно никто не слышитъ,
И окна ставнями закрыты много лѣтъ...
Межъ тѣмъ какъ все кругомъ глубокимъ счастьемъ дышитъ,—
Счастливыхъ нѣтъ!
Зато въ тѣни аллей живетъ воспоминанье
И сладостная грусть умчавшихся годовъ,—
Какъ чайной розы теплое дыханье,
Какъ музыка валовъ...

Мисгоръ.
1889 г.

ХРИСТОСЪ, АНГЕЛЫ И ДУША.

(Мистерія XIII вѣка).

I.

АНГЕЛЫ.

Какъ нищій съ сумкой бѣдной,
Куда идешь, Христосъ,
Ты горестный и блѣдный,
Одинъ въ юдоли слезъ?

ХРИСТОСЪ.

Иду я въ міръ унылый
Къ возлюбленной моей,
Назвавъ невѣстой милой,
Я сердце отдалъ ей.
Она меня любила,
Но, клятвы не храня,
Невѣста измѣнила,
Покинула меня.
И все о ней тоскую,
И все ее люблю,
Люблю я дщерь земную
Избранницу мою.
Я далъ ей духъ свободный,
Ее одну любя,
Я сдѣлалъ благородной,
Похожей на себя.
Я далъ ей плоть въ рабыни
И волю для борьбы,
Она же стала нынѣ
Рабой своей рабы.
Она—во власти тѣла,
И Господа забывъ,
Дары мои презрѣла,
Отвергла мой призывъ

АНГЕЛЫ.

Но той, кто всѣхъ дороже,
Кого ты такъ любилъ,
Сказать ли намъ, о Боже,
Что ты ее простилъ?

ХРИСТОСЪ.

Скорѣй несите вѣсти
Возлюбленной моей,
Что я простилъ невѣстѣ,
Что я грущу о ней.
Зачѣмъ же длить разлуку?
Скажите, чтобъ пришла,
Чтобъ милаго на муку,
На смерть не обрекла.
И брачныя одежды
Я возвращу ей вновь,—
И всѣ мои надежды,
И всю мою любовь!

II.

АНГЕЛЫ.

Душа въ оковахъ тѣла
И смерти, и грѣха,
Ты Господа презрѣла,
Отвергла Жениха.
Поднять не смѣешь вѣжды,
Не можешь встать съ земли,
Разорваны одежды,
Чело твое—въ пыли.

ДУША.

Изгнанницею рая
Живу я во грѣхѣ,
Скорбя и вспоминая
О миломъ Женихѣ.

И тщетно, умирая
Въ порокѣ и во злѣ
Покинутаго рая
Ищу я на землѣ.

АНГЕЛЫ.

Омой слезами очи,
Съ надеждой подымись,
Скорѣй изъ мрака ночи
Ты къ Господу вернись.
Тебя Онъ приметъ снова,
Забудь печаль и страхъ,
Не скажетъ Онъ ни слова,
Не вспомнитъ о грѣхахъ.

ДУША.

О гдѣ же Онъ?.. Далеко
Отъ Бога моего,
Я плачу одиноко,
Умру я безъ Него...
Скажите мнѣ, скажите,
Видалъ ли кто-нибудь,
Гдѣ Милый, укажите
Къ Возлюбленному путь!

АНГЕЛЫ.

Мы видѣли: распятый,
Одинъ на высотѣ
Голгоѳы, тьмой объятой,
Страдалъ Онъ на крестѣ
Въ тоскѣ изнемогая,
Но все еще любя,
Спаситель, умирая,
Молился за тебя...

ДУША.

Я плакать буду вѣчно.
За міръ Онъ пролилъ кровь,
Любилъ такъ безконечно,
И умеръ за любовь!..
Въ любви—какая сила!..
Любовь, о для чего
Безумная, убила
Ты Бога моего?

МОНАХЪ.

(Легенда).

Надъ Новымъ Завѣтомъ склонился монахъ молодой,
Онъ полонъ святой, безконечной отрады;
На древнемъ пергаментѣ съ тихой зарей
Сливается отблескъ лампады;
И тусклыя, желтыя грани стекла
Въ готическихъ окнахъ денница зажгла.
Прочелъ онъ то мѣсто, гдѣ пишетъ въ посланіи Павелъ:
«Какъ день передъ Господомъ—тысячи лѣтъ!»—
И Новый Завѣтъ
Въ раздумьѣ оставилъ
Смущенный монахъ и, сомнѣньемъ объятъ,
Печальный, идетъ онъ изъ кельи, не видитъ, не слышитъ
Какъ утро въ лицо ему дышитъ,
Какъ свѣжъ монастырскій запущенный садъ.
Но вдругъ, какъ изъ рая, послышалось чудное пѣнье
Какой-то невѣдомой птицы въ росистыхъ кустахъ—
И въ сладкихъ мечтахъ
Забылъ онъ сомнѣнье,
Забылъ онъ себя и людей.
Онъ слушаетъ жадно, не можетъ наслушаться вволю,
Все дальше и дальше, по рощѣ и полю
Идетъ онъ за ней.

Той пѣсней вполнѣ не успѣлъ онъ еще насладиться,
Когда ужъ замѣтилъ, что—поздно, что съ темныхъ небесъ
Вечернія росы упали на долы, на лѣсъ,
Пора въ монастырь возвратиться.
Подходитъ онъ къ саду, глядитъ—и не вѣритъ очамъ:
Не тѣ уже башни, не тѣ уже стѣны, и гуще
Деревьевъ зеленыя кущи.
Стучится въ ворота.—«Кто тамъ?»
Привратникъ глядитъ на него изумленный.
Онъ видитъ—все чуждо и ново кругомъ,
Изъ братьевъ-монаховъ никто незнакомъ...
И въ трапезу робко вступилъ онъ, смущенный.
«Откуда ты, странникъ?»—«Я братъ вашъ!»—«Тебя никогда
Никто здѣсь не видѣлъ»... Онъ годы свои называетъ—
Тѣ юные годы умчались давно безъ слѣда...
Сѣдая, какъ лунь, борода
На грудь упадаетъ.
Тогда изъ-за трапезы всталъ
Игуменъ; толпа разступилась предъ нимъ молчаливо,
Онъ кипу пергаментовъ пыльныхъ досталъ изъ архива
И долго искалъ...
И въ хроникѣ древней они прочитали
О томъ, какъ однажды поутру весной
Пошелъ изъ обители въ поле монахъ молодой...
Безъ вѣсти пропалъ онъ, и больше его не видали...
Съ тѣхъ поръ три столѣтья прошло...
Онъ слушалъ—и тѣнью печали
Покрылось чело.
«Увы! три столѣтья... о, птичка, пѣвунья лѣсная!
Казалось—на мигъ, на одинъ только мигъ
Забылся я, пѣснѣ твоей сладкозвучной внимая—
Вѣка пролетѣли минутой!»—и, очи смежая,
Промолвилъ онъ: «Вѣчность я понялъ!»—главою поникъ
И тихо скончался старикъ.

ИМОГЕНА.

(Средневѣковая легенда).

«Лютой казни ты достоинъ...
Какъ до выси небосклона,—
Далеко оруженосцу—
До наслѣдницы барона!
Но въ любви къ тебѣ призналась
Имогена,—я прощаю;
Божій судъ великодушно
Вамъ обоимъ предлагаю.
Ты возьмешь ее на плечи,
По скаламъ и по стремнинѣ
Ты пойдешь съ безцѣнной ношей
Ко кресту на той вершинѣ.
Путь не легокъ: поскользнешься—
Смерть обоимъ... Если жъ съ нею
До креста дойдешь,—навѣки
Будетъ дочь моя твоею.
Что жъ, согласенъ?»—«Да».—«До завтра».
Грозный часъ насталъ. Собранье
Ждетъ, окованное страхомъ,
Рокового испытанья.
Самъ баронъ мрачнѣе ночи.
Опустилъ угрюмо вѣжды;
Только тѣ, кто любятъ, полны
Чудной силы и надежды.
И съ отвагой, и съ любовью,
Онъ беретъ ее на плечи,
И она ему краснѣя,
Шепчетъ ласковыя рѣчи...
Вотъ сигналъ,—по дикой кручѣ
Онъ идетъ... Предъ ними бездна...
Но въ очахъ его отвага,
Съ милой смерть ему любезна.
Изъ-подъ ногъ сорвался камень,—

Онъ дрожитъ, изнемогаетъ...
Но такъ нѣжно Имогена
Кудри милаго ласкаетъ.
И въ очахъ блеснуло счастье,
И легко надъ страшной кручей
Онъ прошелъ какимъ-то чудомъ,
Безмятежный и могучій.
А надъ нимъ она, въ лазури,
Съ золотыми волосами,
Въ бѣломъ платьѣ—словно ангелъ
Съ бѣлоснѣжными крылами
Но таковъ удѣлъ нашъ горькій:
Кто намъ дорогъ, кто насъ любитъ,—
Обнимая, вмѣстѣ въ бездну
Увлекаетъ насъ и губитъ,
Съ каждымъ шагомъ все тяжеле
Давитъ ноша, и, склоняясь:
«Тяжко мнѣ, я умираю»...
Прошепталъ онъ, задыхаясь...
Но она взглянула въ очи
И «люблю» ему сказала,
И безумная отвага
Въ гордомъ взорѣ заблистала.
Вся—надежда, вся—молитва
Имогена, въ страстной мукѣ,
Чтобы легче быть—высоко
Подымаетъ къ небу руки..
Вотъ и крестъ... Еще мгновенье—
И достигъ онъ цѣли... Блѣдный,
Палъ онъ съ ношей драгоцѣнной,
И раздался крикъ побѣдный:
«Ты моя, моя навѣки!»
«Поскорѣй разнять ихъ!» грозно
Закричалъ баронъ... Со свитой
Онъ примчался—было поздно...
Слишкомъ крѣпко Имогена
Обвила его руками...

На лицѣ покой и счастье,
И уста слились съ устами.
«Что жъ вы медлите? скорѣе
Разлучить ихъ!» Но стояли
Всѣ, поникнувъ головою,
Полны страха и печали.
Лишь одинъ отвѣтилъ робко:
«Никакая власть и сила
Раздѣлить, баронъ, не можетъ
То, что смерть соединила»

1889 г.

Томимый грустью непонятной,
Всегда чужой въ толпѣ людей,
Лишь тамъ, въ природѣ благодатной
Я сердцемъ чище и добрѣй.
Мнѣ счастья, Господи, не надо!
Но я пришелъ, чтобъ здѣсь дышать
Твоихъ лѣсовъ живой прохладой
И листьямъ шепчущимъ внимать.
Пусть росы падаютъ на землю
Слезами чистыми зари...
Твоимъ глаголамъ, Боже, внемлю:
Открыто сердце,—говори!

1890 г.

СМѢХЪ БОГОВЪ.

Легокъ, свѣтелъ, какъ блаженный
Олимпійскій смѣхъ боговъ,
Многошумный, неизмѣнный
Смѣхъ безчисленныхъ валовъ!
Страшенъ былъ ихъ гимнъ побѣдный
Въ бурной тьмѣ, когда по нимъ
Одиссей, скиталецъ бѣдный,

Мчался ужасомъ томимъ.
И покрытый черной тиной,
Какъ обломокъ корабля,
Царь былъ выброшенъ пучиной,
Нелюдимая земля, —
На пески твоей пустыни,
И среди холодныхъ скалъ
Съ благодарностью Аѳинѣ
Онъ молитвы возсылалъ...
Въ Привидѣнье вѣры полный,
Ты не видишь, Одиссей,
Какъ смѣются эти волны
Надъ молитвою твоей.
Многошумный, неизмѣнный
Смѣхъ безчисленныхъ валовъ—
Легокъ, свѣтелъ, какъ блаженный
Олимпійскій смѣхъ боговъ.

На Черномъ морѣ,
1889 г.

ГИМНЪ КРАСОТѢ.

Слава, Киприда, тебѣ,—
Намъ—въ безпощадной борьбѣ
Жизнь красотой озарившая.
Пѣной рожденная,
Міръ побѣдившая,
Непобѣжденная!

* * *

Изъ волны зеленой вышла ты, стыдливая,
И воздушна, какъ мечта,
Тѣла юнаго сверкала нагота
Горделивая!
Укротительница бурь,

Улеглась у ногъ твоихъ стихія злобная,—
Нектару подобная,
Вкругъ тебя кипѣла, искрилась лазурь...
Какъ отъ розы—благовоніе,—
Такъ отъ тѣла твоего
Вѣетъ силы торжество,
Счастье и гармонія!..
Все ты наполняешь, волны и эѳиръ
И какъ пахарь въ ниву—сѣмена несмѣтныя,
Ты бросаешь въ міръ
Солнца искрометныя!..
Ступишь—предъ тобою хаосъ усмиряется,
Взглянешь—и ликуетъ вся земная тварь,
Самъ Тучегонитель, Громовержецъ-царь
Предъ тобой склоняется...
Все тебѣ подвластно, все—земля и твердь:
Ты одной улыбкой нѣжною,
Безмятежною
Побѣждаешь Смерть!

* * *

Слава, Киприда, тебѣ,—
Намъ въ безпощадной борьбѣ
Жизнь красотой озарившая,
Пѣной рожденная,
Міръ побѣдившая,
Непобѣжденная!..

На Черномъ морѣ,
1889 г.

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛІЯ.

I.

Вступленіе.

Ужель нельзя писать, забывъ хотя на мигъ
Про то, какъ пишутся новеллы и романы,
Отвергнувъ, наконецъ, условные обманы
Ненужныхъ вымысловъ и спутанныхъ интригъ?
Ужель изобразить мнѣ легче смерть и муку
Героевъ, гибнущихъ въ невиданномъ бою,
Чѣмъ разговоръ съ женой и комнату мою,
Унылый видъ въ окно и будничную скуку?
А между тѣмъ изъ нихъ, изъ этихъ мелочей,
Забытыхъ книгами и слишкомъ некрасивыхъ,
Чтобъ ихъ разсказывать въ строфахъ краснорѣчивыхъ,
Слагается вся жизнь, простая жизнь людей.
И мысль одна давно мнѣ не даетъ покоя:
Нельзя ли безъ интригъ, безъ драмы, безъ героя
Перенести въ разсказъ изъ жизни цѣликомъ
Тотъ маленькій мірокъ, съ которымъ я знакомъ?
Мнѣ было жаль срывать живой и благовонный
Цвѣтокъ, чтобъ положить въ гербарій запыленный;
Изъ нѣдръ родныхъ полей заботливой рукой
Я вырѣжу его съ дрожащими листами—
Такимъ, каковъ онъ есть—съ пахучею землей,
И каплями росы, и влажными корнями...

II.

На дачѣ подъ Москвою.

Бранятъ нашъ Петербургъ, нашъ Сѣверъ, а межъ тѣмъ
Что можетъ быть скучнѣй деревни подмосковной!
Страна фабричная: я самъ не знаю, чѣмъ
Мнѣ здѣсь противно все,—уныло плоско, ровно...
Сквозь вырубленный лѣсъ, среди безплодныхъ нивъ,
По рельсамъ блещущимъ гремитъ локомотивъ.
А въ селахъ—кабаки, огромные заводы,
Рабочій пьяный людъ: здѣсь больше нѣтъ природы.
И вѣчно къ небесамъ возносятся клубы
Фабричной копоти, и силуэтъ трубы,
Царящій надо всѣмъ, мнѣ портитъ голубую,
Таинственную даль, печальную, родную...
Должно-быть, этотъ край не даромъ угнеталъ
Нашъ современный богъ, могучій капиталъ!
А между тѣмъ и здѣсь, въ прогулкѣ одинокой,
Зайдешь, бывало, въ глушь: кругомъ лѣсная мгла,
Зеленый мохъ, грибы, мохнатая пчела,
А небо межъ вѣтвей такъ ясно, такъ глубоко,
Что чувствуешь себя отъ всѣхъ людей вдали,
Въ деревнѣ подъ Москвой, какъ на краю земли.
Довольно двухъ иль трехъ деревьевъ, чтобъ понятной
Намъ сдѣлалась вся жизнь природы необъятной;
Такъ двухъ иль трехъ людей довольно, чтобъ познать
Всѣ бездны темныя души, весь міръ сердечный
Съ его поэзіей, любовью безконечной
И всѣмъ, чего нельзя словами разсказать...

III.

Бабушка.

Но приступить давно пора къ моей задачѣ
Хотѣлъ я описать, безъ вымысла, одну
Семью, съ которой жилъ я нѣкогда на дачѣ,
Въ деревнѣ подъ Москвой. Я съ бабушки начну.

Когда-то и она хозяйкой домовитой
И матерью была, и любящей женой;
Теперь чужая всѣмъ она въ семьѣ родной;
Какъ призракъ дней былыхъ, живетъ почти забытой.
Есть что-то строгое въ чертахъ, какъ будто слѣдъ
Невзгодъ пережитыхъ; она одѣта просто;
Согнувшись, сгорбившись—почти такого роста,
Какъ внучка младшая—одиннадцати лѣтъ,
Не помнитъ бабушка, что было съ ней—ни муки,
Ни радости: она какъ въ полуснѣ живетъ.
Сидитъ на сундучкѣ и цѣлый день отъ скуки
Ѣстъ кашку манную, да чай въ прикуску пьетъ;
Порой по комнатамъ чего-то ищетъ, бродитъ,
Храня заботливый и недовольный видъ,
И, думая, что въ дверь отворенную входитъ,
У отпертыхъ шкафовъ задумчиво стоитъ.
«Куда вы, бабушка?»—кричатъ ей, но слѣпая
Предметъ ощупаетъ тихонько, не спѣша,
Потомъ уйдетъ, вздохнувъ, платокъ перебирая
Худыми пальцами, и туфлями шурша.
И пахнетъ табачкомъ отъ кацавейки длинной,
Отъ рукъ морщинистыхъ,—такъ пахнетъ иногда
Въ шкатулкахъ дѣдовскихъ, гдѣ многіе года
Таится ароматъ подъ крышкою старинной...
Порою бѣдная, поднявъ упорный взглядъ,
Рѣчамъ живыхъ людей съ усильемъ долго внемлетъ,
Ей хочется понять, но скажетъ невпопадъ
И вновь беззубымъ ртомъ жуетъ и будто дремлетъ.
Какъ малое дитя, она глядитъ на всѣхъ
Съ недоумѣніемъ и робостью послушной,
И у нея такой безсильный, добрый смѣхъ,
Просящій жалости, какъ будто простодушно
Старушка надъ собой смѣется, и порой
Я думаю: зачѣмъ жила она, любила,
Страдала? Гдѣ же цѣль всей жизни прожитой?
И вотъ, что всѣхъ насъ ждетъ, а впереди—могила.
Осталось ей одно: съ корзинкою грибовъ,

Бывало, дѣвочки усталыя вернутся,
«Гдѣ, родненькія, гдѣ?...»—на звукъ ихъ голосовъ
Слѣпая ощупью бредетъ. Онѣ смѣются,
Обнявъ ее... Едва ихъ голосъ прозвенѣлъ,
Старушка ожила, и взоръ не такъ печаленъ,
Какъ будто золотой лучъ солнца заблестѣлъ
На сумрачныхъ камняхъ покинутыхъ развалинъ...
Въ слѣпые, бѣдные глаза, въ беззубый ротъ
Губами свѣжими ее цѣлуютъ внучки,—
Веселью нѣтъ конца,—и маленькія ручки
Въ дрожащую ладонь, смѣясь, она беретъ.
И рядомъ съ желтою, пергаментною кожей
Поблекшаго лица лукавый блескъ въ очахъ,
И смѣхъ, и ямочки на розовыхъ щекахъ
Мнѣ кажутся еще прекраснѣй и моложе.
И кротко свѣтится безсмертная любовь
Въ глазахъ у бабушки. Такъ вотъ—чего могила
У насъ не можетъ взять!.. И мнѣ понятно вновь,
Зачѣмъ она жила, зачѣмъ она любила.

IV.

Тетя Надя.

А все же бабушка отъ внучекъ далека,
И смотрять дѣвочки на бѣдную старушку
Такъ снисходительно, немного свысока,
Какъ на старинную, любимую игрушку.
Душою близкій къ ней и преданный навѣкъ
Остался на землѣ одинъ лишь человѣкъ—
То тетя Надя, дочь старушки...

. . . . . .

Говорятъ,
Она красавицей была. Теперь некстати
Еще кокетлива; въ дырявыхъ башмакахъ
И съ заспаннымъ лицомъ, и скукою въ глазахъ,
Всегда растрепана, въ замаранномъ халатѣ,
Она по комнатамъ блуждаетъ. Въ пустотѣ,

Въ которой жизнь ея проходитъ, сплетни съ прачкой,
Забота, чтобъ вскипѣлъ кофейникъ на плитѣ,
Прогулка въ лавочку за нитками, за пачкой
Какихъ-то пуговокъ, пасьянсъ, потомъ ѣда,
И сонъ, и штопанье чулокъ,—вотъ всѣ занятья.
Порою шьетъ она причудливыя платья
Изъ кружевъ, пышныхъ лентъ и яркихъ лоскутковъ—
Приманка жалкая, соблазнъ для жениховъ.
А чаще попросту, сложивъ покорно руки,
На крышу, на воронъ глядитъ въ окно отъ скуки
И только медленно, зѣвая, креститъ ротъ.
А рядомъ, на софѣ, лежитъ сибирскій котъ—
Пушистый, съ нѣжными, прозрачными глазами,
Какъ изумрудъ—но злой и съ острыми когтями.
Лампадка теплится предъ образомъ въ тиши...
Такъ много лѣтъ втроемъ вдали отъ міра жили
Старушка, сѣрый котъ и тетя. Въ немъ души
Онѣ не чаяли, но вѣрно обкормили
Любимца жирнаго, и бѣдный котъ издохъ.
Все счастье тетеньки его послѣдній вздохъ
Унесъ навѣкъ. Съ тѣхъ поръ пустая жизнь безъ дѣла
Еще печальнѣе. Но я подмѣтить могъ
И въ ней одинъ святой, завѣтный уголокъ:
Холодная ко всѣмъ, любовью безъ предѣла,
Ревнивой, женскою она любила мать;
И днемъ, и ночью съ ней,—умѣла разговоромъ,
Картинкой, лакомствомъ иль просто нѣжнымъ взоромъ
Старушку, какъ дитя больное, утѣшать.
И кто бы ни дерзнулъ обмолвиться намекомъ,
Что память бабушки слабѣетъ, въ тотъ же мигъ
Вся вспыхнетъ тетенька, и нѣтъ конца упрекамъ
Уйдетъ изъ комнаты, подниметъ шумъ и крикъ,—
Ей вѣрить хочется, что бабушка такая,
Какъ всѣ, и умная, и даже не слѣпая.
Старушка для нея—не призракъ дней былыхъ,
Какъ для семьи, а другъ—живой среди живыхъ.
Два бѣдныхъ существа, отжившихъ, одинокихъ,

Ненужныхъ никому и отъ людей далекихъ,
Другъ друга съ нѣжностью любили и вдвоемъ
Отраднѣй было жить имъ въ уголкѣ своемъ.
Когда же бабушка умретъ, никто не будетъ
О бѣдной горевать: лишь тетенька надъ ней
Поплачетъ искренно и друга не забудетъ—
Едва ли не одна изъ всѣхъ живыхъ людей.
И здѣсь, и въ пошлости глубоко прозаичной
Есть жертва, есть любовь, ея тепло и свѣтъ!..

. . . . . .

. . . . . .

V.

Крокетъ.

Я слышу голосокъ голубоглазой Наты:
«Хотите въ крокетъ?»—«Да!» Мы въ садъ уходимъ. День
Склоняется. Длиннѣй березъ плакучихъ тѣнь,
Сильнѣе въ паркѣ липъ цвѣтущихъ ароматы.
Люблю я звонкіе, тяжелые шары
И простодушіе семейственной игры.
Люблю квадратъ земли, песчаный, желтый, плоскій—
На зеленѣющихъ подъ липами лугахъ,
Люблю то красныя, то черныя полоски—
Условные значки на крокетныхъ шарахъ.
Смѣются дѣвочки: у нихъ одна забота—
«Крокировать» меня за тридевять земель,
Чтобъ вмѣстѣ выиграть, и въ тѣсныя ворота
Проносятся шары, и вотъ ужъ близко цѣль...
Слѣжу съ улыбкою, какъ худенькая Ната
Кричитъ и прыгаетъ, волненіемъ объята.
Въ ней все—порывъ, огонь... А старшая сестра
Тиха, безропотна, лѣнива и добра.
Вся жизнь ихъ общая, но все въ нихъ такъ различно.
Они друзья, межъ тѣмъ, я наблюдалъ порой,
Какъ младшая царитъ и правитъ деспотично
Румяной, толстою, покорною сестрой.

Здоровой Татою. По робкимъ выраженьямъ
Взаимной нѣжности, по взглядамъ и движеньямъ
Могу предугадать двѣ разныя судьбы:
Безъ мукъ, безъ гордыхъ думъ одна изъ нихъ навѣрно
Спокойно проживетъ хозяйкою примѣрной,
Счастливой матерью. Другая—для борьбы,
Для горя создана. Я вижу въ ней задатокъ
Страданья долгаго, тѣхъ вѣчныхъ, горькихъ думъ,
Что въ наши дни томятъ невѣрующій умъ;
И жизни внутренней глубокій отпечатокъ
Таится въ голубыхъ мечтательныхъ глазахъ
И блѣдномъ личикѣ... Такъ съ грустью безконечной
Люблю грядущее обдумывать порой,
Когда идутъ онѣ, обнявшись, предо мной
Подъ сумракомъ березъ аллеи вѣковѣчной,
И Тата «пѣночкой» сестру свою зоветъ...
Люблю ихъ комнатку, съ игрушками комодъ,
Бумажные дома и куклы изъ резинки.
Когда же на столѣ кипящій самоваръ
Надъ чайникомъ струитъ голубоватый паръ,—
Люблю раскрашивать наивныя картинки:
Румяныхъ дѣвочекъ, зеленые лѣса...
Бывало, кисточку я обмокну неловко:
И съ пятнами воды выходятъ небеса,
Расплывшись, дерево сливается съ головкой
Несчастной дѣвочки. И пальчикомъ грозитъ
Мнѣ Тата кроткая. Всю прежнюю отвагу
Теряетъ кисть моя: а Ната мнѣ кричитъ
Въ негодованіи: «испортили бумагу!..»
Когда же загляну имъ въ глубину очей,—
Какія бы мечты мой умъ ни волновали,
Мнѣ сразу такъ легко, я чище и добрѣй,
И утихаютъ всѣ тревоги и печали...
И что-то чудное мерцало мнѣ не разъ,
Непостижимое, какъ тайна звѣздъ далекихъ,
И все же близкое изъ этихъ дѣтскихъ глазъ,
Подобно небесамъ, безгрѣшныхъ и глубокихъ.

VI.

Бури въ стаканѣ воды.

Услышавъ крикъ и шумъ семейной, бурной сцены,
Я голосъ тетеньки и Даши узнаю,
Почтенной нянюшки, и въ комнату мою
Порой доносится сквозь тоненькія стѣны
Ожесточенный споръ. За съѣденный колачъ,
За сломанный стаканъ, горшочекъ манной каши—
Вся ярость тетеньки и озлобленье Даши,
Весь этотъ адъ, и крикъ неистовый, и плачъ.
Такъ въ кухнѣ каждый день у нихъ едва не драка.
Но тетя на свою противницу глядитъ,
Храня презрительный и величавый видъ,
А Даша — внѣ себя, она — краснѣе рака..
Неутолимая, смертельная вражда:
Какъ много хитростей имъ нужно и труда,
Чтобъ уколоть врага, чтобъ чѣмъ-нибудь обидѣть!
Такъ только женщины умѣютъ ненавидѣть.
Съ душою деспота, когда бы не жила
Въ Россіи нянюшка, а въ Римѣ, въ вѣкъ античный,
Она бы сумрачнымъ Тиберіемъ была
Иль грознымъ Клавдіемъ. Но въ вѣкъ нашъ прозаичный
Ея владычества не признаютъ. Межъ тѣмъ,
Ей хочется въ семьѣ царить и править всѣмъ.
И въ кофтѣ ситцевой, съ надменными губами,
И острымъ носикомъ, и хитрыми глазами,
Проворная, какъ мышь, но съ важностью лица,
По дому бѣгаетъ, хлопочетъ безъ конца,
На взрослыхъ и дѣтей кричитъ, даетъ совѣты...
Пророческіе сны, народныя примѣты,
И новости газетъ, и житія святыхъ,
Секреты кушаній, и сплетни о родныхъ,
Рецепты всѣхъ лѣкарствъ и тайны всѣхъ настоекъ—
Скрываетъ умъ ея, находчивъ, смѣлъ и боекъ.
И Даша, въ нянюшкахъ лѣтъ тридцать прослуживъ,
Съ любовью въ памяти хранитъ благоговѣйной

Преданья старины и хроники семейной, —
Житейскихъ случаевъ—она живой архивъ.
Разскажетъ вамъ о томъ, какъ Тата на крестинахъ
Папашѣ крестному испортила халатъ,
И былъ ли съ кашею пирогъ на именинахъ,
Или съ вязигою лѣтъ шесть тому назадъ.
Порой случается, что няня глупой сплетней
Иль даже дерзостью хозяйку оскорбитъ.
«Я вамъ даю расчетъ!..» ей барыня кричитъ
Въ негодованьи. Но Даша безотвѣтнѣй,
Смирнѣй овечки вдругъ становится. Въ слезахъ
У доброй госпожи валяется въ ногахъ,
Цѣлуетъ руки ей, и кается, и молитъ,
Пока ей барыня остаться не позволитъ.
Тогда, свой прежній видъ обиженный храня,
Начнетъ она мести и чиститъ мебель щеткой,
И моетъ всѣ полы, и дѣлается кроткой
И добродѣтельной, но только на два дня.
Потомъ не выдержитъ, и снова — крики, споры,
И жажда властвовать, и прежніе раздоры.
Что дѣлать? Жить она не можетъ безъ семьи:
Она исчахла бы отъ грусти одинокой
Безъ тѣхъ, съ кѣмъ ссорится всю жизнь, полна глубокой,
Но скрытой вѣрности и преданной любви.
Однѣ лишь дѣвочки ей дороги на свѣтѣ:
И ненавистна всѣмъ, презрительна и зла,
Она всю нѣжность имъ, всю душу отдала.
И «няничку» свою не даромъ любятъ дѣти:
Я знаю, злобныя, надменныя черты
И хитрые глаза становятся добрѣе, —
Какъ будто въ отблескѣ духовной красоты,—
А руки жесткія любовнѣй и нѣжнѣе,
Когда дѣтей она въ уютную кровать,
Крестя съ молитвою, укладываетъ спать.
Опуститъ занавѣсъ, поправитъ одѣяло,
Посмотритъ издали въ послѣдній разъ на нихъ,
И этотъ взоръ любви такъ свѣтелъ, добръ и тихъ:
«Она не злая,—нѣтъ!» подумаешь, бывало.

VII.

Мама.

Она—не модный типъ литературной дамы:
«Сонату Крейцера» не можетъ въ пять минутъ
Подробно разобрать, и автора на судъ
Привлечь и заключить: «я здѣсь не вижу драмы!..»
Не рѣжетъ въ перламутръ оправленнымъ ножомъ
Изящные листы французскихъ книгъ Лёмерра
И не бранитъ, гордясь критическимъ чутьемъ,
Столь непонятнаго для русскихъ дамъ Флобера;
И въ свѣтской болтовнѣ, какъ будто невзначай,
Ни мыслью книжною, ни фразой либеральной
Не думаетъ блеснуть, и, разливая чай,
Не хвалитъ Paul Bourget съ улыбкою банальной..
Въ лицѣ глубокая печаль и доброта.
Она застѣнчива, спокойна и проста,
И, вмѣсто умныхъ книгъ, лишь предана заботѣ
О кашлѣ Наточки, о кушаньѣ, дровахъ,
О шубкахъ для зимы—объ этихъ мелочахъ,
Что иногда важнѣй серьезныхъ дѣлъ. Въ капотѣ
Домашнемъ, старенькомъ, наружностью своей
Не занимается и хочетъ некрасивой
И старше лѣтъ своихъ казаться: для дѣтей
Она живетъ. Но я считалъ ее лѣнивой
И опустившейся. Я помню, иногда
Они къ ней прибѣгутъ: «Пусти насъ на качели!»
Но мама много разъ клялась, что никогда
Не пуститъ, а межъ тѣмъ, они достигнутъ цѣли.
«Родная, милая!..» и, наконецъ, она
Уступитъ, ласками дѣтей побѣждена,
Хоть слышать, бѣдная, не можетъ хладнокровно,
Какъ подозрительно скрипятъ гнилыя бревна.
При первой шалости дѣтей, она опять
Прибѣгнуть къ строгости рѣшается, горюетъ,
Что портить дѣвочекъ, что слишкомъ ихъ балуетъ,
И все-таки ни въ чемъ не можетъ отказать.

Она казалась мнѣ такой обыкновенной,
Такою слабою... Потомъ я видѣлъ разъ
Ее въ несчастіи: я помню, въ трудный часъ,
Почти веселая, съ улыбкой неизмѣнной,
Она была еще спокойнѣй. Въ эту ночь
Лежала при смерти ея родная дочь.
Я чувствовалъ, что смерть подходитъ къ изголовью
Любимой женщины... Со всей моей любовью
Я былъ безпомощенъ и жалокъ, какъ дитя.
А мать легко, безъ слезъ, какъ будто бы шутя,
Что̀ нужно дѣлала и что-то говорила
Простое, нѣжное... На выраженье глазъ,
На кроткое лицо взглянувъ,—какая сила
У этой женщины, я понялъ въ первый разъ.

VIII.

Проза любви.

О беззаботная, влюбленная чета!
Что можетъ быть милѣй? Вы думаете оба,
Что жизнь—какая-то воздушная мечта,
Что будутъ соловьи вамъ пѣсни пѣть до гроба?
Но, вѣдь придется же заказывать обѣдъ,
Съ какой бы высоты на жизнь вы ни взглянули,—
Не меньше страстныхъ клятвъ необходимъ буфетъ,
Бѣлье и утюги, лоханки и кастрюли—
Эмблемы вѣчныя супружеской любви.
Попробуйте пожить вдвоемъ,—увянутъ розы,
Потухнетъ свѣтъ луны, умолкнутъ соловьи
Подъ дуновеніемъ неумолимой прозы...
Бывало, съ нѣжностью, поникнувъ головой,
Шептала ты «люблю», когда звѣзда въ эѳирѣ
Струила тихій свѣтъ, а нынѣ... Боже мой!..
«Куда дѣвался рубль и пятьдесятъ четыре
Копейки?» юная хозяйка говоритъ,
Надъ счетной книжкою принявъ серьезный видъ.
Увы! таковъ нашъ міръ... Но хуже всякой прозы—

Упреки въ ревности, домашняя война
За первенство, за власть, и сцены, крики, слезы:
«Не хочешь ли гулять?» мнѣ говоритъ жена.—
«Я занятъ, не мѣшай!»—и мы не въ духѣ оба...
Хандра, разстройство нервъ... Изъ этихъ пустяковъ
Выходитъ глупый споръ: предлогъ уже готовъ;
Въ душѣ—холодная, мучительная злоба.
И мнѣ чрезъ полчаса, какъ злѣйшему врагу,
Жена въ отчаяньи кричитъ: «Меня ты губишь...
Уйди... оставь!.. Я жить съ тобою не могу!..»
А я въ отвѣтъ: «Теперь я знаю: ты не любишь!»
И грубыя слова, и хлопанье дверей...
А Булька сѣрая, любимый мопсъ, межъ нами
Въ тревогѣ бѣгаетъ, какъ между двухъ огней,
И смотритъ умными, печальными глазами.
Не правда ль, ты женѣ весь міръ отдать готовъ,
А кресла мягкаго иль книги не уступишь;
Ей счастье на землѣ цѣною жизни купишь,
А не простишь двухъ, трехъ пустыхъ обидныхъ словъ
Но тяжелѣй всего—болѣзнь: какая мука,
Едва замѣтивъ жаръ, въ тревогѣ пульсъ считать,
Способность потерявъ работать и читать,
И думать. А въ душѣ—томительная скука...
Поставишь градусникъ, и страшно заглянуть
На цифру, и слѣдишь, тревогою объятый,
Веселымъ притворясь, какъ медленная ртуть
Все подымается, и отъ одной десятой
Проклятыхъ градусовъ — я чувствую порой —
Зависитъ жизнь моя, и счастье, и покой...
О, какъ вы далеки, таинственныя встрѣчи,
И первая любовь, и безотчетный страхъ,
Признанье робкое въ потупленныхъ очахъ,
И торопливыя, взволнованныя рѣчи!..
Вы не вернетесь вновь: простите навсегда!
Но какъ ни дороги утраченныя грезы,
Я знаю: въ пошлости, среди житейской прозы
И будничныхъ заботъ, и скучнаго труда—

Все крѣпче съ каждымъ днемъ, все глубже и сильнѣе
Моя печальная, спокойная любовь:
Нѣтъ, я бы не хотѣлъ, чтобъ сдѣлалась ты вновь
Такою, какъ была: ты мнѣ еще милѣе!
Теперь—предъ силою любви моей простой,
Предъ этой жалостью другъ къ другу безконечной—
Намъ кажется почти ребяческой игрой
Тотъ первый сонъ любви неопытной, безпечной!..

IX.

Отъѣздъ съ дачи.

Осенній день. Въ лѣсу—все мертвенно и пышно:
Ни томной иволги, ни зябликовъ не слышно.
И какъ въ дому, людьми покинутомъ, полна
Чего-то грустнаго лѣсная тишина.
Порой взволнуются дрожащія осины,
И солнце заблеститъ, и листья зашумятъ,
Какъ въ лѣтній день, но мигъ — и желтыя вершины
Вновь успокоются и сразу замолчатъ.
Не пролетитъ пчела надъ цвѣтникомъ унылымъ,
Въ аллеяхъ падаютъ увядшіе листы
И блещутъ въ сумракѣ, подобно златокрылымъ
Іюльскимъ бабочкамъ. Какъ алые цвѣты,
Два мертвыхъ листика трепещутъ и краснѣютъ
На голыхъ сучьяхъ. Дождь и карканье воронъ,
Солома влажная на избахъ, небосклонъ
Туманный... озими лишь ярко зеленѣютъ.
На дачѣ холодно, и потолокъ течетъ,
И печки скверныя дымятъ, изъ оконъ дуетъ,
И даже булочникъ возить перестаетъ
Свой хлѣбъ, и тетенька на скуку негодуетъ...
Въ тревогѣ дѣвочки,—въ гимназію пора.
Изъ ранца вынули учебникъ запыленный
Сегодня свой урокъ твердятъ онѣ съ утра:
Знакомый переплетъ, оборванный, зеленый,
Съ воспоминаніемъ о страшныхъ, злыхъ глазахъ

Учителя, опять на нихъ наводитъ страхъ.
«Лакедемоняне въ бою при Ѳермопилахъ...»—
Выводитъ Таточка унылымъ голоскомъ,
Зѣвая, морщится и лижетъ языкомъ
Свой пальчикъ розовый, запачканный въ чернилахъ.
Но вотъ ужъ ломовой пріѣхалъ. На возу
Наваленъ всякій хламъ: тамъ сундуки, игрушки,
Ногами вверхъ столы, матрацы и подушки,
И клѣтка съ пѣтухомъ у кучера внизу,
А въ самой вышинѣ, какъ символъ дома, яркій
Блистаетъ самоваръ въ объятьяхъ у кухарки.
И съ высоты кричитъ она возницѣ: «Эй,
Смотри-ка, моего корыта не разбей!»
Собака, хвостъ поджавъ, должно-быть, въ мысляхъ грустныхъ,
Сидитъ: увы! пора голодная придетъ,
Не будетъ ей костей, не будетъ корокъ вкусныхъ
А дворникъ, шапку снявъ, двугривеннаго ждетъ.
Съ бутылкой молока, закупоренной тряпкой,
Одѣта въ сѣренькій, поношенный бурнусъ,
Но съ очень яркою, оранжевою шляпкой,
Съ подвязанной щекой (осенній дачный флюсъ),
Хлопочетъ тетенька и между двухъ картонокъ
Въ коляску бабушку старается втолкнуть.
Слѣпая, бѣдная старушка, какъ ребенокъ,
Покорна. Все теперь готово. Съ Богомъ—въ путь!
Но Даша сердится и хочетъ верхъ коляски
Поднять: «Что если дождь? не думаетъ никто
О дѣтяхъ!..» Въ шарфы, плэдъ, потомъ башлыкъ, пальто
Она ихъ кутаетъ. Имъ душно: только глазки
Блестятъ... Поѣхали. Ужъ церковь—за холмомъ,
Вотъ роща, гдѣ грибовъ такъ много, вотъ паромъ...
Вдругъ тетенька кричитъ въ отчаяньи: «Забыла!..
Ахъ, Боже мой, назадъ!.. Забыла башмаки!..
Я сбѣгаю: вѣдь, здѣсь—недолго... пустяки!..»
Но Даша, полная воинственнаго пыла,
Вступаетъ въ споръ,—она ликуетъ больше всѣхъ,

Злорадствуя... И крикъ, и шумъ, и общій смѣхъ...
Съ улыбкой Таточка на все глядитъ практично,
И ей на дачѣ ли, въ Москвѣ ли—безразлично.
Изъ хрестоматіи французской наизусть
Твердитъ она урокъ. А Натѣ жаль природы,
Прогулокъ и грибовъ, и солнца, и свободы!
Въ задумчивомъ лицѣ—недоумѣнье, грусть,
Какъ будто бы вопросъ, зачѣмъ въ глубокой думѣ
Такъ сумраченъ и тихъ — тамъ, на краю небесъ–
Волшебно-золотой и все же мертвый лѣсъ,
Зачѣмъ уныніе—въ поблекшемъ полѣ, въ шумѣ
Осеннихъ непогодъ, и въ тучахъ, и во всемъ?..
Сердечко бѣдное въ ней чутко встрепенулось,—
Кто знаетъ, можетъ-быть, предчувствіе проснулось
Того великаго, что смертью мы зовемъ?..

X

Читателю.

Мнѣ страшно на лицо читателю взглянуть:
«Гдѣ собственно герой, завязка, въ чемъ же суть?
И какъ печатаютъ серьезные журналы
Подобный вздоръ!.. Какой упадокъ небывалый!..»
Минутку погоди, мой строгій судія
Не горячись: ты правъ! Мы—слабы, мы—ничтожны.
Всѣ эти новыя поэмы—невозможны:
Въ нихъ скука царствуетъ! Но развѣ жизнь твоя,
Читатель, веселѣй? Ты умываешь руки
Во всемъ, но кто, скажи, виновникъ этой скуки,
Упадка, пошлости и прозы нашихъ дней?
Ты ропщешь, а, межъ тѣмъ, всю жизнь тебя ни мало
Родной поэзіи судьба не занимала.
Что книги!.. Для тебя отраднѣй и милѣй
Партнеръ за карточнымъ столомъ, да оперетка!
Ты любишь фельетонъ забавный пробѣжать,
И если шуточка довольно зла и мѣтка,
Привыкъ ты гаэру газетному прощать

Всю пошлость. Ты не прочь отъ моднаго скандала,
И надо дерзкимъ быть, чтобъ угождать тебѣ...
Но что ты любишь? Чѣмъ душа твоя страдала?
Когда ты жертвовалъ, кому, въ какой борьбѣ?..
Съ умомъ расчетливымъ, съ душой невѣрной, зыбкой,
И съ этой вѣчною, болѣзненной тоской,
И съ этой мертвою, скептической улыбкой, —
Вотъ онъ, нашъ судія, читатель дорогой!..
Смотри: мы—казнь твоя, мы—образъ твой. Межъ нами
Есть непонятная, невидимая связь.
Ты знаешь: до сихъ поръ она не порвалась, —
О, слишкомъ крѣпкими мы связаны цѣпями!
Тебя не трогаетъ нашъ робкій бѣдный стихъ, —
Что дѣлать? Видишь самъ: нашъ міръ угрюмъ и тѣсенъ,
Не требуй же отъ насъ могучихъ, вольныхъ пѣсенъ, —
Онѣ—не для тебя, ты недостоинъ ихъ!
Теперь разстанемся... Но, кажется, съ дороги
Я сбился и зашелъ Богъ вѣсть куда. Сейчасъ
Я кончу. Вотъ—вся мысль поэмы. Въ эпилогѣ
Я повторяю то, чѣмъ началъ мой разсказъ.

XI.

Поэзія будничной жизни

Гдѣ два, три дерева, тамъ—цѣлый міръ предъ нами,
Тамъ всей природы жизнь, тамъ вся ея краса,
И безконечныя синѣютъ небеса,
Сквозя межъ темными, поникшими вѣтвями,—
Такъ двухъ иль трехъ людей довольно, чтобъ порой,
Въ житейской пошлости великое, святое,—
Что есть у всѣхъ, — любовь просвѣтомъ въ міръ иной
Сіяла, вѣчная, какъ небо голубое!

1890 г.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ ПРИРОДѢ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Базиліо—правитель страны. **Сильвіо**—его сынъ. **Клотальдо**—приближенный Базиліо. **Шутъ.** Придворные. Военачальникъ. Виночерпій. Казначей. **Беатриче**—куртизанка. Дамы, фрейлины. Пажи. **Эстрелла** — молодая фрейлина. Народъ, ремесленники, воины, горожане и др.

Дѣйствіе происходитъ во владѣніяхъ Базиліо, въ сказочной странѣ.

ВНУТРЕННОСТЬ ВЫСОКОЙ БАШНИ [1]).

Передъ открытымъ окномъ, въ которое виднѣется звѣздное небо, стоятъ **Базиліо** и **Шутъ.**

БАЗИЛІО.

Невѣдомая творческая Сила
Во всѣхъ мірахъ безчисленныхъ явленья
Въ одну живую цѣпь объединила,
И въ цѣпи той небесныя свѣтила—
Послѣднія сверкающія звенья.
Туда, туда, къ ночному небосводу
Съ несмѣтными лампадными огнями
Летитъ чрезъ всѣ вѣка, чрезъ всю природу
Движеніе незримыми волнами,—
Такъ зыбь отъ камня, брошеннаго въ воду,
Широкими расходится кругами.

---

[1]) Основной сказочный мотивъ этой поэмы тотъ же, что въ извѣстной пьесѣ Кальдерона «Жизнь—только сонъ».

Все выше, выше къ сумрачной лазури
Возносится и дѣтскій слабый лепетъ,
И громъ лавинъ, и ревъ могучей бури,
И надъ прудомъ плакучей ивы трепетъ.
Въ безмолвныхъ звѣздахъ будущее дремлетъ.
Какъ въ золотыхъ клубкахъ, въ нихъ скрыты нити
Измѣнчивыхъ, невѣдомыхъ событій...

. . . . . .

(Входитъ вѣстникъ.)

ВѢСТНИКЪ.

Поздравить я пришелъ, о царь самодержавный,
Тебя съ наслѣдникомъ твоей короны славной!

БАЗИЛІО.

Вели скорѣй коня сѣдлать!
Я къ нимъ лечу, бѣгу обнять
Младенца милаго и мать.

(Вѣстникъ уходитъ.)

Но нѣтъ, о сердце, не затѣмъ
Сюда пришелъ я: глухъ и нѣмъ
Къ земному счастію мудрецъ.
Я не супругъ, я не отецъ,
Я здѣсь не счастливъ, не люблю
И радость въ сердцѣ подавлю.
Во тьму временъ гляжу теперь,
Какъ въ распахнувшуюся дверь.
И васъ молю я въ тишинѣ,
О сонмы звѣздъ, откройте мнѣ
Новорожденнаго судьбу
Науки вѣрному рабу.

(Идетъ къ окну, смотритъ на звѣзды и составляетъ гороскопъ.)

О горе мнѣ! Среди небесъ,
Какъ въ складкахъ порванныхъ завѣсъ,
Надъ краемъ сумрачной земли
Комета вспыхнула вдали.

И міръ смятеніемъ объятъ,
Блѣднѣютъ звѣзды и дрожатъ,
Предъ тѣмъ, чтобъ въ ужасѣ упасть
Въ ея зіяющую пасть.
Мой сынъ—злодѣй, мой сынъ—тиранъ
И, жаждой крови обуянъ,
Какъ звѣрь, кидается на всѣхъ
Развратъ... и оргій дикій смѣхъ...
Мятежъ,—и царство, какъ въ огнѣ,—
Въ братоубійственной войнѣ.
Но чѣмъ младенецъ виноватъ,
За что невиннаго казнятъ?
Пока бѣда виситъ надъ нимъ,
Онъ дремлетъ, чистый херувимъ,
Безъ думъ, безъ воли и грѣха—
И колыбель его тиха.
Я не пророкъ, я не мудрецъ,
Я только любящій отецъ,
Но что порывъ моей любви?
Что слезы жалкія мои?..
Все видѣть, чувствовать и знать—
И покоряться, и молчать!.

(Входитъ Клотальдо, королевскій канцлеръ.)

КЛОТАЛЬДО.

Тебя съ наслѣдникомъ, мой царь,
Поздравить я пришелъ..

БАЗИЛІО.

Клотальдо, я не царь.
Ты знаешь ли, предъ кѣмъ, благоговѣя,
Колѣна ты склонилъ?.. Передъ отцомъ злодѣя!.

КЛОТАЛЬДО

Кто лживый, дерзостный пророкъ,
Кто царскій духъ смутилъ лукавыми рѣчами,
Кто нечестивыми устами
Судьбу ужасную наслѣднику предрекъ?

БАЗИЛІО.

Онъ тотъ, кому и мстить я не могу!
Что мой палачъ, моя сѣкира
Созвѣздьямъ вѣчнаго эѳира—
Неодолимому врагу!
Увы! отъ нихъ какія брони,
Какія крѣпости спасутъ,
Отъ ихъ безжалостной погони
Какіе бѣшеные кони
Добычу рока унесутъ?

КЛОТАЛЬДО.

Тебѣ ли, царь, склониться въ дѣтскомъ страхѣ
Подъ иго случая главой покорной?
Взгляни—ничтожный червь и тотъ во прахѣ
Съ врагомъ предъ смертью борется упорно
Ты самъ себя, о смертный, будь достоинъ.
Коль надо пасть,—пади на полѣ брани,
Бразды судебъ сжимая въ твердой длани,
Лицомъ къ врагу, какъ побѣжденный воинъ!

(Базиліо въ глубокомъ раздумьи.)

ШУТЪ (напѣваетъ про себя)

Если бъ капля водяная
Думала, какъ ты,
Въ часъ урочный упадая
Съ неба на цвѣты.
И она бы говорила:
«Не безсмысленная сила
Управляетъ мной
По моей свободной волѣ
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природѣ
Не мечтаетъ о свободѣ,
И судьбѣ слѣпой

Все покорно—влага, пламень,
Птицы, звѣри, мертвый камень;
Только весь свой вѣкъ
О невѣдомомъ тоскуетъ
И на рабство негодуетъ
Гордый человѣкъ.
Но увы! лишь тѣ блаженны,
Сердцемъ чисты тѣ,
Кто безпечны и смиренны
Въ дѣтской простотѣ.
Насъ, глупцовъ, природа любитъ,
И ласкаетъ, и голубитъ,
Мы безъ думъ живемъ,
Безъ борьбы, послушны року,
Внизъ по вѣчному потоку,
Какъ цвѣты, плывемъ.

БАЗИЛІО (выходя изъ задумчивости).

Клотальдо, что же дѣлать?

КЛОТАЛЬДО.

Дай мнѣ сына.
Отъ міра надо скрыть ребенка твоего,
Народу возвѣстивъ, что ранняя кончина
Похитила его.
И тихо заживу я съ нимъ въ уединеньи!
Мой царь, мой другъ, довѣрься мнѣ:
Его, какъ нѣжное растенье,
Я воспитаю въ тишинѣ,
Не будетъ горестной его простая доля:
Не лучше ль всѣхъ коронъ сердечный миръ и воля —
Въ глуши невѣдомыхъ лѣсовъ,
Вдали отъ шумныхъ городовъ?..
О, если гложутъ насъ безсонныя печали
На ложахъ пурпурныхъ и въ мраморныхъ дворцахъ,
О, если мы одну, одну лишь скорбь познали
Въ завѣтахъ мудрости, въ богатствѣ и пирахъ,—

Быть-можетъ, нѣтъ ли тамъ отъ жгучихъ думъ спасенья,
Здоровья, счастья и забвенья
Тамъ, въ простотѣ, въ затишіи луговъ,
Гдѣ на зарѣ послѣдняя былинка
И одинокая росинка
Такъ жадно солнце пьютъ, такъ счастливы безъ словъ...
Отдай младенца мнѣ!..

БАЗИЛІО.

Ты правъ
Мнѣ долгъ велитъ—иного нѣтъ исхода—
Всѣ чувства нѣжныя поправъ,
Пожертвовать младенцемъ для народа.
Но все жъ я человѣкъ... о, слишкомъ тяжѐло
Гнететъ корона золотая,
И клонится къ землѣ, изнемогая,
Подъ бременемъ вѣнца усталое чело.

(Базиліо и Клотальдо уходятъ.)

СКАЛЫ, ПОКРЫТЫЯ ЛѢСОМЪ.

У входа пещеры Клотальдо.

(Послѣ первой сцены прошло восемнадцать лѣтъ.)

КЛОТАЛЬДО.

Ужъ вечерѣетъ; солнца лучъ
Не такъ отвѣсенъ, бѣлъ и жгучъ;
И золотистый, мягкій свѣтъ
Какой-то благостью согрѣтъ.
Какъ паръ, волнуясь надъ землей,
Еще тяжелый дышитъ зной
На голой, розовой корѣ
Огромныхъ сосенъ на горѣ,
На сѣрыхъ мертвыхъ лишаяхъ,
На дикихъ выжженныхъ камняхъ.
А тамъ—межъ ясеней нѣмыхъ,

Дубовъ и вязей вѣковыхъ—
Ужъ ночь зеленая: тамъ—тѣнь
И усыпительная лѣнь;
Тамъ на гнилой корѣ стволовъ
Наросты влажные грибовъ,
Тамъ слышенъ вздохъ уснувшихъ фей—
То между спутанныхъ вѣтвей
Журчитъ невидимый ручей
И нѣжный мохъ кропитъ росой...
Но лучъ прорвался золотой
Въ ту ночь,—и блескомъ залита
Стрекозъ влюбленная чета...
О, какъ прекрасенъ Божій міръ,
Какъ чистъ сіяющій эѳиръ!..
Природа молится и ждетъ,
Что ангелъ мира снизойдетъ,
И небо говоритъ «прости»
Землѣ, предъ тѣмъ, чтобъ отойти
Ко сну... предъ тѣмъ, чтобъ задремать
Они цѣлуются: такъ мать,
Отъ колыбели уходя,
Въ послѣдній разъ свое дитя,
Чтобы спалось ему свѣтло,
Цѣлуетъ въ сонное чело.

(Вдали появляется Сильвіо.)

Вотъ и Сильвіо; подъ мѣхомъ,
Съ лукомъ звонкимъ и копьемъ,
Онъ добычу мчитъ со смѣхомъ,
Съ торжествующимъ лицомъ.
То съ блестящими клыками
Окровавленный кабанъ;
Съ этой ношей надъ скалами
Мчится юный великанъ.

(Вбѣгаетъ Сильвіо.)

КЛОТАЛЬДО.

Съ добычей, Сильвіо!

СИЛЬВІО.

Весь день среди болотъ
Сегодня я блуждалъ; въ травѣ, во мхахъ, въ трясинѣ
Искалъ я съ жадностью чуть видимыхъ примѣтъ,
Стоялъ до пояса въ гнилой, зловонной тинѣ,
Чтобъ звѣря въ камышахъ найти пахучій слѣдъ...
Но тщетно! тишь кругомъ; надъ головой жужжала
Лишь туча комаровъ; ни знака, ни слѣда;
И ослѣпительно, недвижимо дремала
Подъ пленкой радужной стоячая вода.
И сонъ, и блескъ въ очахъ; ослабѣвало зрѣнье...
Вдругъ—шелестъ въ тростникѣ... О, сладкое мгновенье!
Какъ сердце дрогнуло! Едва сдержалъ я крикъ
Безумной радости, какъ звѣрь, могучъ и дикъ,
Я къ звѣрю кинулся, вонзилъ мой дротикъ въ спину
И кровью обагрилъ косматую щетину.
Отъ боли онъ завылъ и прянулъ на меня;
Я спрятался за пень,—то былъ мой панцырь крѣпкій,—
И бѣлые клыки, раскидывая щепки,
Вонзились въ дерево расколотаго пня.
Какъ змѣй, однимъ прыжкомъ я бросился, проворный,
Къ врагу; хребетъ ему колѣнами сдавилъ—
И вепрь къ землѣ приникъ: онъ изъ послѣднихъ силъ
Рванулся; но межъ иглъ щетины непокорной
Я въ ребра острый ножъ чудовищу вонзилъ.
И, сердце щупая, предсмертнымъ трепетаньемъ
Упился съ жадностью, и пальцы погружалъ
Во внутренности, въ кровь, лицо къ нимъ приближалъ
Съ невѣдомымъ, но сладкимъ содроганьемъ.

КЛОТАЛЬДО.

Опомнись, Сильвіо... Я вижу въ первый разъ
Такой зловѣщій блескъ у этихъ милыхъ глазъ—
Въ нихъ что-то чуждое мелькнуло... Что съ тобою?
О, сынъ мой, не давай ты овладѣть душою
Жестокости...

СИЛЬВІО.

Прости, увлекъ меня разсказъ...

КЛОТАЛЬДО.

Не правда ли, не могъ ты наслаждаться кровью?
О, я воспитывалъ тебя съ такой любовью,
Ты зла, людского зла не видѣлъ съ первыхъ лѣтъ.
Когда затравленъ звѣрь и, раненый смертельно,
Къ тебѣ подыметъ взоръ съ тоскою безпредѣльной,
Тотъ ясный, страшный взоръ, гдѣ мысли виденъ слѣдъ,
Ты жалость чувствуешь къ нему, не правда ль?

СИЛЬВІО.

Нѣтъ!
Мнѣ никогда рука не измѣняетъ,
Не дрогнетъ вѣрный мечъ!

КЛОТАЛЬДО.

Но звѣрь страдаетъ,
Страдаетъ онъ, какъ ты...

СИЛЬВІО.

Какое дѣло мнѣ!
Кто хочетъ жить—борись въ безжалостной войнѣ!
Смерть — побѣжденнымъ! Правъ лишь тотъ, кто побѣждаетъ.

КЛОТАЛЬДО.

Но жалость лучшее, что есть въ сердцахъ людей...

СИЛЬВІО.

Въ лѣсу я никогда не видѣлъ состраданья,
Въ лѣсу мы счастливы побѣдою своей
И падшаго врага намъ сладостны стенанья!

(Клотальдо въ ужасѣ смотритъ на Сильвіо.)

ЗАЛЪ ВО ДВОРЦѢ.

Базиліо и Клотальдо.

БАЗИЛІО.

Благодарю тебя за преданную службу,
Но я прошу, какъ царь и любящій отецъ,
Теперь въ послѣдній разъ ты докажи мнѣ дружбу—
Съ царевичемъ скорѣй вернитесь во дворецъ.

КЛОТАЛЬДО.

О, сжалься, сжалься, другъ, надъ нами...
Ужели въ бездну мой цвѣтокъ
Я брошу старыми руками,
Чтобъ растерзалъ его волнами
Вашъ мутный, бѣшеный потокъ!

БАЗИЛІО.

Онъ сынъ мой...

КЛОТАЛЬДО.

Нѣтъ, онъ мой—по праву,
Я жизнь, я счастье далъ ему...

БАЗИЛІО.

Я дамъ престолъ, отчизну, славу...

КЛОТАЛЬДО.

Ты заточишь его въ тюрьму.
Какъ будто здѣсь, въ роскошной клѣткѣ,
Въ унылыхъ мраморныхъ дворцахъ,
Забудетъ птица о поляхъ,
О колыхающейся вѣткѣ,
О безпредѣльныхъ небесахъ!..

БАЗИЛІО.

Я долженъ на краю могилы
Въ послѣдній разъ обнять его...
Старикъ, терпѣть нѣтъ больше силы—
Отдай мнѣ сына моего!..

(Король и Клотальдо уходятъ. Входитъ толпа придворныхъ дамъ и шутъ.)

ДАМА.

Флаконъ, скорѣй флаконъ духовъ...
Я звѣря видѣла: какъ лунь, сѣдой, косматый,
Со взоромъ бѣшенымъ, подъ шкурою мохнатой
Онъ шелъ за королемъ; и отъ его шаговъ
Вся мраморная лѣстница дрожала.

МОЛОДАЯ ДАМА.

Едва я въ обморокъ отъ страха не упала...

КАВАЛЕРЪ.

О да, синьора, видѣлъ я:
Позвали вы къ себѣ хорошенькаго пажа,
Чтобы распустить шнурки атласнаго корсажа.

ПАРЕДВОРЕЦЪ.

А между тѣмъ, вы знаете ль, друзья,
Что этотъ варваръ, звѣрь двуногій—
Любимый канцлеръ короля!..

СТАРАЯ ДАМА.

Не можетъ быть! Клотальдо?

ПАРЕДВОРЕЦЪ.

Да.

СТАРАЯ ДАМА.

О боги!
Куда стремишься ты, развратный вѣкъ!
Увы! мнѣ этотъ бѣдный человѣкъ

Воспоминаніями дорогъ:
Я помню времена—тому уже лѣтъ сорокъ—
Когда Клотальдо былъ блестящій кавалеръ,
Исполненный пріятнѣйшихъ талантовъ,
Ума, изящества и граціи примѣръ:
Онъ первый моду ввелъ изъ крупныхъ брилліантовъ
Носить большія пряжки на чулкахъ,
И къ шпагамъ золотымъ серебряныя ленты.
Бывало, какъ зефиръ онъ мчится на балахъ;
Какіе нѣжные шепталъ онъ комплименты—
И вдругъ—Создатель мой—теперь, на склонѣ лѣтъ,
Онъ зажилъ дикимъ звѣремъ со звѣрями,
На общество волковъ онъ промѣнялъ нашъ свѣтъ!
Какія времена! О что-то будетъ съ нами!

ЦАРЕДВОРЕЦЪ.

Осмѣлюсь ли, синьоры, передъ вами
Его преступное ученье изложить;
Въ деревню онъ зоветъ работать съ мужиками,
На лонѣ любящей природы жить;
Чтобъ для какого-то невѣдомаго братства
Мы бросили чины, и службу, и богатства,
Чтобъ наравнѣ съ послѣднимъ батракомъ
Мы, графы и князья, навозъ въ поляхъ возили,
Чтобъ фрейлины двора ходили за скотомъ,
И чтобъ—простите мнѣ—коровъ онѣ доили!..

СТАРАЯ ДАМА.

Какая дерзость! . . .
. . . . . .

МОЛОДАЯ ДАМА.

Нѣтъ, вы сердитесь напрасно;
Охотно бы ушла я съ нимъ въ долины, въ степь,
Мечтать, грустить, внимать свирѣли сладкогласной,
Глядѣть на твой закатъ, о лучезарный Фебъ...
Плела бы я вѣнки, пастушкою гуляла,

Соломенная шляпка мнѣ пристала,
И, право, я люблю горячій хлѣбъ.

КАВАЛЕРЪ.

Я буду спутникъ вашъ, Анета,—
Уйдемъ туда, подъ тѣнь лѣсовъ;
Хотя мнѣ жаль немного свѣта,
И маскарадовъ, и баловъ—
Но радъ я скрыться отъ укоровъ
Родни озлобленной моей,
Отъ безпощадныхъ кредиторовъ
И отъ проклятыхъ векселей!

СРЕДИ ОБНАЖЕННЫХЪ СКАЛЪ НАДЪ ПРОПАСТЬЮ.

Клотальдо указываетъ Сильвіо на пролетающаго орла.

КЛОТАЛЬДО.

Взгляни, мой сынъ, орелъ надъ нами,
Покинувъ скучный, дольній міръ,
Стремится плавными кругами
Въ недосягаемый эѳиръ.

СИЛЬВІО.

Отецъ, я догоню орла,
Взберусь на каменныя кручи,
Его настигнетъ въ самой тучѣ
Моя пернатая стрѣла!

КЛОТАЛЬДО.

Онъ обгонять умѣетъ бури;
Не разъ онъ въ вихрѣ грозовомъ
Встрѣчалъ, какъ ласку, Божій громъ,
Дитя заоблачной лазури!..

СИЛЬВІО.

Ужели робкій, пристыженный
Смотрѣть я молча осужденъ,
Какъ въ небесахъ исчезнетъ онъ
Лучами солнца озаренный
И отомстить ему нѣтъ силъ...

КЛОТАЛЬДО.

О, если, другъ мой, разлюбилъ
Ты нашей скромной жизни сладость,—
Есть міръ иной, иная радость...

СИЛЬВІО.

Какъ я безпомощенъ и слабъ!

КЛОТАЛЬДО.

О чемъ ты слезы льешь?

СИЛЬВІО

Я рабъ. . . .

. . . . . .

КЛОТАЛЬДО.

Вина отвѣдай... (Подаетъ ему кубокъ съ соннымъ напиткомъ. Сильвіо пьетъ.)

СИЛЬВІО.

Лучшей доли
Я не узнаю никогда!..
Среди томленья и стыда
Я долженъ вѣчно жить въ неволѣ!..

КЛОТАЛЬДО.

Скажи, о чемъ твоя печаль,
Чего ты хочешь?

СИЛЬВІО.

Самъ не знаю...
Я рвусь душой куда-то вдаль,
Но силы нѣтъ—и я страдаю...
О, если бъ могъ, я бъ полетѣлъ,
Туда, въ заоблачный предѣлъ...

(Сильвіо лежитъ на скалѣ и молча смотритъ на небо. Потомъ глаза его подъ дѣйствіемъ соннаго напитка смыкаются и, засыпая, онъ говоритъ съ улыбкой.)

СИЛЬВІО.

Я крылья чувствую, и рада
Душа подняться отъ земли...
Прощай!.. Ужъ грохотъ водопада
Едва мнѣ слышенъ издали...
Какъ сладко, страшно... Сердцемъ чую
Я безпредѣльное кругомъ,
Но выше... выше... и орломъ
Лечу я въ бездну голубую!..

(Засыпаетъ; являются слуги и уносятъ его.)

КЛОТАЛЬДО (одинъ.)

Дитя мое, прости!

—

ВЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ДВОРЦѢ.

Толпа придворныхъ и дамъ. Сильвіо. Шутъ.

СИЛЬВІО.

О гдѣ я? Что со мной? Ужель все это сонъ?..
За мигъ лишь передъ тѣмъ уснулъ я надъ стремниной,
Безпомощный, нагой, подъ шкурою звѣриной,—
И вдругъ мелодіей волшебной пробужденъ—
Я не въ глухомъ лѣсу, а въ царственномъ покоѣ,
Надъ головой моей—не синева небесъ,
А складки голубыхъ, таинственныхъ завѣсъ,

Не камни подо мной, а ложе золотое...
И дѣвушки, склонивъ серебряный сосудъ,
Мнѣ воду розовую льютъ.
Благоуханьями обрызганнаго тѣла
Ихъ руки нѣжныя касаются порой,
Мнѣ кудри расчесалъ ихъ гребень золотой,
И ткань пурпурная, какъ облако, одѣла
Мнѣ члены мягкою, ласкающей волной.

ШУТЪ.

Еще вопросъ никѣмъ донынѣ не рѣшенъ,
Гдѣ твой конецъ, о Жизнь, твое начало, Греза,
Гдѣ бредъ мечтателей, гдѣ будничная проза,
Гдѣ—истина, гдѣ—ложь, дѣйствительность и сонъ:
Все въ этомъ хаосѣ подвижно, мутно, слито,
И вереницею полубезумныхъ сновъ,
Какъ блѣдно-радужной гирляндою цвѣтовъ,
Существованіе волшебно перевито.
Не вдумывайся въ жизнь, разгадки не найдешь,
Коль можешь вѣрить—вѣрь въ плѣнительную ложь.

СИЛЬВІО.

Кто ты?

ШУТЪ.

Я—шутъ.
Такъ люди мудрецовъ непонятыхъ зовутъ.

СИЛЬВІО.

Но что ты дѣлаешь?

ШУТЪ.

Смѣюсь я надо всѣмъ.
И ни любовью, ни врагами,
Какъ буревѣстникъ надъ волнами,
Какъ вольный вихрь,—не связанъ я ничѣмъ.
Смѣюсь надъ вѣрой и невѣрьемъ,

Смѣюсь надъ глупостью людей,
Надъ рабствомъ, зломъ и лицемѣрьемъ,
И надъ величьемъ королей.
Я полонъ дерзостной отваги,
Я здѣсь презрѣннѣйшій изъ всѣхъ,
Но прямо въ сердце, лучше шпаги,
Разитъ ударами мой смѣхъ!...

ПЕРВЫЙ МИНИСТРЪ

(на пурпурной подушкѣ подаетъ Сильвіо корону).

Великій государь, въ благоговѣйномъ страхѣ
Позволь склониться мнѣ и къ трону подойти,
Чтобъ здѣсь, у ногъ твоихъ, во прахѣ
Тебѣ корону поднести.

ВЕРХОВНЫЙ СУДІЯ

(на подушкѣ подноситъ Сильвіо золотой скиптръ).

Вотъ скиптръ, могучій царь, твой грозный затрибутъ.
Пускай же подъ его хранительною сѣнью
Всѣ добродѣтели въ странѣ твоей цвѣтутъ
И, длани царственной покорны мановенью,
Къ тебѣ, нашъ судія, на неподкупный судъ
Земныя племена, какъ воды, притекутъ!

ШУТЪ.

Я видѣлъ грознаго судью;
Упитанный и жирный,
Склонилъ онъ голову свою
Съ улыбкой дѣтски-мирной.
Не даромъ ликъ его такъ гордъ
И пòтомъ блещетъ ярко:
Онъ перевариваетъ тортъ
И трюфели съ пуляркой.
Очки сползли, и взоръ померкъ,
И на носъ муха сѣла;

Не слышитъ онъ, какъ тощій клеркъ
Предъ нимъ читаетъ дѣло...
Судья такъ громко захрапѣлъ,
Что вдругъ прервалось чтенье дѣлъ,
И муха улетѣла...

. . . . . .

ГЛАВНЫЙ КАЗНАЧЕЙ (подноситъ Сильвіо червонцы).

Вотъ золото, мой царь.

СИЛЬВІО.

Какъ блещутъ эти слитки,
Какъ весело звенятъ они въ рукахъ!

КАЗНАЧЕЙ.

Въ подвалахъ у тебя, въ желѣзныхъ сундукахъ,
Мерцая, тихо спятъ нетронутые слитки
И только слова ждутъ, чтобъ вырваться на свѣтъ
И загремѣть дождемъ сверкающихъ монетъ.
Ихъ схватятъ съ жадностью протянутыя руки,
Благословятъ тебя промышленность и трудъ,
Искусства вольныя, ремесла и науки,
Какъ розы,—мертвыя пустыни расцвѣтутъ.
Возникутъ фабрики, театры и музеи.
И смѣлый рудокопъ во внутренность земли
За жилой золотой пророетъ галлереи,
И съ моря синяго примчатся корабли.
Здѣсь, въ золотѣ твоемъ, владыка всемогущій,
Таится, какъ зерно, весь этотъ міръ цвѣтущій!

СИЛЬВІО (разсматривая золото).

Такъ вотъ гдѣ ключъ къ сердцамъ людей!
Но нѣтъ, не вѣрю я, чтобъ эта горсть металла
Игрушка жалкая, достойная дѣтей,—
Такою властію надъ міромъ обладала...

ВИНОЧЕРПІЙ (подаетъ Сильвіо кубокъ).

О, дай мнѣ только знакъ—и брызнетъ изъ боченковъ
Кипящее вино, и въ бѣлыхъ колпакахъ,
Надъ жаркою плитой, съ кастрюльками въ рукахъ,
Забѣгаетъ толпа проворныхъ поваренковъ,
И чудный ароматъ изъ кухни долетитъ
Подъ крышкой золотой дымящіяся блюда
На снѣжной скатерти заискрятся, и груда
Прозрачныхъ хрусталей на солнцѣ заблеститъ.
Великій государь, отпраздную новоселье,
Вели устроить пиръ.

СИЛЬВІО.

Да здравствуетъ веселье!
Я всѣхъ на пиръ зову! . . . . . .

(Придворные толкаютъ другъ друга и тѣснятся къ трону.)

ПЕРВЫЙ.

Быть стольникомъ твоимъ мечта моя, король!

ВТОРОЙ

Фазановъ поставлять на кухню мнѣ дозволь!

ТРЕТІЙ.

Въ моихъ озерахъ водятся форели...

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Гранаты у меня въ садахъ давно созрѣли!..

ПЕРВЫЙ.

Будь милостивъ, мои владѣнья округли...

ВТОРОЙ.

Оклады увеличь слугамъ твоимъ покорнымъ...

ТРЕТІЙ.

Назначь меня, король, поставщикомъ придворнымъ...

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Меня подрядчикомъ...

ПЯТЫЙ.

Мнѣ денегъ.

ШЕСТОЙ.

Мнѣ земли...

ШУТЪ.

Мухи роемъ облѣпили
Сладкой патоки горшокъ,
Волки съ воемъ обступили
Жирный лакомый кусокъ...

ПРИДВОРНЫЙ.

Что думаетъ король о женщинахъ?

ДРУГОЙ.

А вотъ
Посмотримъ: фрейлина къ монарху подойдетъ,
Чтобъ испытать его.

МОЛОДАЯ ДАМА (склоняясь передъ Сильвіо и цѣлуя его руку).

О, дай рабѣ смиренной
Коснуться, государь, руки твоей священной.

СИЛЬВІО (въ волненіи, наклоняясь къ дамѣ).

Прижать тебя хочу я къ пламенной груди...

ДАМА.

При всѣхъ, король?..

СИЛЬВІО.

Такъ что жъ?

ДАМА (убѣгая).

Мнѣ стыдно...

СИЛЬВІО.

Погоди,
Красавица, вернись!..

ЦЕРЕМОНІЙМЕЙСТЕРЪ.

Опомнись, принцъ!

СИЛЬВІО.

Прочь руки
Бѣгу за ней!..

ЦЕРЕМОНІЙМЕЙСТЕРЪ.

Что скажетъ свѣтъ!..

СИЛЬВІО.

Я полонъ сладкой муки...

ЦЕРЕМОНІЙМЕЙСТЕРЪ.

Ты нарушаешь этикетъ...

КАВАЛЕРЪ.

Бѣднякъ!

СТАРАЯ ФРЕЙЛИНА (тихо, съ ужасомъ).

Онъ пьянъ!

КАВАЛЕРЪ.

Но не виномъ, любовью!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Къ кому?

ПЕРВЫЙ.

Къ той дамѣ молодой.

ОДНА ИЗЪ ФРЕЙЛИНЪ.

Счастливица!

ВТОРАЯ.

Какъ быстро!

ТРЕТЬЯ.

Боже мой,
Играть бѣда съ такой горячей кровью!

ВТОРАЯ.

Какъ порохъ вспыхнулъ..

ТРЕТЬЯ.

Да, не то,
Что наши франты...

ЧЕТВЕРТАЯ.

При дворѣ никто
Не могъ бы съ нимъ поспорить въ этомъ дѣлѣ.

ПРИДВОРНЫЙ.

А ловко мы его на удочку поддѣли!

ДРУГОЙ.

Онъ нашъ вдвойнѣ: къ нему нашли мы два пути.—
Вино и женщинъ...

ЦЕРЕМОНІЙМЕЙСТЕРЪ (на ухо Сильвіо).

Государь, прости, —
На пару словъ: скажи, кого ты любишь болѣ,
Брюнетокъ иль блондинокъ? принцъ, по волѣ
Твоей доставить я готовъ
Красавицъ лучшихъ въ цѣломъ свѣтѣ
Всѣхъ возрастовъ, племенъ, нарѣчій и цвѣтовъ!..
Ужъ и теперь въ моемъ букетѣ —
Немало чудныхъ розъ и лилій на примѣтѣ.

МАРШАЛЪ (склоняясь и подавая Сильвіо мечъ).

Солдаты ждутъ, возьми твой мечъ
И за тобой пойдемъ мы слѣдомъ...
Полки въ огонь кровавыхъ сѣчъ
На страхъ врагамъ веди къ побѣдамъ.

ШУТЪ (напѣваетъ).

«На чарку водки, куманекъ!»
Роберъ зоветъ Жуана;
Въ таверне слышится: чокъ-чокъ,
Веселый звонъ стакана.
Но вотъ подрался царь съ царемъ,
Роберъ Жуану сталъ врагомъ;
Ужъ не подъ звонъ стакана —
Въ лихомъ бою, какъ съ звѣремъ звѣрь
Два друга встрѣтились теперь
Подъ грохотъ барабана.
Роберъ пріятеля убилъ
И крестъ за подвигъ получилъ,
Роберъ убилъ Жуана...
Снопами валятся тѣла,

И не осталось ни кола
От вражескаго стана;
Ура, побѣда! Но никто
Не объяснилъ бы намъ, за что
Роберъ убилъ Жуана.

МАРШАЛЪ.

Монархъ, ты грозный вождь безчисленныхъ полковъ,
Явись же къ нимъ на мигъ и взоромъ ихъ обрадуй!
За долгіе года лишеній и трудовъ
Да будетъ твой привѣтъ имъ лучшею наградой.
Взгляни, вотъ рать твоя!

(Отдергиваетъ занавѣсъ, — и съ террасы открывается видъ на площадь, покрытую войсками.)

ВОЙСКА.

Да здравствуетъ нашъ царь!

СИЛЬВІО.

И это — не мечта, не ложь, не сновидѣнье!..
Я царь!.. Въ самозабвеньи
Какъ сладко повторять мнѣ гордыя слова...
И кружится надъ бездной голова...
Рабы, я принимаю
Вашъ блещущій вѣнецъ безтрепетной рукой.
И надъ простертою у ногъ моихъ толпой
Я скиптръ высоко подымаю!..

ВСѢ.

Да здравствуетъ нашъ царь!

(Король и придворные уходятъ.)

ЗАЛЪ ВО ДВОРЦѢ.

Входятъ двое придворныхъ, разговаривая.

ПЕРВЫЙ

Каковъ нашъ принцъ!.. И день и ночь похмелье!
Не только всѣхъ вельможъ — онъ дамъ перепоилъ!
Въ разбойничій вертепъ чертогъ свой превратилъ:
Развратъ, безумство, пьяное веселье...

ВТОРОЙ.

Толпа гулякъ, по городу блуждая,
Врывается порой, какъ бѣшеная стая,
Въ дома почтенныхъ горожанъ, —
И бьетъ, что подъ руку попало, нашъ буянъ, —
Лакеевъ, рыцарей, посуду.
Бѣда красавицамъ и бочкамъ сладкихъ винъ:
И въ кладовыхъ, и въ дѣвичьихъ — повсюду
Хозяйничаетъ онъ, какъ полный властелинъ.
Не быть добру...

ПЕРВЫЙ.

А слышали вы новость?
Онъ съ нашимъ добрымъ, старымъ королемъ
Дерзнулъ выказывать надменную суровость.
Его поссорили съ отцомъ.

ВТОРОЙ.

За что?

ПЕРВЫЙ.

Онъ раздраженъ интригами и сплетней;
Узналъ онъ, что отецъ вѣнца его лишилъ
По волѣ рока и свѣтилъ;
Съ тѣхъ поръ онъ каждый день мрачнѣй и непривѣтнѣй.

ВТОРОЙ.

Шаги... Прощайте...

(Входятъ Сильвіо, придворные и Шутъ.)

ШУТЪ.

Таковъ удѣлъ земной: природа для людей
Заимодавецъ безпощадный.
И всѣ одинъ процентъ — сто нà сто — платятъ ей
За каждый свѣтлый лучъ, за каждый мигъ отрадный,
Кто бъ ни былъ должникомъ — сапожникъ иль король.
Вчера любовь, вчера веселье, —
Сегодня скука, и похмелье,
И мудрость поздняя, и головная боль.

СИЛЬВІО.

Бездѣльники, льстецы и дармоѣды,
Такъ вотъ какъ служатъ королю!
Гдѣ хохотъ, шутки и бесѣды?
Я лицъ унылыхъ не терплю,
Пляшите, смѣйтесь — чѣмъ хотите —
Умомъ иль глупостью — царя развеселите!..
Найдите для меня игру, забаву, трудъ...
Что дѣлаютъ у васъ, когда не спятъ, не пьютъ
И не цѣлуются съ красотками?..

КАНЦЛЕРЪ.

Великій
И доблестный порывъ премудраго владыки
Мы всѣ привѣтствуемъ; твой юный духъ растетъ
И жаждетъ къ подвигамъ направить свой полетъ.
Дерзну ль, монархъ, къ дѣламъ правленья
Привлечь твой милостивый взглядъ:
Мои бумаги, повелѣнья
Давно безъ подписи лежатъ.
Взглянуть на нихъ царю не будетъ ли угодно?
Вотъ кипа пыльныхъ, старыхъ дѣлъ:
Когда бъ просить тебя я смѣлъ,
Чтобъ ты, пожертвовавъ минуткою свободной,
Хотя бъ важнѣйшія бумаги просмотрѣлъ...

СИЛЬВІО.

Подать мнѣ свитки.

КАНЦЛЕРЪ.

Вотъ, мой царь.

СИЛЬВІО (бросая свитки).

Возьмите ихъ, солдаты,
Скорѣй въ огонь весь этотъ хламъ проклятый
И пепелъ пò вѣтру развѣйте!

КАНЦЛЕРЪ (въ ужасѣ).

Государь.
Здѣсь важныя дѣла!

СИЛЬВІО.

Повелѣваю,
Чтобъ по всему подвластному мнѣ краю
Дѣла и рапорты, какіе бъ ни нашли —
Рукою палача немедленно сожгли.

(Солдаты, взявъ бумаги, удаляются.)

Гдѣ мой шутъ? О немъ тоскую...
Мой дуракъ — умнѣе всѣхъ
Спой мнѣ пѣсенку простую,
Дай услышать вольный смѣхъ!

ШУТЪ (напѣваетъ).

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя:
То короны и митры сметаетъ, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходитъ къ шуту: «собирайся, Дуракъ,
Я возьму и тебя въ мою ношу,
И къ вѣнцамъ и тіарамъ твой пестрый колпакъ
Въ мою общую сумку я брошу».
Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ
И колотитъ онъ Смерть погремушкой,

По костлявому черепу бьетъ, что есть силъ,
И смѣется надъ бѣдной старушкой.
Стонетъ жалобно Смерть: «Ой, голубчикъ, постой!»
Но герой нашъ уняться не хочетъ,
Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ пустой,
И кричитъ, и безумно хохочетъ:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смѣхъ всей душою люблю,
Буду жить-поживать припѣвая:
Громъ побѣдъ отзвучитъ, красота отцвѣтетъ,
Но дуракъ никогда и нигдѣ не умретъ —
Но безсмертна лишь глупость людская!»

СИЛЬВІО.

Спасибо, шутъ, ты разсмѣшилъ меня.
Исчезъ похмелья чадъ тяжелый.
Вина, рабы! За пиръ веселый,
Скорѣй за столъ, друзья!

СТАРЫЙ СЛУГА (выходя изъ толпы).

Побойся Бога!..

СИЛЬВІО.

Берегись!..

СЛУГА.

Чего
Беречься мнѣ? Меча и скиптра твоего?
Когда еще, мой принцъ, васъ не было на свѣтѣ,
Ни крови не щадя, ни силъ,
Во брани, мирѣ и совѣтѣ
Народу моему я правдою служилъ...

СИЛЬВІО.

Молчи!..

СЛУГА.

Мой долгъ свершу я до конца,
И я скажу тебѣ, какъ старый воинъ:
Ты недостоинъ
Великаго отца!

СИЛЬВІО.

Молчи!

СЛУГА.

Молчать мнѣ поздно,
Довольно я терпѣлъ, нѣтъ больше силъ молчать,
Клянусь — предъ истиною грозной,
Тебя заставлю я дрожать!
И знай, не защитятъ отъ праведнаго Бога
Ни грозные полки, ни шайки палачей:
Небесный громъ найдетъ и за стѣной чертога
Тебя, убійца и злодѣй!..

(Сильвіо кидается на слугу и закалываетъ его. Придворные разбѣгаются, на сценѣ остаются Сильвіо и Шутъ.)

(Входитъ Базиліо.)

БАЗИЛІО.

Кровь — на рукахъ его!.. О, сила
Жестокая, надъ участью людей
Царящая, Судьба! Не отдавайся ей,
Борись, дитя мое...

СИЛЬВІО.

Не рокъ, и не свѣтила,
А прихоть стараго глупца
Меня лишила
Престола и вѣнца.
Не обвиняй судьбы: не ты ль, отецъ преступный,
По мнимой волѣ рока и свѣтилъ
Меня въ невѣдомыхъ лѣсахъ похоронилъ?
И брошенный въ пустынѣ недоступной,

Какъ сорная трава, я росъ... И вотъ, теперь,
Ты удивляешься, что дикъ я и мятеженъ,
И непочтителенъ, и недовольно нѣженъ...
Кого мнѣ почитать, кого любить?.. Я звѣрь!..
Ни совѣсти, ни Бога, ни отчизны
Нѣтъ у меня: ты самъ лишилъ меня всего!..
И мнѣ ли слушать укоризны
Мучителя, тирана моего!

БАЗИЛІО.

Мой сынъ, ты опьяненъ могуществомъ и властью,
Но знай: измѣнчивъ рокъ, не довѣряйся счастью.
Величіе царей и слава промелькнетъ,
Какъ тучка на зарѣ, мгновенно потухая,
Съ чела корона золотая
И пурпуръ съ плечъ твоихъ спадетъ.
И ты останешься забытымъ, одинокимъ,
И ты очнешься вновь, могучій, грозный царь,
Въ глуши нѣмыхъ лѣсовъ — невѣдомый дикарь,
И будетъ тронъ тебѣ казаться сномъ далекимъ...
Прости, мой бѣдный сынъ, прости навѣкъ!..

(Клотальдо уходитъ, и за нимъ Сильвіо въ глубокомъ раздумьи.)

ШУТЪ (одинъ, надъ трупомъ слуги).

Нѣтъ, но буду унижать
Шутки вольной. Вы богаты,
Золоченыя палаты...
Только нечѣмъ здѣсь дышать!
Я помчусь, отваги полный,
Прочь изъ клѣтки золотой,
Окунусь, какъ рыба, въ волны
Жизни бѣдной и простой!
Царедворцевъ знаменитыхъ,
Гордыхъ рыцарей и дамъ
За отверженныхъ, забытыхъ
Я такъ радостно отдамъ.

И по бургамъ, и по селамъ
Вмѣстѣ съ труппой кочевой,
Стану циникомъ веселымъ
Я бродить въ толпѣ людской.
Подъ дощатымъ балаганомъ,
Съ арлекиномъ полупьянымъ
Буду счастливъ я душой.
Здравствуй, бѣдность, здравствуй, воля,
Ароматъ ночного поля,
Ястребъ въ небѣ голубомъ,
И грачи, и скрипъ телѣги,
И цыганскіе ночлеги
За пылающимъ костромъ!..

ПИРЪ.

Сильвіо, кавалеры и дамы. Въ сторонѣ Базиліо инкогнито въ темномъ плащѣ и виночерпій.

БАЗИЛІО (тихо).

Вотъ ядъ. Но волю нашу
Исполнишь ли ты, рабъ?

ВИНОЧЕРПІЙ.

Царь, нѣтъ слуги вѣрнѣй
Меня..

БАЗИЛІО.

Такъ знака жди, и въ чашу,
По манію руки моей,
Ты принцу Сильвіо отравы сонной влей.

(Въ другомъ концѣ залы разговариваютъ двое придворныхъ.)

ПЕРВЫЙ.

Кто эта дѣвушка, сеньоръ, что съ принцемъ рядомъ
Сидитъ на тронѣ золотомъ?

Она — царица гордымъ взглядомъ
И повелительнымъ челомъ.

ВТОРОЙ.

Какъ, вы не знаете? То лучшій перлъ въ коронѣ;
Въ одномъ изъ кутежей король ее нашелъ
Въ какомъ-то уличномъ притонѣ,
И, фрейлинамъ назло, блудницу онъ возвелъ
На опозоренный престолъ.

БЕАТРИЧЕ (подходя къ окну и откидывая завѣсу).

Что боитесь вы разсвѣта?
Ставни настежъ распахните,
И съ зарей потоки свѣта
Въ залу душную впустите!
Солнце, солнце! Меркнутъ свѣчи,
Вѣтерокъ подулъ изъ оконъ,
И дрожатъ нагія плечи,
Золотистый вьется локонъ...
Но зачѣмъ же ваши очи
Малодушно предъ зарею
Ищутъ тѣни, ищутъ ночи,
Какъ предъ грознымъ судіею?

(Беатриче подымаетъ кубокъ и обращается къ Сильвіо.)

За подвиги твои грядущіе я пью!
За Сильвіо-вождя я тостъ провозглашаю,
И чашу полную мою
Навстрѣчу солнцу подымаю!

СИЛЬВІО.

За побѣды!..

(По знаку стараго короля, виночерпій подаетъ Сильвіо кубокъ съ ядомъ; онъ его выпиваетъ.)

(Послѣ молчанія)... Глаза застилаетъ туманъ...
Тише... слышите, ржутъ гдѣ-то кони...
Вотъ и трубы звучатъ, и гремитъ барабанъ,
И, какъ молнія, вспыхнули брони...

Легіоны, впередъ! Проношусь я грозой,
И бѣгутъ племена и народы—
Какъ пески предъ самумомъ, бѣгутъ предо мной,
И какъ бурей гонимыя воды!

(Чаша падаетъ изъ его рукъ и онъ склоняется, одолѣваемый дремотой.)

Я весь міръ побѣдилъ, я безсмертенъ, какъ Богъ.
Подо мной, пресмыкаясь во прахѣ,
Гдѣ-то тамъ, далеко, у подножія ногъ,
Мнѣ вселенная молится въ страхѣ.
Выше, выше... Не видно земли, и кругомъ
Безпредѣльное сердцемъ я чую,
И несутъ меня крылья, несутъ... и орломъ
Прямо въ бездну я мчусь голубую!..

(Засыпаетъ. Базиліо, сбросивъ плащъ, является въ царскомъ одѣяньи. Всѣ передъ нимъ преклоняются. Онъ подходитъ къ Сильвіо и снимаетъ съ него корону.)

КОРОЛЬ.

Вотъ человѣкъ: онъ стремился къ величью и власти.
Людямъ и Богу грозилъ онъ рукой дерзновенной,
Душу его волновали могучія страсти;
Мало казалось для нихъ необъятной вселенной...
Гдѣ же, герой, твои смѣлыя, гордыя мысли,
Силы, надежды?..
Руки повисли,
Сомкнуты вѣжды...
Мечъ и несмѣтное войско, и громъ твоей славы—
Вся твоя сила
Не побѣдила
Капли отравы.
Все, что такъ жаждалъ обнять ты душой ненасытной,—
Все улетѣло,
И беззащитно —
Жалкое тѣло.
Вотъ—наша доля!.. Какая-то вѣчная Сила
Скрытая тайной,
Насъ одарила
Жизнью случайной.

Не для себя—для нея мы живемъ и страдаемъ,
Полны томленья,
И улетаемъ,
Какъ сновидѣнья!..

(Слуги уносятъ спящаго Сильвіо.)

ОБНАЖЕННЫЯ СКАЛЫ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Сильвіо спитъ подъ звѣриной шкурой; надъ нимъ стоитъ **Клотальдо**, указывая ему на небо.

СИЛЬВІО (открывая глаза).

Гдѣ я?..

КЛОТАЛЬДО.

Орелъ давно исчезъ.
Потухло солнце за горами...
Свѣтила блѣдныя съ небесъ
Взираютъ кроткими очами.
Проснись!..

СИЛЬВІО.

Гдѣ мой престолъ?..

КЛОТАЛЬДО.

Дитя,
Опомнись: жадными очами
За птицей гордою слѣдя,
Здѣсь, надъ угрюмыми скалами,
Уснулъ ты въ полдень золотой,—
Теперь ужъ ночь—пора домой.

СИЛЬВІО.

Такъ это былъ лишь сонъ!..

КЛОТАЛЬДО.

Но что же
Во снѣ ты видѣлъ, сынъ мой?

СИЛЬВІО.

Боже
Я видѣлъ блещущій дворецъ,
Неодолимую державу...
Я видѣлъ пурпуръ и вѣнецъ,
Могущество, побѣды, славу...

КЛОТАЛЬДО.

Забудь...

СИЛЬВІО.

Нѣтъ, лучше—смерть!

КЛОТАЛЬДО.

Мой другъ,
Взгляни, какъ ясенъ міръ природы,
Какъ спятъ озеръ нѣмыя воды,
И горъ знакомый полукругъ...
Туманъ клубится, и надъ бездной,
Едва блестятъ межъ облаковъ
Подъ тихимъ свѣтомъ ночи звѣздной
Громады вѣчныя снѣговъ...

СИЛЬВІО (не слушая).

Стремиться къ подвигамъ великимъ
Достигнуть трона, счастье, власть
Держать въ рукахъ—и сразу пасть,
И пробудиться звѣремъ дикимъ,—
Насмѣшка горькая! . . . .
. . . . . .

(Плачетъ.)

Но если все, чему такъ твердо
Я вѣрилъ—сила, красота,
Любовь, величье власти гордой—
Неуловимая мечта,
И жизнь, какъ молнія, умчится,—

То гдѣ жъ не призракъ, не обманъ,
Не мимолетная зарница
И не блистательный туманъ?..
Быть-можетъ, сонъ—и эти горы,
Луга, долины, небеса...
Быть-можетъ, призракъ—и лѣса,
И звѣздъ таинственные хоры,—
Весь міръ—созданіе мечты,
И все величіе вселенной
Надъ бездной вѣчной пустоты—
Лишь отблескъ радуги мгновенной...
Куда несется жизнь моя
Надъ безпредѣльнымъ океаномъ,
Какъ налетѣвшимъ ураганомъ
Полуразбитая ладья?
Опоры нѣтъ: подъ бурей вѣчной,
Какъ искра, меркнетъ свѣтъ ума...
Безсилье, ужасъ безконечный,
И одиночество, и тьма!..
Лѣсъ родимый! я спрячусь въ безмолвьи твоемъ
Въ изумрудной, таинственной мглѣ,
И къ холодной землѣ
Я приникну челомъ.
Объ утесы дробись и шуми водопадъ,
Пусть студеныя слезы твои окропятъ
Мнѣ горячую грудь...
Позабыться, уснуть!..
Нѣтъ, не буду, какъ прежде, могучъ и здоровъ
Со звѣрями подъ свѣжею тѣнью дубровъ:
Человѣка въ себѣ не убить мнѣ ничѣмъ;
А природѣ... на что я природѣ теперь,
Развращенный, больной и измученный звѣрь?..
Я печаленъ и нѣмъ
Буду въ мірѣ блуждать,
И закрытъ для меня первобытный Эдемъ:
Буду вѣчно томиться и вѣчно страдать!

ВНУТРЕННОСТЬ ПЕЩЕРЫ.

Сильвіо читаетъ книгу при свѣтѣ лампады. **Клотальдо** входитъ незамѣченный.

КЛОТАЛЬДО.

...Тихо кругомъ... Только летучія мыши вьются, шурша, надъ лампадой; со сводовъ висятъ сталактиты и капли стекаютъ по нимъ и падаютъ на полъ, какъ слезы. Бѣдный мой Сильвіо!

СИЛЬВІО.

Кто зоветъ меня?

КЛОТАЛЬДО.

Это я пришелъ тебя провѣдать.

СИЛЬВІО.

Тяжко мнѣ, отецъ... Прежде я смутно чувствовалъ что жизнь только греза, теперь мудрость подтвердила мой опытъ... Она доказала, что вся природа—сонъ, и человѣкъ никогда не узнаетъ, что кроется тамъ, за призрачной дымкой явленій и формъ... Никогда, никогда!..

КЛОТАЛЬДО.

Дитя, о чемъ ты горюешь? Къ чему тебѣ тайна природы? Удѣлъ человѣка—работа, а для работы тебѣ довольно и того, что ты можешь познать.

СИЛЬВІО.

Нѣтъ, лучше убью себя, но не отрекусь ни на одно мгновеніе отъ моей неутолимой жажды... Для меня нѣтъ другого исхода—или проникнуть въ тайну или погибнуть!

НАРОДЪ. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ.

На ратушѣ звонятъ въ колоколъ. Крестьяне, ремесленники, купцы, нищіе толкаются, кричатъ и пробѣгаютъ толпа за толпой.

ГЕРОЛЬДЪ (съ трубою).

На площадь, граждане, на площадь!

КУПЕЦЪ.

Эй сосѣдъ,
Куда бѣжишь?

РЕМЕСЛЕННИКЪ

Бѣгу, какъ быкъ—на красный цвѣтъ.
Не знаю самъ куда; на мѣстѣ не сидится!..
Когда народъ бушуетъ и реветъ
И звѣремъ бѣшенымъ стремится
На приступъ, бунтъ, пожаръ—мнѣ все равно—впередъ
Безсмысленно бѣгу, куда толпа влечетъ,
И силы нѣтъ остановиться.

КУПЕЦЪ (запирая лавку).

И мнѣ не терпится, и я съ тобой бѣгу,
Меня несутъ, какъ вѣтеръ, ноги
И удержаться не могу.

(Входятъ придворный, переодѣтый въ платье рабочаго, и крестьянинъ.

ПРИДВОРНЫЙ.

Вѣдь юный царь и щедрый, и нестрогій
И вамъ же обѣщалъ онъ облегчить налоги.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Что молвилъ ты? Отецъ родной! Не можетъ быть,
Налоги?..

ПРИДВОРНЫЙ.

Да, на шерсть, и соль, и водку...

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ну, нѣтъ, ужъ я теперь за Сильвіо! На сходку
Я приведу тебѣ здоровыхъ молодцовъ,
Налоги! Боже мой, да я на все готовъ!
Ахъ, свѣтики мои, вотъ счастье-то какое!
Задѣлъ же ты насъ, братецъ, за живое..
За Сильвіо мы всѣ, за Сильвіо! Лечу,
На площади я весь народъ перекричу!

(Пьяные солдаты выходятъ изъ таверны и разговариваютъ.)

ПЕРВЫЙ.

Какой у насъ король—не царь онъ, а старуха,

ВТОРОЙ.

Въ немъ нѣтъ воинственнаго духа.

ТРЕТІЙ.

А Сильвіо въ походъ вести насъ обѣщалъ!
Вотъ—нашей арміи достойный генералъ!..

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Награды, ордена, фуражировки...
Ужъ то-то привеземъ любовницамъ обновки!

ОДИНЪ ИЗЪ СОЛДАТЪ.

Войны, мы требуемъ войны!

ДРУГОЙ.

Мы постоимъ
За Сильвіо, отдайте намъ героя,
Не то возьмемъ его мы съ боя!

СОЛДАТЫ.

Гдѣ принцъ, гдѣ юный вождь? Вся армія за нимъ!

ПУСТЫНЯ.

Народъ и войско. Сильвіо подъ звѣриной шкурой. Военачальникъ на колѣняхъ подаетъ ему корону.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Царемъ мы Сильвіо избрали;
И умолять его пришли,
Чтобъ онъ въ смятеньи и печали
Не покидалъ родной земли.
Прими же, Сильвіо, корону;
Мы за тобой на смерть пойдемъ;
И путь къ наслѣдственному трону
Тебѣ проложимъ мы мечомъ.

СИЛЬВІО.

Уйдите прочь!..

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Ужель, монархъ, лишенный чести,
Обиды и позоръ оставишь ты безъ мести?

СИЛЬВІО.

Мстить—для чего?.. Кто могъ меня обидѣть?
Вѣдь люди—призраки, дѣйствительность—обманъ...
Не стоитъ ихъ любить, не стоитъ ненавидѣть:
Они разсѣются, какъ утренній туманъ!..
Убить врага—къ чему? Чрезъ два иль три мгновенья
Не будетъ ли и онъ, какъ я, добычей тлѣнья?
За всѣхъ живыхъ въ груди моей—тоска,
И мстить не хочется, и потухаетъ злоба
Предъ холодомъ и тишиною гроба,
И падаетъ съ мечомъ безсильная рука!..
Уйдите!..

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Дорого намъ каждое мгновенье,
Несмѣтные полки тиранъ ведетъ на насъ.

Подумай, сколькихъ жертвъ въ рукахъ твоихъ спасенье;
Должны съ отцомъ твоимъ вступить мы въ бой тотчасъ.
Побѣда—или смерть, намъ больше нѣтъ исхода...
Спаси насъ, будь царемъ! Гласъ Божій—гласъ народа!..

СИЛЬВІО.

Мнѣ все равно... На тронъ ведите,
Я вновь готовъ принять порфиру и вѣнецъ...
Въ груди нѣтъ воли, силъ, желаній... Что хотите
Вы дѣлайте со мной, я буду, какъ мертвецъ,
Какъ бездыханный трупъ, безропотно послушенъ,
И нѣмъ, и холоденъ, и къ власти равнодушенъ.

НАРОДЪ И ВОЙСКО.

На щитъ царя!

(Сильвіо подымаютъ на щитъ.)

СИЛЬВІО (про себя).

Противны мнѣ и дики
Толпы восторженные крики...
Войска, народъ—и все, что вижу предъ собой—
Мнѣ кажется теперь какой-то грезой дальной,
Иль сказкой, полною ироніи печальной,
И жалокъ самъ себѣ, въ коронѣ золотой,
Я, призрачный монархъ—надъ призрачной толпой!

НАРОДЪ.

Умремъ за Сильвіо!

(Войско и народъ уносятъ Сильвіо на щитѣ.)

ПОСЛѢ ПОБѢДЫ.

Надъ полемъ сраженія высокій холмъ. Шумъ битвы. **Сильвіо** въ полномъ вооруженіи.

ВОЙСКА.

Привѣтъ царю, привѣтъ!

СОЛДАТЫ (приводятъ стараго короля Базиліо въ оковахъ).

Монархъ, мы привели
Тирана плѣннаго, врага родной земли.

БАЗИЛІО.

Я вижу: правъ вашъ приговоръ,
Неодолимыя свѣтила!
Давно влекла слѣпая сила
Меня на гибель и позоръ.
И вотъ—свершилось. Побѣдила
Судьба. Мой сынъ, не ты жестокъ,
Не ты казнишь меня, а Рокъ!

СИЛЬВІО.

Предъ ужасающею тайной,
Какъ я,—безпомощенъ и слѣпъ—
Ты былъ игрушкою случайной
Непознаваемыхъ судебъ...
Нѣтъ виноватыхъ! Гнѣвъ безплоденъ..,
Снимите цѣпь съ него... Старикъ,
Ты былъ въ несчастіяхъ великъ—
Иди... прощаю, ты свободенъ...

ТЕРРАСА НАДЪ МОРЕМЪ. ЛУННАЯ НОЧЬ. ПІРЪ.

Сильвіо на тронѣ. Базиліо, Клотальдо, Беатриче, придворные. Пѣвецъ играетъ на арфѣ. По знаку Сильвіо онъ умолкаетъ.

СИЛЬВІО.

На что, пѣвецъ, мнѣ эти звуки?
Должны когда-нибудь они умчаться прочь,
И будутъ послѣ нихъ еще тяжеле муки,
Еще томительнѣе ночь.
Могильный остовъ прячетъ въ розы
Поэтовъ дѣтская мечта;
Но если правды нѣтъ—на что мнѣ красота?
На что—обманъ, на что мнѣ—грезы?
Уйди, пѣвецъ!

БЕАТРИЧЕ.

Ко мнѣ! Я разумъ усыплю,
Боль ненавистнаго сознанья утолю!..

(Беатриче хочетъ его обнять, но онъ отталкиваетъ ее.)

СИЛЬВІО.

Довольно! Факелы и свѣчи потушите...
Мнѣ страшно быть съ людьми! Уйдите всѣ, и пусть
Растетъ въ безмолвіи моя нѣмая грусть.
Вино и чаши унесите!

(Гости уходятъ, слуги уносятъ кубки, явства и свѣчи; остаются Клотальдо, старый король и Сильвіо)

БАЗИЛІО.

Умомъ безстрастнымъ побѣждая муки,
Забудь себя, отдай всю жизнь наукѣ.
Могильный прахъ—и чистый лучъ разсвѣта,
Звѣзду, что перломъ въ сумракѣ повисла,
Мечту, что родилась въ душѣ поэта—
Ты разлагай на мѣру, вѣсъ и числа.
Изслѣдуй все въ тиши лабораторій:
Гніющій трупъ, и нѣжный запахъ розы,
Людскихъ сердецъ возвышенное горе,
И брызги волнъ, и вдохновенья слезы.
Тогда спадетъ съ очей твоихъ завѣса,
Поймешь ты жизнь таинственную міра
И въ ропотѣ задумчиваго лѣса,
И въ трепетѣ полночнаго эѳира:
Какъ звукъ съ созвучіемъ—душой смиренной
Сольешься ты съ гармоніей вселенной.

СИЛЬВІО.

Скажи, достигну ли я тайны роковой?
Проникну ль хоть на мигъ къ источнику явленій,
Къ той грозной глубинѣ, къ той пропасти нѣмой,
Что скрыта облакомъ блистательныхъ видѣній,

БАЗИЛІО.

Нѣтъ, лгать я не хочу, тамъ, за предѣломъ знаній,
Тебя наука къ Тайнѣ приведетъ;
Твой умъ слабѣющій коснется вѣчной грани—
И больше ни на шагъ не двинется впередъ.
И какъ бы ни дерзнулъ глубоко погружаться
Къ началамъ бытія, въ природу человѣкъ—
Онъ будетъ къ роковой загадкѣ приближаться—
И не рѣшитъ ея во вѣкъ.

СИЛЬВІО.

На что же мнѣ твоя наука?
Чѣмъ безнадежнѣе, чѣмъ глубже сознаю
Предъ тайной мировой безпомощность мою,
Тѣмъ жизнь безсмысленнѣй, тѣмъ нестерпимѣй мука!

БАЗИЛІО.

Ты къ невозможному стремишься...

ИЛЬВІО.

Если такъ,
Кто въ сердце мнѣ вложилъ безумное стремленье;
Зачѣмъ я не могу не рваться въ тайный мракъ
Къ тому, что—не обманъ, не призракъ, не видѣнье?..
Проклятье—знанію! Оно гласитъ: «смирись,
Ты жалкій рабъ, не царь въ природѣ,
Отъ смысла жизни отрекись,
Не требуй истины, не думай о свободѣ».
Проклятье знанью твоему!
Оно лишь муки сердца растравляетъ,
И, какъ услужливый тюремщикъ, освѣщаетъ
Порабощенному уму
Его огромную и страшную тюрьму!..

КЛОТАЛЬДО.

Наука—ложь. Спасенье тамъ—въ природѣ;
Вернись же къ ней, простой рабочей жизни,

Къ землѣ родимой, къ миру и свободѣ,
Къ затишью селъ, къ покинутой отчизнѣ.
Попробуй жить съ крестьянами на волѣ,
Попробуй взять лопату, плугъ иль молотъ
И на зарѣ иди работать въ полѣ—
Ты будешь вновь душою бодръ и молодъ.

СИЛЬВІО.

О пусть въ груди моей—безумная тоска:
За мирный сонъ души я не отдамъ сознанья!
Не надо мнѣ тупого прозябанья,
Покорности и счастья мужика!
Проклятье вамъ! Вы лжете оба,
Въ груди отъ вашихъ словъ сильнѣй тоска и злоба.
Тамъ, въ мирной тишинѣ жилища твоего,
Старикъ, ты выдумалъ сліяніе съ народомъ,
А ты, король, свою науку, для того,
Чтобъ утѣшать себя хоть призрачнымъ исходомъ,
Чтобъ хоть миражемъ заслонить
Зіяющія бездны..
Но я правдивѣй васъ: я смѣлъ разоблачить
Трусливый вашъ обманъ, смѣшной и безполезный.
Уйдите прочь!

(Базиліо и Клотальдо уходятъ.)

СИЛЬВІО.

Теперь мы, скорбь, съ тобой вдвоемъ.
Я не дрожу, я не блѣднѣю,
И если узелъ твой распутать не сумѣю—
Я разсѣку его мечомъ!
Ударъ—и смолкнетъ боль сознанья
Среди мгновенной тишины,
Ударъ—и кончены страданья,
И всѣ вопросы рѣшены...
Тамъ, на глади морской, исчезая вдали,
Блескъ луны отраженъ, какъ серебряный путь,
Если бъ могъ я умчаться по немъ отъ земли,

Чтобы въ лунномъ сіяньи навѣкъ потонуть.
Я безъ думъ и безъ мукъ невозвратно бъ исчезъ
Въ этомъ мягкомъ, волнистомъ туманѣ небесъ...
Я бы умеръ, какъ отблескъ холодной луны,
На трепещущемъ лонѣ пѣвучей волны...
Если бъ знать мнѣ, о чемъ это волны поютъ?..
И не та же ли скорбь, какъ меня, ихъ гнететъ?..
Обѣщая мнѣ вѣчный покой и пріютъ,
Что-то къ пропасти манитъ меня и влечетъ...
Слышу, волны, призывъ вашъ: я скоро приду!..

(За сценой слышатся голоса.)

ГОЛОСЪ ЭСТРЕЛЛЫ, молодой фрейлины.

Я должна его видѣть!.. Пустите меня!..

ГОЛОСЪ ПАЖА.

Король велѣлъ никого не принимать.

(Входитъ пажъ со свѣтильникомъ, который онъ ставитъ на столъ и Эстрелла).

ПАЖЪ.

Не моя вина, государь... Я предупреждалъ—...

(По знаку Сильвіо пажъ уходитъ.)

СИЛЬВІО.

Что вамъ надо?

ЭСТРЕЛЛА.

Я пришла умолять...

СИЛЬВІО.

Вы могли обратиться къ министрамъ...

ЭСТРЕЛЛА.

Я просила всѣхъ, но напрасно...

СИЛЬВІО.

Въ чемъ же ваша просьба?

ЭСТРЕЛЛА.

Помилуйте моего брата...

СИЛЬВІО.

Что онъ сдѣлалъ?

ЭСТРЕЛЛА.

Фернандо де-ла-Сена въ междоусобной войнѣ противъ вашего отца остался вѣренъ старому королю Базиліо. Когда всѣ отъ него отступили и перешли на сторону враговъ, Фернандо, въ числѣ немногихъ, сохраняя вѣрность присягѣ сражался за своего государя. Мой братъ схваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими рыцарями. Ваши приверженцы объявили его мятежникомъ, заключили въ темницу, и завтра долженъ исполниться смертный приговоръ, подписанный вашею рукою, государь!.. Гдѣ же справедливость?.. За что онъ умретъ?.. Пощады, Сильвіо, пощады невинному!..

СИЛЬВІО.

Какое дѣло мнѣ до вашего брата?... Его осудили на смерть,—пусть онъ умретъ.

ЭСТРЕЛЛА.

Не будьте жестокимъ!..

СИЛЬВІО

Я дѣлаю это не изъ жестокости, но изъ равнодушія... Зачѣмъ я буду прощать его?

ЭСТРЕЛЛА (падая на колѣни).

Умоляю, государь, именемъ справедливаго Бога, помилуй невиннаго, сжалься!

СИЛЬВІО.

Я не жалѣю себя, какъ могу я жалѣть другихъ?... Уйди прочь!

ЭСТРЕЛЛА.

Я не встану, пока ты не простишь!...

СИЛЬВІО.

Я позову слугъ...

ЭСТРЕЛЛА (встаетъ).

Хорошо. Но знай, король, что правды нѣтъ въ твоей землѣ... Ты дашь отвѣтъ предъ Богомъ за кровь невинныхъ!..

СИЛЬВІО.

Тише, тише... Я не понимаю, что такое правда и не знаю, что такое Богъ.

ЭСТРЕЛЛА.

Ты поймешь, когда будетъ поздно.

СИЛЬВІО.

Ты гнѣваешься?.. Напрасно. Я не жестокъ.

(Послѣ молчанія.)

Для того, чтобы показать, какъ я спокоенъ и равнодушенъ,—пусть братъ твой живетъ... Я прощаю его, хотя думаю, что даровать человѣку жизнь болѣе жестоко, чѣмъ отнять ее.

(Сильвіо подходитъ къ столу и пишетъ.)

Вотъ двѣ строчки къ министру. Подай эту записку, и твой братъ будетъ свободенъ.

ЭСТРЕЛЛА.

О, государь...

СИЛЬВІО.

Благодарить не за что: я прощаю не изъ милосердія. Чего ты ждешь?.. Иди.

ЭСТРЕЛЛА.

Я думала, государь...

СИЛЬВІО.

Что?..

ЭСТРЕЛЛА.

Простите и тѣхъ несчастныхъ, съ которыми братъ мой долженъ былъ завтра умереть.

СИЛЬВІО.

Вотъ смертный приговоръ.

(Беретъ бумагу со стола, развертываетъ и читаетъ равнодушно.)

Я забылъ подписать... Какъ много ихъ!..

ЭСТРЕЛЛА.

Не подписывайте, разорвите бумагу!..

СИЛЬВІО.

Зачѣмъ?.. Развѣ ты можешь меня увѣрить?...

ЭСТРЕЛЛА.

Милосердіе, государь...

СИЛЬВІО.

Пустое слово!..

ЭСТРЕЛЛА.

Молю васъ!

СИЛЬВІО.

Это — сильнѣе...

ЭСТРЕЛЛА.

Я не умѣю ничего сказать... Простите ихъ!..

СИЛЬВІО.

Простить?.. Ты думаешь, что такъ надо, что такъ хорошо?

ЭСТРЕЛЛА.

Да.

(Сильвіо разрываетъ смертный приговоръ и бросаетъ клочки бумаги въ море.)

ЭСТРЕЛЛА.

Сильвіо!..

(Бросается къ Сильвіо и цѣлуетъ его руку.)

СИЛЬВІО (въ волненьи).

Оставь меня!.. Уйди!.

ЭСТРЕЛЛА.

Молю тебя, не говори, что ты простилъ равнодушно, нѣтъ! я знаю: у тебя—великое сердце!

СИЛЬВІО.

Во имя чего же я могъ простить?

ЭСТРЕЛЛА.

Во имя Бога!..

СИЛЬВІО.

Я Его не знаю... Его нѣтъ!..

ЭСТРЕЛЛА.

Онъ есть!

СИЛЬВІО (въ волненіи, почти въ ужасѣ).

Уйди, говорю тебѣ, уйди прочь! Зачѣмъ ты хочешь вернуть меня къ жизни? Зачѣмъ ты пришла?.. Его нѣтъ!

ЭСТРЕЛЛА.

Онъ есть!.. Онъ одинъ только есть, все, что не Онъ— призракъ и обманъ! Сильвіо! Развѣ ты не чувствуешь?.. Посмотри на небо, посмотри въ глаза мои... Развѣ ты не видишь?.. Вотъ—Онъ!

СИЛЬВІО.

Нѣтъ! Когда я смотрю въ небо и въ твои глаза, я только вижу въ нихъ что-то далекое и забытое. Хочу вспомнить и не могу... Но Его—нѣтъ! Пойми же, тамъ— за этими призраками — пустота, мракъ! Тамъ — смерть!..

ЭСТРЕЛЛА.

Сильвіо, тамъ—Богъ!..

СИЛЬВІО.

О, если бы я могъ вѣрить!..

(Онъ закрываетъ лицо руками и плачетъ.)

ЭСТРЕЛЛА.

Я иду, государь, чтобы возвѣстить помилованіе осужденнымъ.

СИЛЬВІО.

Эстрелла!..

ЭСТРЕЛЛА.

Сейчасъ взойдетъ солнце... Пора!

(Эстрелла уходитъ.)

СИЛЬВІО (одинъ въ предразсвѣтномъ сумракѣ).

Вѣрить?.. Но гдѣ же Ты? Зачѣмъ Твое небо — такое холодное и пустое? Зачѣмъ Ты покинулъ меня одинокаго въ этой тьмѣ, окруженнаго ужасомъ и смертью?.. Если Ты скрываешься за призраками міра, откликнись!.. Гдѣ Ты? Услышь меня, Господи!

(Первые лучи солнца вырываются изъ-за облаковъ; Сильвіо стоитъ въ нѣмомъ созерцаніи, потомъ опускается на колѣни.)

Солнце!.. Твое ли это—солнце, Боже мой? Ты ли мнѣ первыми лучами его отвѣтилъ: *Вотъ — Я!* Вся природа— не глаголъ ли устъ твоихъ? Всѣми голосами міра не говоришь ли Ты о вѣчности: *Это — Я!* Вѣрю, Господи, помоги моему невѣрію!..

(Солнце изъ-за тучи медленно подымается и озаряетъ Сильвіо, простирающаго къ нему руки.)

. . . . . .

СИЛЬВІО.

Солнце надъ моремъ восходитъ изъ тучъ...
Бездну зажегъ его розовый лучъ...
Солнцу, великому солнцу—привѣтъ!
Слава Тебѣ, показавшему Свѣтъ!
Чрезъ борьбу и хаосъ дикой,
Чрезъ отчаянье и ложь,
Ты къ гармоніи великой
Міръ измученный ведешь.
О, согрѣй же теплотою,
Состраданьемъ безъ конца,
Утомленныя враждою,
Наши бѣдныя сердца.
Видишь здѣсь, Тобой спасенный,
Въ теплыхъ, радостныхъ слезахъ,

Я склоняюсь, умиленный
И трепещущій во прахъ.
Съ плачемъ дробясь о подножье скалы,
Пѣной блестятъ, умирая валы.
Богу «осанна!» гремитъ океанъ...
Вьется, какъ дымъ изъ кадильницъ, туманъ...
Солнцу, великому солнцу—привѣтъ!
Слава Тебѣ показавшему Свѣтъ!
Это Ты меня изъ ночи
Дланью любящей исторгъ,
Это ты открылъ мнѣ очи,
Далъ мученье и восторгъ...
Предъ Тобой я только плачу,
Въ благодарности я нѣмъ...
Всемогущій, что я значу?
Какъ я жалокъ—передъ Тѣмъ,
Кто хранитъ насъ и жалѣетъ
Каждый трепетный листокъ,
Какъ дитя свое, лелѣетъ
Непробившійся ростокъ...
Дай обнять любовью жгучей
Цѣлый міръ — и всей душой
Дай мнѣ слиться съ этой тучей,
Съ этой грозною волной.
Въ камнѣ, въ воздухѣ, въ былинкѣ
Жизнь я чувствую, любя,
Въ каждой блещущей росинкѣ,
Солнце, вижу я тебя.
Вотъ что не призракъ, не сонъ и не ложь...
Боже, молитву мою Ты поймешь...
Солнцу, великому солнцу привѣтъ!
Слава Тебѣ, показавшему Свѣтъ!

1887.

КОНЕЦЪ ВѢКА.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО ПАРИЖА.

I.

Евангельская притча.

О, что бы въ будущемъ, предчувствіемъ грозя,
Не ожидало насъ,—несчастнымъ быть нельзя
При солнцѣ утреннемъ, весною, городъ вѣчный,
Когда теряешься въ толпѣ твоей безпечной!
Посмотришь на бульваръ, гдѣ каждый солнцу радъ,
И распустившихся каштановъ ароматъ
Вдохнешь, услышишь смѣхъ, и говоръ беззаботный,
И женское лицо съ улыбкой мимолетной
Увидишь издали, и снова, жизнь любя,
Невольно радостнымъ почувствуешь себя,
И горько вспоминать о сѣверной отчизнѣ...
Какой здѣсь блескъ кругомъ, какая радость жизни!
Когда передо мной весельемъ ты гремишь,
На солнцѣ утреннемъ сіяющій Парижъ,
Я счастливъ за тебя, и чуждаго народа
Волнуетъ душу мнѣ и радуетъ свобода.
Какая бы печаль ни мучила, грозя—
Здѣсь, въ этомъ городѣ, несчастнымъ быть нельзя.

Но поздно вечеромъ въ мой уголокъ безмолвный
Я съ шумной улицы вернусь, раздумья полный.
Тогда Евангелье читаю въ тишинѣ,
Межъ тѣмъ какъ изъ окна доносится ко мнѣ,

Парижъ недремлющій, твой шумъ многоголосый.
Надъ книгой вѣчною забытые вопросы
Опять встаютъ въ душѣ: земная жизнь людей
Полна величія, но есть ли правда въ ней?
Я постигаю вновь твой смыслъ необычайный,
О притча древняя, исполненная тайной:

На нивѣ богача былъ урожай хлѣбовъ.
Онъ думалъ: «Некуда собрать моихъ плодовъ.
Какъ приготовить домъ къ такому урожаю?
А вотъ что сдѣлаю: всѣ житницы сломаю,
Большія выстрою и соберу туда
Мой хлѣбъ, мое добро, и я скажу тогда
Душѣ моей: душа! простись на вѣкъ съ тревогой,
Покойся,—у тебя лежитъ имѣнья много,
На годы многіе: гони заботы прочь
Ѣшь, пей и веселись!..»—«Безумецъ, въ эту ночь
Отнимутъ жизнь твою!—сказалъ Господь.—Несчастный,
Кому достанутся твой домъ и трудъ напрасный?»

Столица роскоши, на праздникѣ твоемъ
Я вижу иногда рабочаго съ лицомъ
Исполненнымъ нѣмой, загадочною думой,
Проходитъ онъ, какъ тѣнь, безмолвный и угрюмый,
Со взоромъ пристальнымъ завистливыхъ очей...
О, гость непрошенный на пирѣ богачей,
Мнѣ страшно при тебѣ за этотъ праздникъ вѣчный,
За легкую толпу, за смѣхъ ея безпечный
За яркія кафе и величавый рядъ
Твоихъ, о Новый Римъ, блистательныхъ громадъ!
Ты, какъ богачъ, сказалъ: «у насъ имѣнья много,
Ѣшь, пей и веселись!» И ты забылъ про Бога.
Но скорбь великая растетъ въ душѣ у всѣхъ...
Надолго ль этотъ пиръ, надолго ль этотъ смѣхъ?
Какимъ путемъ, куда идешь ты, вѣкъ желѣзный?
Иль больше цѣли нѣтъ, и ты виснишь надъ бездной?

II.

„Grille-d'-Egout".

Сюда идетъ тайкомъ скучающій любовникъ,
Художникъ и туристъ, писатель и чиновникъ:
«Garçon, un bok!» И пьютъ, и курятъ за пять су,
Любуются въ моноколь на томную красу
Полуночныхъ сильфидъ, внимая шансонеткѣ,
Гдѣ блещетъ стихъ порой, язвительный и мѣткій...
Но вотъ, въ дыму сигаръ, межъ черныхъ сюртуковъ,
И тысячи зеркалъ, и газовыхъ рожковъ,
При звукахъ музыки и радостнаго гула,
Она, воздушная, какъ бабочка, впорхнула.
Тебя безъ жалости я вспомнить не могу,
О бѣдное дитя Парижа «Grille-d'-Egout!»
Изъ кружевъ юбка, слой бѣлилъ на шеѣ голой
И рыжій цвѣтъ волосъ поддѣльныхъ, взоръ тяжелый
И странное лицо, въ которомъ жизни нѣтъ,
Какъ маска, мертвое, похожее на бредъ...
Межъ тѣмъ, когда, смѣясь, она въ отвагѣ бурной
Помчалась, до колѣнъ открывъ чулокъ ажурный,
И ногу стройную высоко подняла,
Наперекоръ всему—въ ней грація была
Демократической и уличной вакханки,
Въ ней то, что «fin de siècle» назвали парижанки,
Въ ней узнаетъ толпа свою родную дочь.
«Я нравлюсь, отъ меня вы не уйдете прочь!»—
Такъ говорило всѣмъ ея лицо—«смотрите,
Вотъ, что вы любите, и вотъ, чего хотите!»
Почтенный господинъ,—вполнѣ провинціалъ
По скромному лицу,—смотрѣлъ на этотъ балъ
Къ нему подпрыгнула она легко и смѣло,
Красивой ножкою цилиндръ его задѣла
И шляпу сбросила: удерживая гнѣвъ,
Онъ долженъ былъ принять обиду, покраснѣвъ.
А взоръ у «Grille-d'-Egout» весельемъ дѣтскимъ блещетъ,
И ей родной Парижъ въ восторгѣ рукоплещетъ!

III.

Ренанъ.

Но въ томъ же городѣ и въ тотъ же скорбный вѣкъ
Въ тиши работаетъ великій человѣкъ:
Я вижу кабинетъ въ спокойномъ полумракѣ
И древней надписи невѣдомые знаки;
Я вижу, какъ Ренанъ надъ грудой старыхъ книгъ,
Обдумывая мысль завѣтную, поникъ
Съ улыбкой тонкою, скептической и нѣжной,
Надъ сказкою любви иль вѣры безмятежной;
За правдой гонится сквозь тьму временъ и пыль
Сухихъ пергаментовъ; таинственная быль
По слову мудреца, поэзіей плѣняя.
Возстанетъ предъ людьми изъ гроба, какъ живая.
И вѣтреный Парижъ откликнется на все:
Я знаю—онъ пойметъ открытіе твое,
Ученый и поэтъ,—вы трудитесь не даромъ,—
Парижъ, гдѣ «Grille-d'-Egout» привѣтствовали съ жаромъ...
Я противъ воли все готовъ ему простить
За то, что геніевъ умѣетъ онъ любить!

IV.

Новое искусство.

Пѣвецъ Америки, таинственный и нѣжный,
Съ тѣхъ поръ, какъ прокричалъ твой Воронъ безнадежный
Однажды полночью унылой: «nevermore!»
Тотъ крикъ не умолкалъ въ твоей душѣ; съ тѣхъ поръ
За Вороном твоимъ, за вѣстникомъ печали
Поэты «nevermore», какъ эхо, повторяли;
И сумрачный Бодлэръ, тебѣ по музѣ братъ,
На горестный напѣвъ откликнуться былъ радъ;
Зловѣщей прелестью, какъ древняя Медуза,
Веселыхъ парижанъ пугала эта муза.
Зато ея рѣчей неотразимый ядъ,

Зато ея цвѣтовъ смертельный ароматъ
Надолго отравилъ больное поколѣнье.
Толпа мечтателей признала въ опьянѣньи
Тебя вождемъ, Бодлэръ... Романтиковъ былыхъ
Отвага буйная напоминала въ нихъ...

А все-таки порой завидуешь ихъ волѣ:
Живутъ, работаютъ на безграничномъ полѣ
И мыслятъ, и никто не можетъ запретить,
Что хочется писать, что хочется любить.
Они—безбожники, философы, буддисты,
Ученики Зола, «толстовцы», пессимисты,
Тамъ тысячи кружковъ, религій, партій, школъ,
Тамъ всякій думаетъ, что истину нашелъ.
Не вѣдая преградъ, свободно ищетъ геній
И новой красоты, и новыхъ откровеній.
И человѣчеству художники свой трудъ
Во славу Франціи дарить не устаютъ.
Открыты всѣ пути: ненужно лицемѣрить
И лгать передъ толпой. Они дерзаютъ вѣрить
Въ нашъ прозаичный вѣкъ, что святы ихъ мечты,
Исканье истины и жажды красоты.
У нихъ въ созданіяхъ, у нихъ въ душѣ—свобода:
Привѣтъ художникамъ великаго народа!

V.

Салонъ 1891 года.

Съ такими думами по выставкамъ брожу,
На тысячи картинъ, на статуи гляжу.
Чтобъ въ будничный мірокъ мы глубже заглянули
Одинъ, изобразивъ двѣ мѣдныя кастрюли
Да пару луковицъ, положенныхъ на столъ,
Новѣйшій реализмъ до крайности довелъ,
А близъ него другой, художникъ идеальный,
Стремится къ прелести легендъ первоначальной.
Въ картинѣ сказочный туманный полусвѣтъ,
Деревья странныя, какихъ въ природѣ нѣтъ.

Назло теоріямъ сухимъ и позитивнымъ,
Онъ хочетъ быть простымъ, онъ хочетъ быть наивнымъ.
А рядомъ въ золотѣ распущенныхъ кудрей,
Съ улыбкой дерзкою Венера нашихъ дней,
Наемница любви—передъ толпой раздѣта.
О Фрины модныя, царицы полусвѣта,—
Въ ней ваша красота и вашъ апоѳеозъ!..
На той же выставкѣ задумчивый Христосъ—
Въ скептической толпѣ, въ гостяхъ у Жюль Симона,
Межъ современныхъ лицъ Парижскаго салона,
Печально говоритъ въ картинѣ у Бэро
Про вѣчную любовь, про вѣчное добро.
Въ искусствѣ нашихъ дней ты побѣждаешь снова,
О Галилеянинъ!.. На проповѣдь Толстого
Сердца откликнулись: повсюду ликъ Христа
Въ картинахъ, въ мраморѣ. Плѣняетъ красота
Его загадочной, простой и вѣчной книги:
Исканье жадное невѣдомыхъ религій—
Опять въ душѣ у всѣхъ. Въ нашъ скорбный, темный вѣкъ,
Быть-можетъ, вновь къ любви вернется человѣкъ
Для разрѣшенія великаго вопроса
О счастьи на землѣ... На полотнѣ Рошгросса
Твое паденіе, твой блескъ изображенъ
Въ предсмертной оргіи, о древній Вавилонъ!
Заря. Ужъ гости спятъ. Порой дыханье слышно
Иль бредъ. Разлитое вино на ткани пышной...
Курильницъ гаснущихъ тяжелый ароматъ...
Съ холоднымъ блескомъ дня багровый лучъ лампадъ
Смѣшался у рабынь на смуглой голой кожѣ.
Вотъ пьяный жрецъ уснулъ съ красавицей на ложѣ.
Усталость мертвая... желаній больше нѣтъ...
И эта оргія мучительна, какъ бредъ...
Не спитъ одинъ лишь царь, и въ ужасѣ на тронѣ
Онъ видитъ тамъ, вдали, пожаръ на небосклонѣ,
Онъ слышитъ грозные, тяжелые шаги
Мидійскихъ воиновъ: «о горе намъ!.. Враги!..»

Онъ молитъ, онъ грозитъ: никто ему не внемлетъ,
И золотой чертогъ въ роскошной нѣгѣ дремлетъ...
Имѣющій глаза да видитъ! Опьяненъ
Величіемъ Парижъ, какъ древній Вавилонъ,
О пусть войдутъ враги, прогонятъ сонъ похмелья,
Съ прекрасныхъ тѣлъ сорвутъ цвѣты и ожерелья,
И разольютъ вино, и опрокинутъ столъ!
Спи, спи, пока твой часъ послѣдній не пришелъ!..
Безумцы, въ ужасѣ проснетесь вы, и вѣрьте,
Вамъ солнца первый лучъ подобенъ будетъ смерти.
Нашъ дряхлый вѣкъ погибъ. Заря и мечъ враговъ
Разгонитъ оргію наложницъ и рабовъ...
Но духъ людей—великъ, но геній—безконеченъ:
Парижъ, воскреснувъ вновь, какъ солнце, будетъ вѣченъ!

VI.

Liberté, Fraternité, Egalité.

Въ нашъ вѣкъ практическій условна даже честь:
Въ Gil-Blas'ѣ, напримѣръ, вы можете прочесть
Рекламы каждый день о молодой дѣвицѣ
Иль о скучающей вдовѣ на той страницѣ,
Гдѣ о наемѣ дачъ вы только что прочли:
«J'ai dix-neuf ans, je suis bien faite et très jolie».
Всѣмъ предлагаетъ даръ она любви свободной,
Кто заплатить готовъ ея портнихѣ модной.
Межъ тысячей каретъ я вижу тамъ, вдали,
На шумной улицѣ идетъ старикъ въ пыли,
Съ рекламой на спинѣ, по мостовой горячей.
Онъ служитъ для толпы афишею ходячей.
На старческомъ лицѣ ни мысли, ни души.
Онъ ходитъ такъ всю жизнь за бѣдные гроши,
Чтобы прочесть о томъ въ блистательной рекламѣ
Извѣстье важное удобно было дамѣ,
Что можно въ «Bon-Marché» купить за пустяки
Для ножекъ розовыхъ ажурные чулки.
А надъ красавицей и надъ живой афишей,
На мраморной доскѣ, надъ выступомъ иль нишей,

Я громкія слова читаю: Liberté,
Egalité и звукъ пустой—Fraternité.
На сценѣ крохотной актеръ въ кафешантанѣ,
Кривлялся предъ толпой въ безсмысленномъ канканѣ,
Плѣшивый, худенькій, въ истертый фракъ одѣтъ,
Онъ хриплымъ голосомъ выкрикивалъ куплетъ.
Я слышалъ смѣхъ въ толпѣ, но ничего смѣшного
Не находилъ въ чертахъ лица его больного...
Бывало, въ темный вѣкъ, когда въ Россіи кнутъ
Свистѣлъ надъ спинами рабовъ, дворовый шутъ
Смѣшилъ господъ и дамъ, скучающихъ въ бесѣдѣ,
О сплетняхъ городскихъ, на праздничномъ обѣдѣ:
Такой же рабъ толпы въ нашъ просвѣщенный вѣкъ
Въ свободномъ городѣ—свободный человѣкъ!..
Когда, поднявъ свой мечъ, склонялся гладіаторъ
Надъ раненымъ бойцомъ и ждалъ, чтобъ императоръ
Рукою подалъ знакъ къ убійству, и нога
Стояла на груди упавшаго врага,
И крови требовалъ народъ съ восторгомъ дикимъ,—
Ты все же, древній Римъ, былъ грознымъ и великимъ.
Но къ этимъ зрѣлищамъ мы не вернемся вновь,
И, Боже насъ храни, пролить людскую кровь:
Намъ только нравятся невинныя забавы.
Мы не язычники, давно смягчились нравы...
А все-таки шутовъ мы любимъ, и у всѣхъ
Сегодняшній актеръ не даромъ вызвалъ смѣхъ.
Въ жестокости толпы ужъ больше нѣтъ величья,—
За то соблюдены законы и приличья!

VII.

Венера Милосская.

О древній Лувръ, подъ сѣнь безмолвную твою
Отъ шумной улицы я уходить люблю.
Не все ли мнѣ равно—Мадонна иль Венера,—
Но вѣра въ идеалъ—единственная вѣра,
Отъ общей гибели оставшаяся намъ,
Она—послѣдній Богъ, она—послѣдній храмъ!

Къ тебѣ, Милосская богиня, крикъ народа
Порою долеталъ: «да здравствуетъ свобода!»
И марсельезою Парижъ былъ опьяненъ.
За волю всѣхъ рабовъ, за счастье всѣхъ племенъ,
Въ дыму подъ градомъ пуль, съ надеждою во взглядахъ
Толпа бѣжала смерть встрѣчать на баррикадахъ.
Но съ ликомъ мраморнымъ богиня красоты,
Страдающихъ людей не видя съ высоты,
Смотрѣла молча въ даль холодными очами.
Неумолимая! какъ ты царишь надъ нами—
Царить во всѣ вѣка ты будешь надъ людьми.
О, преклони свой взоръ на гибнущихъ, пойми,
Какъ мы страдаемъ!.. Нѣтъ, не видитъ и не слышитъ
И только вѣчною красой улыбка дышитъ.
Венера, съ гибелью у ногъ твоихъ мирюсь,
Когда тебя люблю, когда тебѣ молюсь,
И въ ликѣ мраморномъ я вѣчность созерцаю,
Благословляю жизнь и смерть благословляю!..

Но вдругъ мои мечты внезапный шумъ прервалъ,
И съ говоромъ вошла толпа туристовъ въ залъ.
Рыжеволосая, худая, въ пестромъ пледѣ,
Свой красный Бэдекеръ подъ мышкой держитъ лэди.
Богъ вѣдаетъ, зачѣмъ они сюда пришли.
Чрезъ горы и моря во всѣ концы земли
Изъ Англіи родной туристовъ гонитъ скука.
За двѣсти шиллинговъ везутъ агенты Кука
Показывать по всѣмъ столичнымъ городамъ
Имъ каждый памятникъ, развалину иль храмъ.
Отъ этихъ англичанъ, кочующихъ и праздныхъ,
Сидѣльцевъ лондонскихъ и лэди безобразныхъ,—
Нигдѣ спасенья нѣтъ! И здѣсь у ногъ твоихъ,
Киприда вѣчная, гляжу съ тоской на нихъ...
Вы цѣните красу и геній безграничный
На фунты стерлинговъ въ нашъ вѣкъ демократичный.
Работать, къ вѣчному стремиться?.. Но зачѣмъ?..
Онъ все-таки придетъ и овладѣетъ всѣмъ,

Не зная нашихъ жертвъ, не помня нашихъ стоновъ,
Банкиръ или купецъ, владыка милліоновъ...
Такъ думалъ я въ тоскѣ мучительной...
Но ты,
Ты все попрежнему богиня красоты,
Смотрѣла, молча, въ даль, не видя насъ, надъ нами,
Какъ небо ясными, холодными очами...
Быть можетъ, видѣла ты новый, лучшій вѣкъ,
Тѣ дни, когда къ тебѣ вернется человѣкъ,
Когда ты будешь вновь царицею вселенной,
Красой подобная природѣ неизмѣнной!

VIII.

Бульвары вечеромъ.

По душнымъ улицамъ я вечеромъ иду,
Смотрю на первую далекую звѣзду,
Мою любимую, въ темнѣющей лазури.
Кричатъ газетчики: «Le Soir!» Подобенъ бурѣ
Парижа вѣчный гулъ... Въ театрахъ на крыльцо
Выходятъ подышать прохладой, но въ лицо
Прохожимъ вѣетъ зной... Еще асфальтъ бульвара
Во мракѣ не остылъ отъ солнечнаго жара.
Волною мягкою струится блѣдный свѣтъ
Отъ электричества на тысячи каретъ,
На темную листву, на пестрыя рекламы.
И какъ чертоги фей, какъ сказочные храмы,
Блестятъ кафе, гдѣ пьютъ и смотрятъ на бульваръ,
И столиками весь широкій тротуаръ
Уставленъ... Съ фонаремъ зеленымъ, въ тучѣ пыли,
Со скачекъ праздничныхъ на призъ въ Арменонвиллѣ,
Какъ цѣлый домъ, толпой разряженной набитъ
Огромный омнибусъ по улицѣ гремитъ.
Въ «Café Ambassadeurs», въ пылающей рекламѣ
Изъ газовыхъ рожковъ, начертано огнями
Надъ моремъ черныхъ шляпъ и любопытныхъ лицъ

«Yvette Guilbert»—одной изъ уличныхъ пѣвицъ
Названье модное. За Аркой Тріумфальной
Надъ Елисейскими Полями свѣтъ печальный
Зари давно померкъ, и лишь послѣдній лучъ
Чуть брезжетъ вдалекѣ изъ-за ненастныхъ тучъ,
Надъ потемнѣвшими громадами столицы
Сверкаютъ и дрожатъ вечернія зарницы.
Какъ башня Эйфеля воздушна и легка!
Я вижу, сквозь нее мелькаютъ облака,
И свѣтитъ блѣдный лучъ на горизонтѣ мрачномъ,
Въ узорѣ проволокъ туманномъ и прозрачномъ,
Какъ будто тамъ, вдали, вдали, межъ облаковъ
Уже глядитъ на насъ, печаленъ и суровъ,
Двадцатый вѣкъ... Чего онъ хочетъ, что онъ скажетъ,
Какую вѣру дастъ, какой намъ путь укажетъ?
Не знаю, почему, но въ этотъ душный зной,
Во мракѣ, окруженъ безчисленной толпой,
Бѣгущей, какъ потокъ, волною говорливой
За наслажденіями, за властью и наживой,
Я вспомнилъ о тебѣ, родимая земля,
Я вспомнилъ тихія, унылыя поля
И съ бѣлой церковью убогое селенье,
Прохладу на зарѣ и жаворонковъ пѣнье.
Я вспомнилъ пахаря знакомыя черты,
Смиренья полныя и дѣтской доброты.
Играетъ вѣтерокъ сѣдыми волосами.
Какъ древній патріархъ, одинъ подъ небесами.
За плугомъ онъ идетъ съ лошадкою своей,
Потерянный въ нѣмой безбрежности полей.
Какая дума въ немъ, какая сила дремлетъ?
Меня предчувствіе великаго объемлетъ
Въ столицѣ міра, здѣсь, гдѣ скорбный, дряхлый вѣкъ
Кончаетъ дни свои среди роскошныхъ нѣгъ...
Когда проснешься ты, о труженикъ суровый,
. . . . . .
Кто сниметъ съ устъ твоихъ безмолвія печать?..
. . . . . .

IX.

Петербургъ.

Но какъ ни тяжело, мы все-таки въ Парижѣ—
Къ чему-то свѣтлому и радостному ближе:
Здѣсь легче дышится, здѣсь люди цѣнятъ трудъ.
Участвуютъ въ борьбѣ, страдаютъ и живутъ.
А тамъ, у насъ... Ужель, я возвращусь въ холодный,
Туманный Петербургъ, гдѣ въ болтовнѣ безплодной
И консерваторы, и либералы—всѣ
Мы только кружимся, какъ бѣлка въ колесѣ?
Журфиксъ чиновниковъ, томительный и длинный,
О симфоническомъ собраніи въ гостиной
За чаемъ разговоръ интеллигентныхъ дамъ,
Съ безцѣльной клеветой и сплетней пополамъ:
Бѣжалъ въ Америку кассиръ провинціальный...
Извѣстье, что одинъ профессоръ либеральный,
Почтенный старичокъ со службы удаленъ.
Потомъ исторія двухъ разведенныхъ женъ,—
И гости, наконецъ, всѣ темы истощили...
Что дѣлать?.. Тишина нѣмая,—какъ въ могилѣ...
Но слава Богу: вонъ—желанный мигъ,—повелъ
Хозяинъ въ кабинетъ, гдѣ ожидаетъ столъ
Съ колодой картъ, и всѣ опять—въ родной стихіи:
Винтъ—современный богъ скучающей Россіи!
Какой огонь въ очахъ, какой восторгъ у всѣхъ.
Какъ вспыхнулъ разговоръ, и шуточки, и смѣхъ!..
И старый генералъ, и робкая дѣвица,
Всѣ полы, возрасты, характеры и лица,
Всѣ убѣжденія сливаются въ одномъ
Порывѣ искреннемъ за карточнымъ столомъ.
Въ игрѣ убита ночь, а на разсвѣтѣ нуженъ
Усталымъ игрокамъ для подкрѣпленья ужинъ.
Теперь у нихъ въ душѣ—такая пустота,
Что, право, ни одна грѣховная мечта,
Вольнолюбивая, къ нимъ залетѣть не можетъ:
Печаль за родину ихъ сна не потревожитъ.

И мнится, въ городѣ все вымерло навѣкъ,
И только падаетъ въ туманѣ мокрый снѣгъ.
По грязнымъ улицамъ, по мертвому безлюдью
Порой со шпорами и съ выпяченной грудью
На охтенскій пожаръ промчится брандмайоръ,
Вперивъ въ нѣмую даль начальническій взоръ...
Тоска!.. Ужель опять вернусь въ твое болото,
О, Петербургъ, о, жизнь, объятая дремотой,
Какъ въ лужахъ мертвая стоячая вода,—
Безъ воли, безъ любви, безъ мысли, безъ труда!

X.

Родина.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

И все-таки тебя, родная, на чужбинѣ
Люблю, какъ никогда я не любилъ донынѣ.
Я только здѣсь, народъ, въ чужой землѣ постигъ,
Какъ, несмотря на все, ты—молодъ и великъ,—
Когда припоминалъ я Волгу, степь нѣмую
И пѣсенъ Пушкина мелодію родную,
И вѣковыхъ лѣсовъ величественный шумъ,
И тихую печаль малороссійскихъ думъ.
Я передъ будущимъ твоимъ благоговѣю
И все-таки горжусь я родиной моею.
За всѣ страданія еще сильнѣй любя,
Что бъ ни было, о Русь, я вѣрую въ тебя!

1891 г.
Парижъ.

ВОРОНЪ.

ПОЭМА ЭДГАРА ПОЭ.

Погруженный въ скорбь нѣмую
и усталый, въ ночь глухую,
Разъ, когда поникъ въ дремотѣ
я надъ книгой одного
Изъ забытыхъ міромъ знаній,
книгой полной обаяній,—
Стукъ донесся, стукъ нежданный
въ двери дома моего:
«Это путникъ постучался
въ двери дома моего,
Только путникъ—
больше ничего».

Въ декабрѣ—я помню—было
это полночью унылой.
Въ очагѣ подъ пепломъ угли
разгорались иногда.
Груды книгъ не утоляли
ни на мигъ моей печали—
Объ утраченной Ленорѣ,
той, чье имя навсегда—
Въ сонмѣ ангеловъ—Ленора,
той, чье имя навсегда
Въ этомъ мірѣ стерлось—
безъ слѣда.

Отъ дыханья ночи бурной
занавѣски шелкъ пурпурный
Шелестѣлъ, и непонятный
страхъ рождался отъ всего.
Думалъ, сердце успокою,
все еще твердилъ порою:
«Это гость стучится робко
въ двери дома моего,
Запоздалый гость стучится
въ двери дома моего,
Только гость—
и больше ничего!»

И когда преодолѣло
сердце страхъ, я молвилъ смѣло:
«Вы простите мнѣ, обидѣть
не хотѣлъ я никого;
Я на мигъ уснулъ тревожно:
слишкомъ тихо, осторожно,—
Слишкомъ тихо вы стучались
въ двери дома моего...»
И открылъ тогда я настежь
вери дома моего—
Мракъ ночной,—
и больше ничего.

Все, что духъ мой волновало,
все, что снилось и смущало,
До сихъ поръ не посѣщало
въ этомъ мірѣ никого.
И ни голоса, ни знака—
изъ таинственнаго мрака...
Вдругъ «Ленора!» прозвучало
близъ жилища моего...
Самъ шепнулъ я это имя,
и проснулось отъ него
Только эхо—
больше ничего.

Но душа моя горѣла,
    притворилъ я дверь несмѣло.
Стукъ опять раздался громче;
    я подумалъ: «Ничего.
Это стукъ въ окнѣ случайный,
    никакой здѣсь нѣту тайны:
Посмотрю и успокою
    трепетъ сердца моего,
Успокою на мгновенье
    трепетъ сердца моего.
        Это вѣтеръ,—
            больше ничего».

Я открылъ окно, и странный
    гость полночный, гость нежданный,
Воронъ царственный влетаетъ;
    я привѣта отъ него
Не дождался. Но отважно,—
    какъ хозяинъ, гордо, важно
Полетѣлъ онъ прямо къ двери,
    къ двери дома моего,
И вспорхнулъ на бюстъ Паллады,
    сѣлъ такъ тихо на него,
        Тихо сѣлъ,—
            и больше ничего.

Какъ ни грустно, какъ ни больно,—
    улыбнулся я невольно
И сказалъ: «Твое коварство
    побѣдимъ мы безъ труда,
Но тебя, мой гость зловѣщій,
    Воронъ древній, Воронъ вѣщій,
Къ намъ съ предѣловъ вѣчной Ночи
    прилетающій сюда,
Какъ зовутъ въ странѣ, откуда
    прилетаешь ты сюда?»
    И отвѣтилъ Воронъ:
            «Никогда».

Говоритъ такъ ясно птица,
не могу я надивиться.
Но казалось, что надежда
ей навѣкъ была чужда.
Тотъ не жди себѣ отрады,
въ чьемъ дому на бюстъ Паллады
Сядетъ Воронъ надъ дверями;
отъ несчастья никуда,—
Тотъ, кто Ворона увидѣлъ,—
не спасется никуда,
Ворона, чье имя:
«Никогда».

Говорилъ онъ это слово
такъ печально, такъ сурово,
Что, казалось, въ немъ всю душу
изливалъ; и вотъ, когда
Недвижимъ на изваяньи
онъ сидѣлъ въ нѣмомъ молчаньи,
Я шепнулъ: «Какъ счастье, дружба
улетѣли навсегда,
Улетитъ и эта птица
завтра утромъ навсегда.
И отвѣтилъ Воронъ:
«Никогда».

И сказалъ я, вздрогнувъ снова:
«Вѣрно молвить это слово
Научилъ его хозяинъ
въ дни тяжелые, когда
Онъ преслѣдуемъ былъ Рокомъ,
и въ несчастьи одинокомъ,
Вмѣсто пѣсни лебединой,
въ эти долгіе года
Для него былъ стонъ единый
въ эти грустные года—
Никогда,—ужъ больше
никогда!»

Такъ я думалъ и невольно
    улыбнулся, какъ ни больно.
Повернулъ тихонько кресло
    къ бюсту блѣдному, туда,
Гдѣ былъ Воронъ, погрузился
    въ бархатъ креселъ и забылся...
«Страшный Воронъ, мой ужасный
    гость,—подумалъ я тогда—
Страшный, древній Воронъ, горе
    возвѣщающій всегда,
        Что же значитъ крикъ твой:
            «Никогда»?

Угадать стараюсь тщетно;
    смотритъ Воронъ безотвѣтно.
Свой горящій взоръ мнѣ въ сердце
    заронилъ онъ навсегда.
И въ раздумьи надъ загадкой,
    я поникъ въ дремотѣ сладкой
Головой на бархатъ, лампой
    озаренный. Никогда
На лиловый бархатъ креселъ,
    какъ въ счастливые года,
        Ей ужъ не склоняться—
            никогда!

И казалось мнѣ: струило
    дымъ незримое кадило,
Прилетѣли Серафимы,
    шелестѣли иногда
Ихъ шаги, какъ дуновенье:
    «Это Богъ мнѣ шлетъ забвенье!
Пей же сладкое забвенье,
    пей, чтобъ въ сердцѣ навсегда
Объ утраченной Ленорѣ
    стерлась память—навсегда!..»
        И сказалъ мнѣ Воронъ:
            «Никогда».

«Я молю, пророкъ зловѣщій,
птица ты иль демонъ вѣщій,
Злой ли Духъ тебя изъ Ночи,
или вихрь занесъ сюда
Изъ пустыни мертвой, вѣчной,
безнадежной, безконечной,—
Будетъ ли, молю, скажи мнѣ,
будетъ ли хоть тамъ, куда
Снизойдемъ мы послѣ смерти,—
сердцу отдыхъ навсегда?»
И отвѣтилъ Воронъ:
«Никогда».

«Я молю, пророкъ зловѣщій,
птица ты иль демонъ вѣщій,
Заклинаю небомъ, Богомъ,
отвѣчай, въ тотъ день, когда
Я Эдемъ увижу дальной,
обниму ль душой печальной
Душу свѣтлую Леноры,
той, чье имя навсегда
Въ сонмѣ ангеловъ—Ленора,
лучезарной навсегда?»
И отвѣтилъ Воронъ:
«Никогда».

«Прочь!—воскликнулъ я, вставая,—
демонъ ты иль птица злая.
Прочь!—вернись въ предѣлы Ночи,
чтобы больше никогда
Ни одно изъ перьевъ черныхъ,
не напомнило позорныхъ,
Лживыхъ словъ твоихъ! Оставь же
бюстъ Паллады навсегда,
Изъ души моей твой образъ
я исторгну навсегда!»
И отвѣтилъ Воронъ:
«Никогда».

И сидитъ, сидитъ съ тѣхъ поръ онъ
    тамъ, надъ дверью, черный Воронъ,
Съ бюста блѣднаго Паллады
    не исчезнетъ никуда.
У него такія очи,
    какъ у Злого Духа ночи,
Сномъ объятаго; и лампа
    тѣнь бросаетъ. Навсегда
Къ этой тѣни черной птицы
    пригвожденный навсегда,—
        Не воспрянетъ духъ мой—
            никогда!

BINDING SECT. SEP 22 1970

PG
3467
M4
1914
t.23

Merezhkovskii, Dmitrii
Sergeevich
Polnoe sobranie sochinenii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY